
ПИОНЕР
СЕНТЯБРЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1959 год
9



ДРУЗЬЯ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Не только у каждого человека, но и у государств бывает свой день рождения.

1 октября — день рождения Китайской Народной Республики. А в нынешнем году это праздник особенный: великий Китай, свободный социалистический Китай встречает свой день рождения в десятый раз. Десять лет уже прошло с тех пор, как китайский народ прогнал врагов и угнетателей со своей земли: прогнал и феодалов и колонизаторов. Десять лет он сам строит свою жизнь и свое счастье.

День рождения нашего друга — праздник и для нас. Крепкая дружба связывает советских детей с детьми Китая. Каждый день мчатся на поездах, летят на самолетах навстречу друг другу письма китайских и советских пионеров. Друзья обмениваются коллекциями, подарками, игрушками, а те, кто живет недалеко от китайско-советской границы, ездят друг к другу в гости.

Пусть эта дружба длится всегда, от детства до старости, пусть она переходит от поколения к поколению и приносит счастье и силу нашим народам.



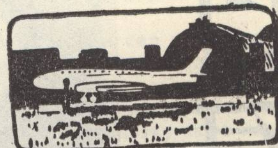
ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 36-й

СЕНТЯБРЬ
№ 9
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"
1959

В этом номере:



Путешествие по Выставке достижений народного хозяйства СССР, где на каждом шагу чудеса.



Новые вести о Красных галстуках на стройках семилетки.



Китайские пионеры рассказывают о себе.



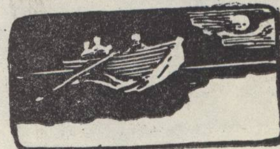
Очерк о съемке нового фильма «Нормандия—Неман», о боевой дружбе французских и советских летчиков.



Мальчики и девочки, могут ли они дружить между собой?.. Клуб приглашает тебя на заседание, где спорят об этом.



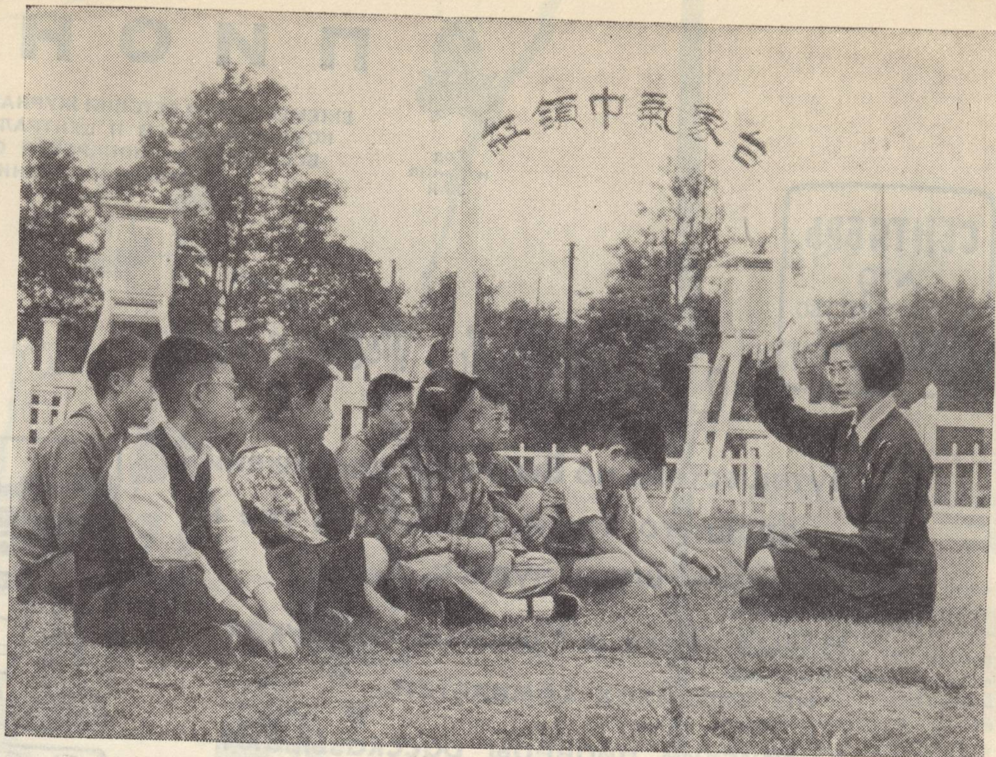
Отважные проникают в тыл врага. Продолжение повести о юных партизанах.



Рассказ с загадочным названием: «Поперечная навигация».

и многое другое...

ДЕТИ КИТАЯ





ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Недавно московские школьники отправились в путешествие по замечательной стране — Китаю. Давайте поедем вместе с ними. Хоть это путешествие и заочное, оно обещает быть очень интересным. Нас ведут в пути наши друзья, китайские пионеры.

Каким образом? А вот как: пионеры-москвичи называют очередной пункт странствия — китайский город или село. А ребята из этой местности шлют в Москву фотографии, рисунки, рассказы... И рассказывают китайские ребята так живо, что иной раз кажется, будто и впрямь побывал у них в гостях.

Вот, например, ребята из села Цяньлинчжуан прислали рассказ о юном герое Юань Сяо-гуе, именем которого названа их школа... Передаем письмо вкратце.

Это происходило в дни борьбы Китая против иноземных захватчиков. Враги окружили село Цяньлинчжуан и потребовали выдачи партизан. Жители отказались. Тотчас же несколько человек были убиты врагами. Солдаты вскинули винтовки... Еще мгновение — и все население было бы расстреляно...

— Я знаю, где партизаны! — закричал Юань Сяо-гуй.

Враги опустили винтовки и пошли за мальчиком.

Юань Сяо-гую исполнилось всего десять лет, но он хорошо помнил первый пионерский закон военного времени: «Не показывай дорогу врагам и предателям!». На кладбище, куда он повел иноземных солдат, не было партизан.

Так спас своих односельчан Юань Сяо-гуй. Он погиб со словами: «Да здравствует китайский народ!»

Героев, подобных Юань Сяо-гую, немало среди пионеров Китая... На фотографии слева, внизу — ее прислали нам пекинские пионеры — изображена храбрая девочка Цай Юй-шуан, отличившаяся в борьбе с чанкайшистами на Тайване. Цай Юй-шуан — герой республики.

А верхняя фотография, присланная из Шанхая, говорит о мирных сегодняшних делах китайских пионеров. Вы видите тут метеостанцию «Красный галстук» в Шанхайском Дворце пионеров. Вожатая объясняет ребятам, как составляется сводка погоды. При Шанхайском Дворце есть и пионерская типография, и пионерская фабрика, и пионерский металлургический комбинат.

ГЕРОИ МАЛЕНЬКИХ ПЯТИЛЕТОК

Китайские ребята были храбрыми помощниками взрослых в трудные дни борьбы. Вы уже узнали об одном пионерском правиле того времени: «**Не** показывай дорогу врагам и предателям!»

Кроме этого, у китайских пионеров было еще четыре правила:

«**Не** носить почту врагов»,
«**Не** говорить врагу, где спрятано продовольствие»,
«**Не** брать сладостей у врагов»,
«**Не** читать книг врагов».

Как видите, все это правила запрещающие: каждое начинается словом «не». Эти пять правил так и назывались — «5 не».

Правила мирного времени утверждают труд созидание, жизнь...

В деле строительства социализма, в выполнении большой пятилетки китайские ребята горячо помогают взрослым.

У каждой китайской пионерской дружины есть свой пятилетний план, своя маленькая пятилетка. Все маленькие пятилетки дружно способствуют выполнению большой пятилетки Китайской Народной Республики.

Большой пятилетке нужен металл и кирпич. И вот все работники маленьких пятилеток дружно собирают кирпичи и металлолом.

Пекинские ребята рассказали, что из собранных ими кирпичей в их родном городе построено много домов. Недавно в Пекине открылась новая конфетная фабрика, все корпуса которой сложены из «пионерских кирпичей».

Много ценных для городов и сел вещей создано благодаря найденному китайскими пионерами металлолому.

Но ребята Китая не только собирают металлолом и кирпич, они вкладывают в пятилетку свое творчество. Во втором Всекитайском слете молодых активистов — строителей социализма, который проходил недавно, принимали участие и пионеры. Особенно много говорилось о работе одного делегата, школьника. Этот четырнадцатилетний паренек изо-



брел блочные и рычажные землеподъемные машины для строительства каналов.

Заместитель председателя КНР товарищ Чжу Дэ тепло принял пионеров — делегатов слета, пожелал им хорошо учиться и работать.

На фотографии — трактор, купленный на деньги, вырученные за металлолом. Этот трактор китайские пионеры отдают в подарок сельскохозяйственной коммуне. Как видите, маленькие пятилетки вносят свои ценные вклады в большой пятилетний план.

«СЯО СЯНЬШЕН»

Эти два слова в переводе означают «маленький учитель». Сотни тысяч китайских пионеров стали «маленькими учителями» своих родителей и старших товарищей. Они учат взрослых читать и писать.

Учить взрослых может только тот, кто сам хорошо учится. «Сяо сяньшен» — одно из самых почетных пионерских поручений в Китае.

Когда-то, на заре пионерского движения, подобным же делом занимались и наши советские ребята. Было у нас такое понятие — «ликбез» — ликвидация, то есть уничтожение, безграмотности, горького наследия царской России.

Китай долгое время был страной полуколониальной, и бедные люди там не имели возможности учиться. Теперь они терпеливо, упорно наверстывают с помощью пионеров упущенное.

У нас в стране больше нет неграмотных... Не за горами то время, когда неграмотных не будет и в Китае. Но пока что у китайских ребят хватает работы. Иные взрослые в Китае еще не могут читать газет. Поэтому особенно важно, чтобы в каждом китайском доме было радио.

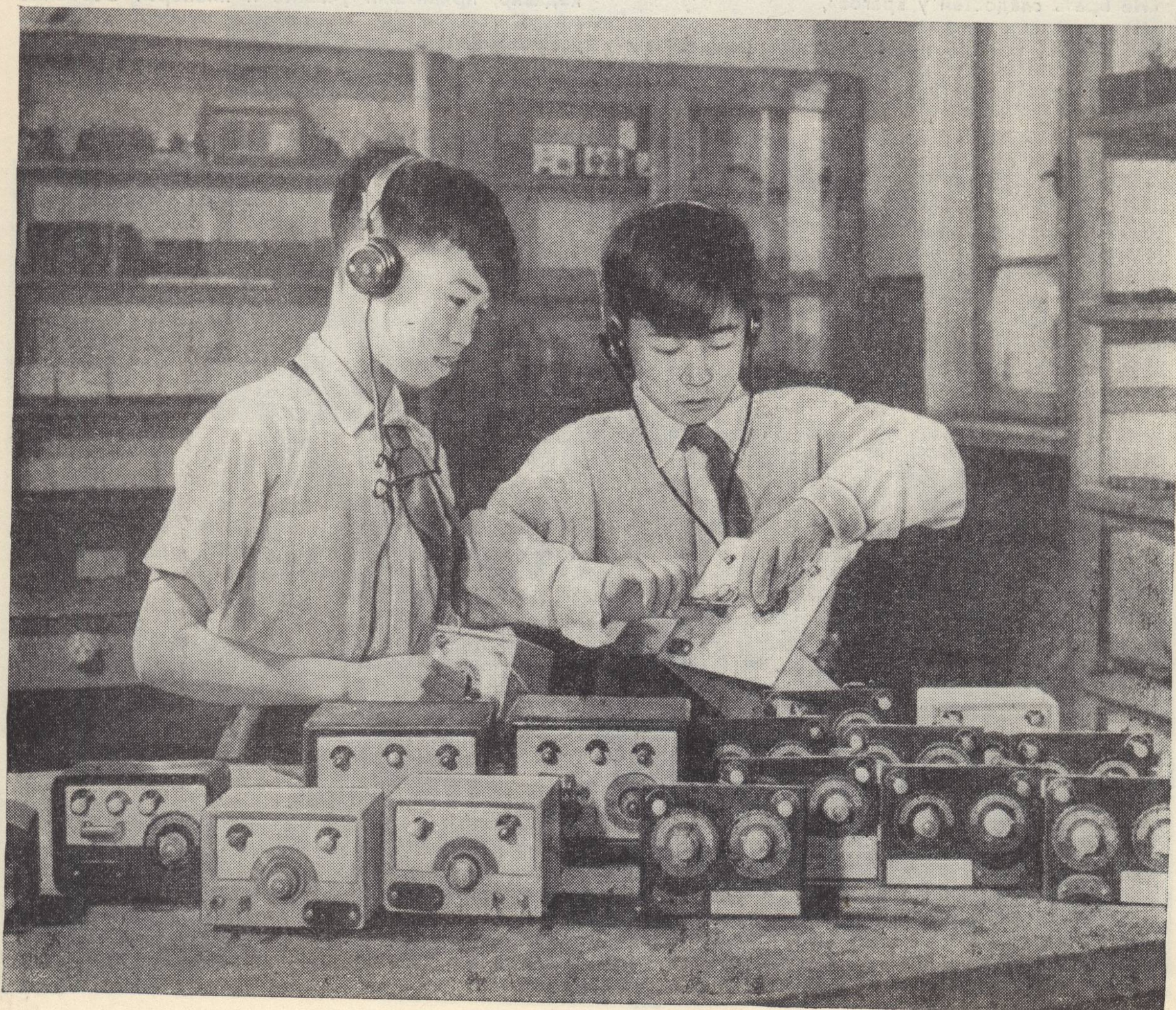
На фотографии радиолюбители Харбинского Дворца пионеров собирают радиоприемники. С помощью этих приемников даже неграмотные люди будут в курсе политических событий.

«ТРИ ЧИСТО»

Слышите, кто-то опять сказал «сань цзе»?.. «Сань-цзе» — эти слова то и дело можно услышать в Китае. «Сань» — по-китайски — три, «цзе» — чисто... «Сань цзе» — «три чисто». «Чисто в комнате», «чисто на дворе», «чисто на улице» — вот три теперешних правила китайского пионера.

О комнате говорить не приходится. В комнате, где живет китайский пионер, полный порядок и чистота.

А на улице можно часто увидеть сценку, подоб-



ную той, что изображена на верхней фотографии: пионерский пост обращается к взрослым с требованием соблюдать в городе чистоту... Пионерские посты и санитарные заставы вы встретите во многих китайских городах и селах.

В Шанхае пятнадцать улиц находятся в ведении пионеров. Пионеры здесь — полновластные хозяева: они подметают улицы, ведут разъяснительную работу среди населения, даже сами регулируют движение городского транспорта. Эти улицы так и называются — «улицы Красного галстука».

Но улицы должны быть не просто чисты, их надо сделать красивыми. И вот ребята из провинции Цзянси решили: «Пусть каждый посадит по десяти деревьев»... Теперь в Цзянси уже зеленеют пионерские леса.

Фотографию, которую вы видите внизу, прислали китайские пионеры. Они приложили к ней слова своей любимой песенки:

Мы сажаем деревца
Прямо у дороги.
Мы сажаем деревца
На горе пологой.
Ты расти, лесок, стеной!
Встань над полем, над горой!
И от ветра и от зноя
Урожай в полях укрой!
Деревца, народ веселый,
Поднимайтесь вверх, дружны!..
Вы и городу, и селам,
И ребятам всем нужны!





ОДИН ДВОИХ НАУЧИТ

Вот что еще мы узнали, путешествуя по Китаю: каждый китайский пионер обязательно овладевает хоть одним видом спорта.

Наши китайские друзья очень любят походы. Любят они и спортивные игры, в особенности баскетбол и настольный теннис.

И знаете, какое золотое правило есть у каждого юного китайского спортсмена? Каждый пионер, занимающийся в спортивной школе, обязан передать свои знания двум товарищам. Каждый ведет за собой еще двоих.

Так растет число юных спортсменов в Китае. Каждый из спортсменов, обучая своих друзей, совершенствует свое мастерство и приобретает с юных лет навыки инструктора. Спорт в Китае поднялся на большую высоту.

На фотографии интересный вид спорта: — охота. Юные охотники, как видно, не первый год занимаются этим спортом: охота была удачной.

А то, что вы видите на фотографии внизу, пожалуй, спортом не назовешь. Это просто веселая игра. Посмотрите-ка на лица малышей, и вы поймете, как хорошо живется ребятам в новом Китае. И если бы наше путешествие было не заочным и вы в самом деле ездили бы по китайским городам и селам, вы увидели бы своими глазами, как вырастают там на каждом шагу школы, ясли, детские сады...

Родители могут работать спокойно: детям хорошо, весело, уютно в дружной семье детского сада!

ПОПЕРЕЧНАЯ НАВИГАЦИЯ

Михаил КОРШУНОВ

Рисунки Ф. Лемкуля.

1

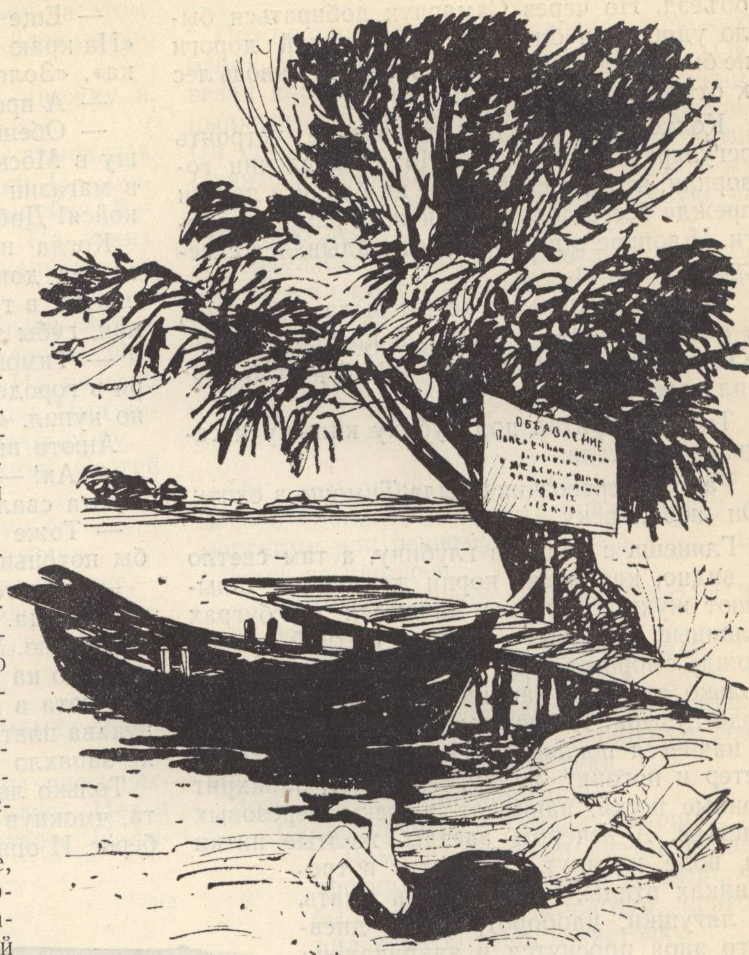
Тимоша, как всегда, лежал на берегу реки Самарчук и читал книжку.

Рядом были деревянные мостки из неструганных толстых досок, позеленевших от воды. К столбу мостков была привязана старая лодка с забитыми конопатью щелями и густо залитая смолой.

Принадлежала лодка Тимоше. Досталась ему еще от деда.

Тимоша совершал на ней путешествия по реке, но теперь большую часть времени он читал. Это случилось с тех пор, как в деревню приехала работать Зося, веселая, неугомонная Зося-библиотекарь. И вскоре она начала привозить десятки веселых и интересных книг.

Зося всегда советовала Тимоше, какую книгу взять, в каком журнале прочитать о светящихся красках, о самой редкой и дорогой почтовой марке в мире, о новом музыкальном инструменте—экводине, о вертолетах-такси, о посадке семян на бумаге.



И Тимоша, как только начинались летние каникулы, каждый день отправлялся на берег Самарчука, устраивался в зарослях лещины, подле мостков, и принимался за чтение. Тут мать не донимала просьбами: напои кур, выпусти гусей, покорми ботвой поросенка. Тимоша мог исполнять мужскую работу, которую исполнял отец, когда был жив: вытянуть из колодца воды, напилить дров, подколотить в швах железо на крыше, чтобы крыша не текла. А гуси, куры, поросята — это он не любил. Брал книжку и убегал на реку.

К реке на мостки приходили хозяйки с коромыслами. На коромыслах соломенные корзинки с бельем для полоскания.

Топоча голыми пятками, прибегали мальчишки и плюхались с мостков в воду: учились нырять и плавать. Хозяйки стегали их мокрым бельем, чтобы не мешались под руками и не баламутили воду.

— Тимошка! — приставали мальчишки.— Как мы плаваем?

— На втором месте,— не отрываясь от книги, отвечал Тимоша.

— Все на втором?

— Да. Все.

— А почему на втором?

— На первом топор.

Мальчишки обижались.

— А ты, Тимошка, и не моряк вовсе, а рекак!

Они подпрыгивали в мелкой воде.

— Ре-как! Ре-как!

С противоположного берега с песчаной отмели вдруг раздавался крик:

— Тимоша! Э-гей! Где ты, Тимоша?!

Дорога из города в деревню шла в объезд. Но через Самарчук добираться было удобнее и ближе. Хотя никакой дороги не было, а просто набилась тропка сквозь лес к отмели.

Колхозники просили правление устроить регулярную переправу. Но в правлении говорили, что все свободные на балансе деньги прежде всего должны пойти на ремонт дороги. И вопрос о переправе откладывался с месяца на месяц.

Тимошина лодка с весны была у мостков, и сам Тимоша — с книжкой на берегу реки. Кто спешил в город, приходил к реке и просил перевезти.

Тимоша прятал под рубаху книжку и садился за весла.

Работа перевозчика была Тимоше в охоту. Он любил реку.

Глянешь с лодки в глубину, а там светло и видно, как висят корни кувшинок, шныряют жуки-полоскуны, качаются на буграх длинные, путаные травы. Летний рябой дождь сморщит воду, и уже ничего не видно, только слышно, как шелестят, лопаются на воде пузыри. После дождя всплывет рыба, и начнется поклевка. Или вдруг наскочит ветер и погонит волну, поднимет, завихрит донные пески, накидает в реку березовых листьев. А вечером звезды желтые нитки на воде натянут. Захрустят в тростниках птицы, укладываясь спать. А лягушки, наоборот, после дневного зноя проснутся и закричат на всю округу. Словно всем интересно узнать о том, что они проснулись.

На реке вырос Тимошин отец, выросли деды и прадеды, рос и Тимоша.

Сейчас Тимошу звала Зося.

Тимоша отвязал от столба лодку, вложил весла в уключины и поплыл.

Зося была на велосипеде. К раме и багажнику велосипеда были прикручены веревкой пачки книг. Зося ехала из города, из библиотечного коллектора, везла новые книги.

Тимоша помог Зосе втащить в лодку велосипед с книгами, и лодка заскользила обратно к деревне.

Зося сидела на корме и, щурясь от солнца, радостно говорила:

— Достала книгу о Чкалове, Джека Лондона про Смока Беллью и Малыша. Помнишь, я тебе рассказывала о Малыше и Смоке? Они мыли золото на ручье Индианка.

Тимоша кивнул.

— Еще достала занимательную физику, «На краю Ойкумены» Ефремова, «Сына полка», «Золотого жука».

— А про Оливера Твиста?

— Обещали. А если не достанут, я напишу в Москву, в центральный коллектор или в магазин «Книга — почтой». Ты не беспокойся! Добуду обязательно.

Когда причалили к мосткам, там уже стояла доярка Анюта в легком нарядном платье, в туфлях на тонких выгнутых каблуках, губы тронуты помадой.

— Тимошенька, свет ясный, перевези! Боря в городе ждет. Опаздываю. Билеты в кино купил. «Тихий Дон», вторая серия.

Анюта впрыгнула в лодку.

— Ах! — Тонкие каблуки подвернулись, и Анюта свалилась на скамейку.

— Тоже мне,— буркнул Тимоша.— Еще бы потоньше нацепила!

— Ничего не поделаешь, Тимофей Иванович. Мода. Сеанс в три сорок. Конечно, не поспею. Мотор бы ты какой привесил, что ли, а то на веслах шлепаешь!

Анюта в волнении достала из-под узкого рукава платочек, смяла его в пальцах. В лодке запахло духами.

Только лодка ткнулась в песок, как Анюта, чмокнув Тимошу в щеку, выпрыгнула на берег. И опять — ах! Подвернулись каблуки.



Анюта в сердцах сбросила с ног туфли, схватила их и побежала в город.

Тимоша сердито тер щеку — испачкала еще помадой — и глядел вслед убегающей босиком Анюте. Он решил остаться на этом берегу: все равно кто-нибудь подойдет из города.

Тимоша вынул из-под рубахи книжку и лег в тень около лодки на песок.

С поднятых на корме весел скатывались капли и, тихо звеня, падали в реку. На мелкой волне сверкали солнечные чешуйки. Белый песок был сухим и сыпучим. На узких листьях стрелолиста сидели капустницы, вздрагивали крыльями.

Послышался стук моторов: плыли лодки из соседнего рыболовецкого колхоза. Они плыли к зарослям на островах. На каждой лодке, кроме сетей, длинные шесты. Ими колотят по воде в зарослях, выгоняют рыбу.

На тропинке показался зоотехник Сергей Николаевич.

— Служишь? — издали крикнул он.

— Вроде служу,— ответил Тимоша.

— Часы бы назначил, когда ты на реке,— сказал Сергей Николаевич и, подойдя к Тимоше, протянул ему коробочку сливочного ириса.— Угощайся.

Тимоша угостился.

— Да я всегда на реке, пока мамка домой не загонит.

— А мне девушки-огородницы рассказывали, что в субботу тебя заждались. Нет и нет Тимоши, невесть куда подевался. И Авдотья Михайловна на берегу с поросенком в мешке полдня сидела.

— Было такое,— кивнул Тимоша.— Мамка не пустила. Деревья в саду известкой мазал.

Потом еще Тимоша перевозил сторожиху бабку Даниловну и ее внука Ромку. Они везли картонные коробки с инкубаторскими цыплятами. Парторга колхоза Никифирова. Он спешил на городской партийный актив. Приятеля Гаврика. Тому нужно было в магазин спорттоваров купить прозрачную сатурновую леску.

Вернулась из города и Анюта. И опять босиком, в каждой руке туфля с тонким выгнутым каблуком.

Тимоша ездил допоздна, пока мать не прогнала с реки ужинать.

2

На следующий день Тимоша пришел к Зосе в библиотеку и потребовал книгу по морскому или речному делу.

Книг не нашлось.

— Подожди, в городе присмотрю,— сказала Зося.

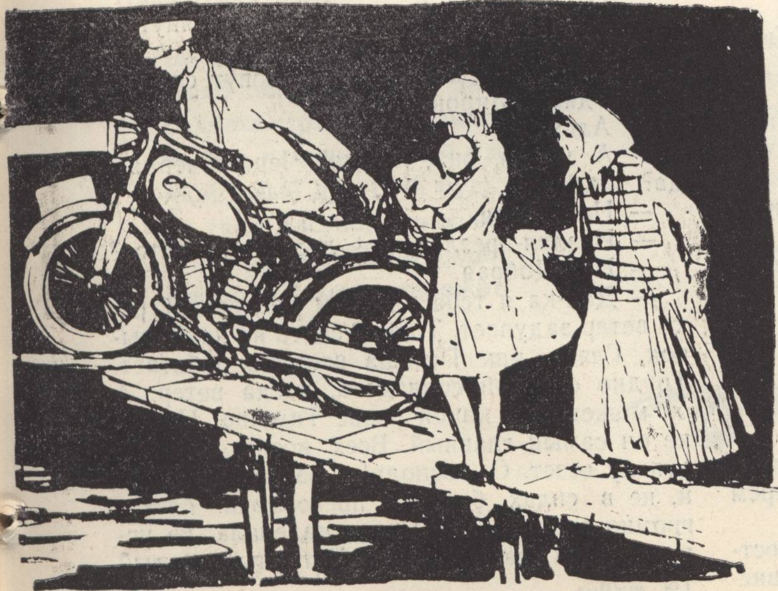
— Мне ждать некогда. Сейчас надо.

— Возьми энциклопедию. Ну, хотя бы на букву «М» — море или «К» — корабль.

— Тогда лучше на «П»,— попросил Тимоша.— Паром. И на «Р» — река.

Зося достала энциклопедию.

— Скоро принесу,— сказал Тимоша.



Дома он отыскал листок фанеры, протер его наждачной бумагой, чтобы был гладким и чистым, приготовил черную тушь и кисточку.

Потом долго и сосредоточенно читал энциклопедию и наконец составил объявление, которое ему самому очень понравилось.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Поперечная навигация на 1958 год
в деревне Мшага
через пресный водоем Самарчук
работает ежедневно:
с 9 до 12,
с 15 до 18.

Объявление он написал на фанере большими печатными буквами и в конце добавил:

Капитан переправы
Тимофей Иванович Будашкин.

Прибил он объявление на мостках на высокой палке.

Первыми объявление заметили мальчишки. Они прочитали его вслух

и сразу прониклись уважением: «Поперечная навигация», «Пресный водоем», «Капитан переправы Тимофей Иванович Будашкин»... И кто бы ни проходил, мальчишки вылезали из воды и каждому читали объявление.

Вскоре по всей деревне стало известно про поперечную навигацию и про капитана переправы Тимофея Ивановича Будашкина.

3

Однажды вечером к Тимошиной матери прибежала соседка Феня в сбившемся платке, задыхаясь от слез и волнения.

— Горе-то, горе какое! Петрунька мой мухомор выпил! Дотянулся до стола, а на столе блюдце с мухомором стояло. Сладко, он и выпил. И фельдшера нет, в область уехал.

И Феня опять заплакала.

— К председателю бегала, машину просила в город. Да разве по нашей дороге проедешь, чтоб скоро! Грязь. Канавы да бугры. Где Тимоша твой? Лодку надо. Сергей Николаевич на мотоциклете повезет. Только бы через Самарчук переправиться. Ох, Петрунька...

— А молоком вы его поили? — спросила мать.

— Нет.

— Напоите. Молоко яд выводит. И спать не давайте.

Тимоша побежал в сарай за веслами и уключинами.

У мостков уже ждал Сергей Николаевич с мотоциклом. В темноте вспыхивал уголек папиросы.

— А как же мотоцикл? — спросил Тимоша.— Я их еще не возил.

— По доске вкатим,— сказал Сергей Николаевич и бросил папиросу. Она зашипела в воде и погасла.—Доска у тебя есть?

— Да вот сходни.

И Тимоша достал со дна лодки неширокую доску.

Сходни перекинули с мостков на борт лодки, и по ним осторожно катили мотоцикл.

— Тяжелый,— сказал Тимоша.— Лодка огрузла. Эх, если б побольше была!

Тимоша приладил уключины, вставил весла.

Подоспела Феня с Петрунькой на руках. Феню провожала с керосиновым фонарем бабка Даниловна.

Ночь выдалась темной, без звезд. В тростниках путался туман. Где-то далеко посвистывали водяные коростели, пастушата. С веток деревьев и кустов стекала роса. Волна в реке шла сильная, разгонистая, с низовым ветром.

Тимоша осторожно развернул лодку и поставил носом к волне. Лодка сидела глубоко, и боковая волна могла легко ее захлестнуть.

Сергей Николаевич, удерживая мотоцикл, включил фару, освещал путь, чтобы выйти точно к тропе.

Феня тормошила Петруньку:

— Сынок, не спи, не надо. Скажи, на чем мы плывем? Ну, скажи.

— На лодке,— медленно отвечал Петрунька.

Он был слабый. Голову положил матери на грудь.

— А на берегу огоньки. Глянь, сколько! Раз, два, три, четыре. Много огоньков. Чья это деревня светится? — поспешно говорила Феня, лишь бы что-нибудь говорить, лишь бы не позволить Петруньке уснуть.— Ну же, сынок, чья деревня?

— Наша.

— А вон бабушка стоит на берегу с фонарем, не уходит, Петруньку провожает. Видишь бабушку?

— Вижу.

Феня растерла Петруньке руки, подышала на них.

— Холодные. А мы согреем. Потрем и согреем.

Тимоша спешил. Греб с отмашкой, на полное весло. Вода была почти вровень с бортами лодки.

Длинный луч фары освещал воду, нащупывал песчаную отмель и тропу, затянутую туманом.

— Петрунька, сынок, а как зовут собаку, что у дяди Мирона?

— Альма.

— А какая она, Альма? Черная-черная, да?

— Не. Белая.

— И злая-презлая, все лает и кусается?

— Не. Добрая.

— Дай-ка я тебя платком прикрою. С реки ветер задувает. Только спать не надо, сынок. Гляди, как Тимоша веслами работает. Трудно с рекой совладать, когда ветер. А он может. Вот какой у нас Тимоша! На реке он самый главный. Всех возит. И Петруньку везет. О господи! — вздохнула Феня и, не в силах больше превозмочь слезы, громко заплакала.— Что я наделала, не усмотрела! И как же это ты, Петрунька, милый ты мой...

— Не надо плакать, Феня,— сказал Сергей Николаевич.— Двадцать минут — и мы в больнице. Желудок ему врачи промоют, и мухомора как не было. И будет Петрунька опять по улицам вприскочку бегать. Ты умеешь, Петрунька, вприскочку бегать? Ну, скажи, умеешь?

— Нет,— тихо ответил Петрунька.— Я так бегаю.

По дну лодки зашуршал песок: подплывали к отмели.

Сергей Николаевич подоткнул брюки в сапоги и спрыгнул в воду, чтобы вывести нос лодки подальше на песок.

Тимоша бросил весла и помог Фене с Петрунькой сойти на отмель. Потом свели по доске мотоцикл.

Сергей Николаевич устроил Петруньку с собой впереди на коврике. Для крепости привязал ремнем к рулю.

Феня села сзади, и мотоцикл, набирая скорость и разбрасывая светящейся фарой туман, помчался по тропинке.

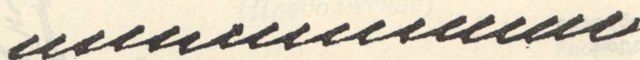
В один из ближайших дней к берегу Самарчука подъехала телега. На ней лежала аккуратно сколоченная из досок будка с застекленным окошком и лавочкой внутри.

Будку поставили у мостков в зарослях лещины, где любил читать Тимоша.

По реке из рыболовецкого колхоза пригнали новую большую лодку, крашенную красным корабельным суриком.

К будке было прибито то самое объявление о поперечной навигации через пресный водоем Самарчук на 1958 год, которое Тимоша вывесил на мостках.

Тимошу вызвали в правление колхоза и сказали, что он на время летних каникул назначается постоянным перевозчиком, за что будут начисляться ему трудодни, как всякому колхознику за работу в поле, в саду, на фермах или на огородах.



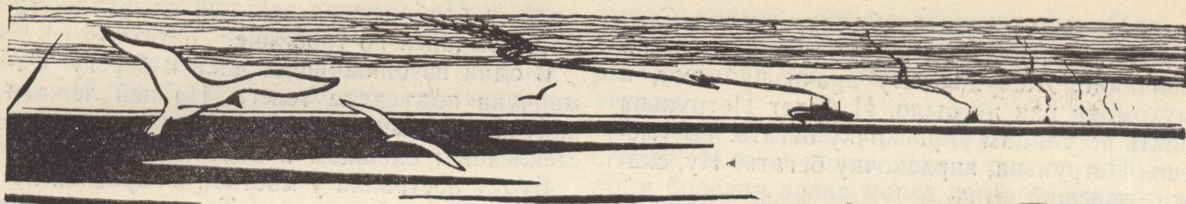
ЮНОМУ ХУДОЖНИКУ

Виталий **КАЧАЕВ**

Ты написал легко и ловко
столб пограничный и закат,
солдата стройного с винтовкой,
из-под ладони острый взгляд...
Мой юный друг! Не будь в обиде,
но твой рисунок явно лжет.
Я на границе был и видел,
как воин землю стережет.

Он скрыт кустами тамариска,
да так, что каменной тропой
архар спускается без риска
с крутой горы на водопой,
не прячась, пьет из речки быстрой,
как будто зная наперед,
что меткий автоматный выстрел
совсем иного зверя ждет!





СЕЙНЕР

Тянет этот малышок
За собой большой мешок.
Морю рыбы ведь не
жалко,
Набирай! Была б
смекалка!
Со смекалкой и мешком
Все возьмешь на дне
морском...

СТАРЫЙ КАТЕР

Над бухтой бродит
ветерок,
Несет волну на мол...
Давно помятый катерок
Поставлен на прикол.

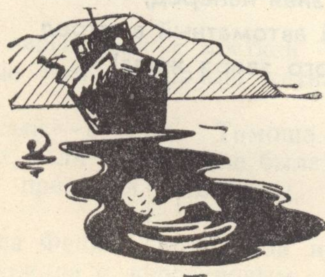
К бортам ракушек нанесло
Зеленою водой,
А днище густо обросло
Травой, как бородой.

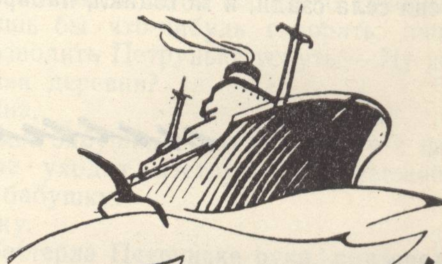
По рубке ржавчина течет,
Пробоины в боку.
Э, он немало взад-вперед
Побегал на веку!

Ночами грустно старику,
Но с самого утра
К нему по теплому песку
Приходит детвора.

Трусы и майки — на корму,
А за кормой — волна!
И в воду — плюх! —
по одному
До бархатного дна.

Над бухтой бродит ветерок,
Над бухтой брызги, блеск.
И тихо дремлет катерок
Под этот дружный плеск.





МОРСКОЙ ГРУЗОВИК

Машина гудит, сотрясая
корму,
И винт за кормой не сдает.
Плывет пароход и себе
одному
Рабочую песню поет:

«Пускай отдыхают вагоны,
устав,
Пусть краны вздремнут
на весу,
А то, что доставил к нам
целый состав,
Теперь я один унесу.

Есть в трюме глубоком
и соль и мука,
И сладости в ящиках спят,
А рядом, друг другу
сжимая бока,
Тетради плывут для ребят.

Не зря ожидают меня
рыбаки,
И я детворою любим!»
Поет пароход, и, подняв
плавники,
Касатки ныряют за ним.

Стихи В. КОРЖИКОВА.
Рисунки В. Михайлова.



ОТВАЖНЫЕ

(Продолжение)

Рисунки А. Смолина, П. Смолина.

Александр ВОИНОВ

Коля, держись!

Шофер мчался, не разбирая дороги. Машину подбрасывало на ухабах. Голова Коли билась о дверцу кабины и невыносимо болела. Староста ругал его, грозил немедленно расстрелять «проклятого щенка», если он не расскажет, за чем послан.

На окраине деревни машина круто затормозила. Староста выскочил из нее и вбежал в одноэтажный кирпичный дом. Тотчас оттуда вышли двое дюжих парней. Они схватили Колю за руки и за ноги и потащили во двор. Там они бросили его на землю и развязали ремни.

— Ну, вставай! — сказал высокий полицай с рыжими усами.

Другой полицай долго копался, отпирая ржавый замок на невысокой крепкой двери. Наконец замок щелкнул, открылся, и полицай распахнул дверь.

— Ступай!

Коля шагнул и невольно остановился на пороге. На него повеяло холодом и сыростью.

— Иди, тебе говорят!..

Полицай сильно толкнул его в спину, и Коля, споткнувшись, покатился вниз по каменной лестнице. Над головой со стуком захлопнулась дверь, и он оказался в кромешной темноте.

Придерживаясь рукой за стену, Коля ощупью шел вдоль нее, пока не наткнулся на деревянные нары.

Он прилег на жесткие нары, и это показалось ему большим счастьем. Пусть вокруг темнота, пусть он заперт на замок, только бы его никто сейчас не трогал: так он устал.

Коля забылся. Ему привиделось: он гоняет голубей во дворе, и они кружатся в синем-синем, залитом солнцем небе. Вдруг с крыши на тропинку прыгает отец. Коля бежит к нему: «Папа!.. Папа!..» Отец обнимает его.

Чья-то рука безжалостно трясет Колю за плечо.

— Вставай!..

Коля открыл глаза. Держа в левой руке тускло горящую «летучую мышь», рыжеусый полицай правой тянул его с нар.

— На допрос...

На дворе уже была глубокая ночь, дул холодный ветер, шел дождь. Выведя Колю из подвала, полицай приказал ему остановиться. А сам долго возился с замком, проклиная его. И зачем только запирать пустой подвал?

Коля быстро огляделся: может быть, рвануться в ворота? Но там маячит фигура часового.

Окна в доме тщательно завешены, только в узкие щелочки кое-где пробивается свет. Слышны приглушенные голоса. «Что они будут со мной делать?» — думает Коля. Вспомнив разъяренное лицо старосты, он готовится к самому страшному.

Полицай сунул ключ в карман и повел Колю вокруг дома. Они поднялись на крыльцо и оказались в темных сенях. Распахнулась дверь. Яркий свет ослепил Колю. В небольшой комнате горело несколько ламп. В углу за столом сидел староста. Прищурив левый глаз, он насмешливо смотрел на Колю.

— Иди сюда, щенок! Дай-ка я на тебя погляжу...

Коля вышел на середину комнаты, полицай остановился в дверях.

— Господин староста, мне можно идти?

— Возьми плетку и жди за дверью. Когда понадобишься, позову,— сказал староста и кивнул Коле: — Ты хочешь, чтобы я его позвал?.. Ну?.. Говори!..

— Н-нет,— пробормотал Коля.

— Тогда рассказывай, кто тебя на станцию посылал?..

— На какую станцию?

Гордеев вскочил.

— Как на какую станцию?! Ты что, притворяться?! Да я тебя сейчас!.. Говори!.. Ну?!.

Коля заревел:

— Не ходил я на станцию, дяденька...

Гордеев схватил его за шиворот.

— Врешь! Ходил!.. Тебя солдат опознал!.. А кто из кустов гранаты бросал?.. Кто?!

— Не знаю!..

— Не знаешь!..— Гордеев дал ему крепкий подзатыльник. Коля отлетел в угол комнаты.— Вот тебе для начала!

Гордеев повернулся, приоткрыл дверь в соседнюю комнату и крикнул: — Яремчук!

— Здесь, господин староста,— отозвался хриплый голос.

— Плетка с тобой?

— Тута!

— Смочи ее в скипидаре! Сейчас работа будет!..

— Слушаюсь!..

Гордеев обернулся к Коле.

— Слышал, гаденыш?.. Сейчас ты у меня заговоришь. Все скажешь, голубчик!..— Он опустился возле Коли на корточки и вдруг ласково сказал:

— Ну, ну, ладно!.. Всякий тут народ ходит. Вставай, не бойся меня. Ничего я тебе не сделаю.

Он вновь приоткрыл дверь:

— Яремчук!

— Здесь, господин староста!..

— Слетай к моей хозяйке! Скажи, курицу, мол, приказал прислать да огурчиков. Хлеба не забудь!

— Слушаюсь,— послушно произнес уже знакомый голос. В сенях хлопнула входная дверь.

— Ну вот,— сказал Гордеев, и его широкое красное лицо расплылось в улыбке,— теперь нас никто не будет подслушивать. Садись-ка сюда, малец, поговорим!..

Коля встал и настороженно присел на стул, который Гордеев придвинул поближе к столу. Староста глядел из-под кустистых бровей, стараясь придать своему взгляду мягкость и участие.

— Да-а! — проговорил он после затянувшегося молчания.— Много вас, обездоленных, нынче по дорогам ходит... Война!.. Взрослые дерутся, а детям погибель... И у меня такой, как ты, сынишка. Вовкой его зовут... Так куда ты идешь?

— В Новый Оскол,— проговорил Коля, всхлипнув. Он не притворялся. Удар Гордеева был крепок, и он сильно стукнулся плечом о стену.

— Так...— протянул Гордеев.— А кто там у тебя?

— Тетка...

— А родители где?..

— Отца убили, мать в Германию угнали...

— Не угнали,— поправил его Гордеев,— направили на работу... Понятно?

Коля всхлипнул и мотнул головой.

— Тебе сколько лет? — спросил Гордеев.

— Двенадцать.

— Фамилия?

— Степанов, Костя...

Гордеев взглянул на справку, отобранную у Коли.

— Играть бы тебе сейчас в казаки-разбойники, Костя,— вздохнул Гордеев,— а видишь, в какую ты историю попал... В скверную историю. И как быть с тобой, прямо не знаю...— Он постучал короткими пальцами о край стола и вдруг зло прищурился: — А твоего-то товарища мы тоже поймали!..

— Какого? — поднял голову Коля, и в его груди все сжалось.

— Того, который из кустов гранаты кидал!.. Того и поймали!

— Не знаю я его,— сказал Коля.

Гордеев усмехнулся.



Коля со всех ног бросился к открытым воротам.

— Не знаешь, так узнаешь! Хочешь, я его сюда позову? Он нам во всем уже признался... И все о тебе рассказал... Эх, ты! Конспиратор!..— Он вытащил папиросу и закурил.— Рассказывай!.. Не бойся. Ничего тебе не будет... Утром отпущу!.. Ну, не запирайся...

— Ничего я не знаю, дяденька! — тихо сказал Коля, упорно глядя куда-то под стол.

— Не знаешь? — И в голосе Гордеева вновь зазвучала угроза.— Подумай, Костя, подумай...

Коля вздрогнул. Староста назвал его Костей. Значит, он врет, что Витя пойман и во всем признался. Ничего староста не знает, хитрит, хочет заманить его в ловушку.

Он поднял голову и, смотря в напряженное лицо Гордеева, как можно правдивее сказал:

— Вот убей меня гром, если совру! Я шел один!

Гордеев вскочил и заорал:

— Яремчук!..

В комнату вбежал рыжеусый полицай, размахивая толстой ременной плеткой.

— Ожги его! И дери его, чертова сына, как сидорову козу! Тащи его в процедурную!..

Яремчук взял Колю за плечо.

— Пойдем, пойдем, мальчик,— миролюбиво сказал он.— Ай-я-яй, как нехорошо!.. Пойдем...— Он потянул Колю к дверям. На пороге обернулся:

— Сколько ему?

— Пятнадцать!

Яремчук окинул критическим взглядом Колю и покачал головой.

— Не выдержит, Серафим Харитонович!.. Помрет!.. Больше восьми никак нельзя!.. Так по шкале положено!..

— Ладно!.. Ты мне свои инструкции не тычь. Помрет — туда ему и дорога...

Не выпуская Колиного плеча, Яремчук вывел его во двор, но на этот раз повернул в другую сторону, к небольшой баньке, которая темнела в углу у забора.

— Ай-я-яй! — приговаривал полицай.— Вот не думал, что вместо курятины тебя плеткой придется кормить... Нехорошо, нехорошо...

Вдруг за забором раздались выстрелы. Один, другой... Совсем близко — третий...

— Что это они разгулялись? — проворчал полицай, думая, что стреляют его товарищи.

Во двор вбежал человек и метнулся к дому.

— Тревога! — закричал он срывающимся голосом.— Тревога!.. Партизаны!..

У ворот кто-то выстрелил, и человек упал.

Забыв о Коле, полицай побежал к дому. Коля со всех ног бросился к открытым воротам, споткнулся, зашиб колено, но, не чувствуя боли, вскочил... В воротах кто-то крепко схватил его за рукав.

— Стой!

Коля рванулся, но его крепко держали сильные руки.

— Это ты, Коля?!

Коля сразу узнал этот голос.

— Федя! — И прижался к Куликову, сразу растеряв все свои силы.

— Беги за деревню, там подвода! — коротко приказал Федя.

— Федя, я с вами!..

Федя уже бежал по двору. «Сдавайтесь!» — раздался его зычный голос.

В ответ прогремели выстрелы. Затем разорвалась граната, и снова забили короткие автоматные очереди, кто-то истошно закричал, и все смолкло.

Коля зашагал по улице. Впереди померещилось какое-то расплывчатое пятно. По мере того, как Коля приближался к нему, оно увеличивалось.

Подбежав ближе, он увидел подводу, груженную кладью, лошадей и рядом с ними Егорова.

— Егоров! — окликнул Коля.

Старый артиллерист обернулся.

— Кто это?

— Я, Коля!..

— Ух ты! — воскликнул Егоров.— Жив!..

— Жив!

— Витьку благодари! Это он нас разыскал!..

— А где Геннадий Андреевич? — спросил Коля.

— В деревне. Руководит операцией.

Утром Коля подробно рассказал Геннадию Андреевичу обо всех событиях вчерашнего дня.

— Да, большую ошибку ты сделал, что не спрятался, надо бы тебе вместе с Витей в кусты лезть,— сказал Геннадий Андреевич.— В крайнем случае вы шофера уложили бы.

— Да разве я мог подумать, что автоматчик возьмет и узнает меня? — вздохнул Коля.

Геннадий Андреевич встал и прошелся по хате.

— В жизни всякое бывает. Самое неожиданное... Но теперь, как говорится, все уладилось... И полицаев убили и старосту — осиновый кол ему в могилу...

Геннадий Андреевич помолчал.

— Ну, как? Поедем с нами?

Коля переглянулся с Витей.

— А если полицаев нет,— сказал он,— то нас и ловить некому. Мы дальше пойдем... Как, Витя?..

Это было уже нечто новое в отношениях между мальчиками. Раньше Коля не стал бы советоваться с ним. И Витя оценил это.

— Пойдем дальше! — сказал он.

Геннадий Андреевич согласился не сразу. Он понимал, как опасен дальнейший их путь. И все-таки другого выхода не было.

Он серьезно поговорил с ребятами, стараясь научить их осторожности и осмотрительности. Ребята пообещали. Но разве можно быть уверенным, что в новой, сложной обстановке они не столкнутся с новыми опасностями!

Через час ребята пошли дальше. За их плечами болтались тощие мешки с хлебом.

У выхода из деревни они встретили Сему, который радостно бросился им навстречу.

— Возьмите меня с собой!

— Нельзя,— сказал Коля.— У нас дело военное...— Он подошел к Семе и прошептал ему на ухо: — Забудь, кто мы такие и что ты нас видел. Понятно?

— Понятно,— проговорил Сема.

Вскоре Геннадий Андреевич повел свою группу по направлению к лагерю. Не знали тогда ни ребята, ни он сам, что это была их последняя встреча.

Друг или враг?

Уж если командование настаивает, то Мейер умрет, но заставит завершить строительство укрепрайона в положенный срок.

Полной конспирации ему осуществить так и не удалось: как ни изолируй одну группу строителей от другой, но на открытой местности отлично видно, кто где работает. Поэтому было бессмысленно изолировать людей и в лагере. Единственно, о чем Мейер договорился с командованием,— все пленные и местные жители, мобилизованные на строительство, должны быть после его окончания немедленно эвакуированы в глубокий тыл или уничтожены, смотря по обстановке. Тайна укрепления должна сохраниться любой ценой.

Несколько раз Мейер придирчиво инспектировал строительство. Смотрел, как рылись котлованы и траншеи, как устанавливались стальные каркасы, монтировались бронированные колпаки и как каждое из этих сооружений заливалось толстым слоем цемента.

В ожидании награды он стремился оттеснить Блинова на второй план. Но с тех пор, как городское управление направило на строительство последнюю партию мобилизованных, Блинов словно и сам потерял к укреплениям всякий интерес.

Только однажды, не предупредив Мейера, он сел в машину и отправился якобы для того, чтобы по-

знакомиться с условиями жизни мобилизованных. Ведь формально они все же не заключенные!

Мейеру доложили, что Блинов обошел все объекты, тщательно сличая их расположение с картой, которую держал в руках. На свою карту он наносил все возникшие изменения. Это Мейеру крайне не понравилось. В конце концов, Блинов суется в те дела, которые его совершенно не должны касаться! Необходимо изъять у него карту. Но вечером при встрече Блинов начал разговор первым. Он не скрыл, что обошел построенные доты. Наоборот, он доказал Мейеру, что одиннадцатый и четырнадцатый доты поставлены неправильно. Они мешают друг другу, сужая секторы обстрела, и в то же время создают перед собой мертвую зону, где сможет накапливаться противник. Необходимо исправить это, построив позади них, на холме, еще один дот, который мог бы простреливать все пространство между ними... Мейер понял, что инженеры допустили просчет, что в этом есть и его вина. Он затребовал по телефону представителя организации, проектировавшей укрепрайон. Ему ответили, что выезжает майор Вернер, тот самый Вернер, который несколько месяцев назад был ранен и из-за которого повесили Екатерину Охотникову. Вернер уже выписался из госпиталя, и так как он хорошо знаком с местностью, то и доведет дело до конца.

Вернер так Вернер! Мейеру было решительно все равно.

Теперь он наконец решил связаться с Юреневым. Результат был неожиданный: Юренев обещал скоро сообщить о чем-то очень важном. Но о чем именно? О самом существе дела в донесении не было сказано ни слова. Это еще больше заинтересовало Мейера. На другое же утро он отправился в лагерь, чтобы встретиться там со своим агентом.

А между тем дела у Юренева шли совсем не так успешно, как это ему представлялось. Одну из партий мобилизованных горожан сопровождал Никита Борзов. Проходя мимо Алексея Охотникова, он бросил: «Берегитесь Юренева; это предатель!» Конечно, Никита ничего не знал о заговоре военнопленных, но его слова упали на уже подготовленную почву. Однако самого главного Никите так и не удалось сказать. Он получил указание Силаева связаться с Охотниковым и поручить ему собрать сведения об укреплении. Но это требовало хотя бы минутного разговора, а как ни старался Никита, он не смог ни на мгновение остаться с Охотниковым наедине.

Алексей понимал, что если Никита предупредил его, значит, он имеет серьезные основания. Но ведь Юренев тоже рассказывал, что «банщик» продался гитлеровцам.

Чем упорнее он думал над предупреждением Никиты, тем больше чувствовал, что к нему надо прислушаться. И все же в нем боролись сомнения. Похоже, что кто-то хочет вбить клин между членами группы. Ведь знай гитлеровцы о готовящемся побеге, они давно бы всех арестовали. А если Юренев — предатель, то они должны это знать! Почему же тогда они бездействуют? Чего ждут? Нет, можно голову сломать и ничего не понять в этой страшной путанице.

У Алексея была своя тайна. Под полом в избе, которую отвели их группе, он нашел кусок желтой оберточной бумаги и огрызком карандаша начертил на нем расположение дотов, какие ему удалось установить. А их было немало.

Алексей не знал, каких размеров достигает весь укрепрайон, но и тех сведений, которыми он уже располагал, было достаточно, чтобы значительно облегчить задачу наступающим советским войскам. Но как доставить этот план через линию фронта? Алексей твердо решил захватить его с собой при побеге. В случае провала он разорвет бумагу, а если ее и захватят, не беда: никому не придет в голову, что путаные, словно детской рукой нанесенные линии имеют какой-нибудь тайный смысл.

К счастью, он не доверил своего секрета Юреневу. А ведь, признаться, он думал сделать это на случай, если его самого ранят или убьют.

«Как же поступить! — думал Алексей.— Сказать товарищам, что Юренев — предатель? Но это может вызвать панику. Кто-нибудь сгоряча возьмет да и выскажет Юреневу все, что о нем думает, а уж тогда Юренев, если он действительно провокатор, пойдет в открытую, обратится за содействием к охране, и всех их тут же арестуют!.. Остается одно: делать вид, что ничего не случилось. Ни в коем случае не давать Юреневу основания заподозрить,



Юренев продолжал стоять, опершись о лопату.

что ему перестали доверять. В то же время взять инициативу в свои руки и внезапным ходом смешать все его карты.

Надо проверить, почему Юренев всегда рвется ходить за обедом. Ведь идти нужно больше километра. Может быть, он через кухню связывается с тем, кто им руководит?..»

Нагнувшись над рвом, Алексей выбрасывал землю на бруствер. Давно бы нужно передохнуть, но полицаи, собравшись в кучку, о чем-то оживленно разговаривают, смеются, и им нет дела до того, что уже перевалило за полдень.

Неподалеку от Алексея работал Юренев. Он высоко взмахивал киркой, разбивая большой валун, мешавший копать дальше. Взглянув на его крепкие, мускулистые руки, на потное лицо, на усталую складку плотно сжатых губ, Алексей невольно



Мейер обменялся взглядом с Юреневым.

подумал: может ли этот человек, который живет с ним рядом и делит все тяготы, оказаться предателем? Как высоко взлетает в его руках кирка! С какой силой она обрушивается на камень! Даже искры летят! Еременко помогает Юреневу, поддевая большие осколки валуна ломом. Неужели рядом с ними человек, который может вонзить им нож в спину? И Алексей снова подумал: не ошибся ли Никита?

Да, нужно прежде всего проверить Юренева! Так проверить, чтобы он хоть на мгновение раскрыл свою настоящую сущность.

Во время небольшого перерыва, когда, отложив лопаты и ломы, пленные присели на траву отдохнуть, Алексей подошел к Юреневу и попросил табачку.

Юренев охотно поделился. У него нашелся даже обрывок старой газеты. Через минуту голубой дымок от цигарки пополз над темной, осенней травой.

— Я решил...

— Что решил? — скосил на Алексея глаза Юренев.

— Видишь ли, у меня несколько изменилось положение,— проговорил Алексей.— Я не могу... Одним словом, я должен остаться. Я не могу бежать с вами...

Он увидел, как дрогнули губы Михаила.

— Струсил? — зло усмехнулся Юренев.

— Нет, это дело не по мне. Я не имею права рисковать. У меня ведь маленький сын.

Михаил оглянулся, не подслушивают ли конвойные.

— Это — предательство,— тихо сказал он.

— Почему? — возразил Алексей.— Каждый волен действовать, как он хочет.

— Но ведь за тобой идут люди!.. Что же станет с ними? Ты подумал? Сначала ты всех уговаривал, а теперь на попятную!.. Нет, так не пойдет!..

Это было сказано так внушительно, с такой убежденностью в том, что всякое отступление теперь не просто малодушие, а уже предательство, и такой жесткий блеск был в темных глазах, смотревших, не мигая, в упор, словно стремившихся пронзить его, что Алексей невольно поддался, почувствовал себя виноватым. Нет, нет! Такие глаза не могут лгать.

— Ладно,— сказал он.— Я еще подумаю...

Если бы только он знал, что пережил за эти минуты Юренев! С таким трудом воздвигнутая им постройка вдруг рушилась. Ведь в его планах самым важным звеном была как раз поимка Алексея Охотникова с его чертежом. Он давно подсмотрел, где тот прячет свою бумагу, и по его поведению понял, что́ таится под, казалось бы, невинными линиями и черточками. Он наметил уже и день побега. Их скоро должны перегонять в деревню Кузнецовку, на соседний участок. Обычно конвоируют партию пленных два — три солдата. Изнуренным, безоружным людям бежать ведь некуда. Обсуждая план действий, Юренев предложил напасть в поле на конвойных, убить их, отобрать оружие и, разбившись на мелкие группы по три — четыре человека, самостоятельно пробираться к фронту.

Конечно, конвойные были бы уже предупреждены заранее, они откроют стрельбу. Тут же из-за укрытия среди холмов внезапно подоспеет подмога. А дальнейшее интересовало Юренева только с точки зрения его отношений с Мейером.

Вот этот-то неподдельный страх и помог Юреневу еще раз обмануть Алексея.

Охотников отошел и присел в сторонке, совершенно сбитый с толку.

Вдруг издалека раздался пронзительный голос полицая:

— Встать!..

Это означало, что участок обходит какое-то начальство.

Алексей оглянулся. От соседнего, уже почти законченного дота к ним направилась небольшая группа немецких офицеров.

Первым шел высокий худощавый полковник, он высоко держал голову, и, слушая начальника строительства Крейна, бросал на него недовольные взгляды. Высокого полковника Алексей знал: это был начальник гестапо Мейер. Несколько раз он приезжал к ним в лагерь, и всегда после этого на них обрушивались еще бо́льшие строгости.

— Сюда идет! — услышал Алексей встревоженный шепот Еременко.

Юренев продолжал стоять на куче земли, опершись о лопату и возвышаясь над всеми. Алексей взглянул на него и поразился той напряженности, которая исказила его лицо. Юренев смотрел на приближающегося Мейера пристально, но без страха, словно в ожидании чего-то очень для себя важного.

Мейер подошел, молча кивнул всем, заглянул в яму, посмотрел в сторону соседних дотов, как бы проверяя, правильно ли они размещены, а затем повернулся, чтобы уходить. Нет, Алексей не мог ошибиться, он ясно видел, как Мейер обменялся коротким, но выразительным взглядом с Юреневым. В другое время он не придал бы этому никакого значения, но теперь каждая мелочь вдруг приобретала значение доказательства. Почему Юренев, взглянув на Мейера, чуть повел бровью? У него не было такой привычки. Почему Мейер из всех выбрал его, чтобы взглянуть как-то особенно внимательно? Теперь оставалось последнее. Кого направят за обедом? Алексей с нетерпением ждал этого часа. Если Юренева, тогда вся цепь получает последнее звено. Других доказательств не нужно.

Но когда наконец прозвучал сигнал — три удара железным молотком о большую снарядную гильзу,— произошло то, чего Алексей ожидал меньше всего. С бачком на кухню направили его самого. А Юречев насмешливо крикнул ему вдогонку, чтобы скорее возвращался и не съел по дороге мясо, если оно будет в супе.

И Алексей пошел... А когда он вернулся, у него было такое счастливое лицо, что все невольно удивились. Неужели ему удалось получить двойную порцию, обманув повара?! Это была мечта, которую никому не удавалось осуществить.

Как только Алексей поставил бачок на землю, Юренев быстро снял крышку и глянул, но супа было даже меньше, чем обычно.

— Чего же радуешься? — зло покосился он на Алексея.

Но тот уже опять смотрел сдержанно и сурово.

Как, однако, хорошо, что за супом сегодня послали именно его! Иначе, может быть, и не было бы той неожиданной встречи, которая многое изменила!..

Неожиданная встреча

Вновь бредут ребята по пустынной дороге. Как хорошо жить, чувствуя себя свободным и здоровым! Коля столько пережил за эти сутки, что кажется, будто со вчерашнего дня прошел целый год. А все же этот тюфяк (он бросил мягкий взгляд в сторону Вити) — хороший товарищ! Не покинул в беде, не убежал...

Ну что ж! Как говорится, долг платежом красен. Будет случай, Витя поймет, что и он, Коля, знает, что такое дружба. Подумать только, всегда ныл, тени своей боялся, а остался один — и откуда что взялось?! Десять километров по незнакомым дорогам бежал, добрался до Геннадия Андреевича. А опоздай партизаны хоть на десять минут, спустил бы с Коли полицай шкуру. Забил бы насмерть!

Витя даже и сам не подозревал, какие в нем живут силы. Но когда пришел час испытания, он выдержал его, а выдержав, стал сильнее и увереннее в себе.

Только теперь между мальчиками возникла равная дружба. Какая же это дружба, если в ней нет равенства и уважения друг к другу! Конечно, в той трудной обстановке, в которой находились ребята, один из них должен быть старшим. И этим старшим Силаев назначил Колю. Но одно дело — нести ответственность за выполнение задания, а другое — чувствовать рядом товарища, с которым никакая беда не страшна.

Погода не улучшалась. Ветер гнал над полями низкие, темные тучи, моросил мелкий дождь. Дорогу размыло. Ноги вязли в липкой глине.

Ребята промокли. Они давно уже шли молча, стараясь сохранить силы. До цели похода оставалось километров пятнадцать. Два раза им пришлось сворачивать с дороги и делать большой крюк, чтобы обойти заставу.

Наконец они увидели вдали разбросанные по огромному полю группы работающих людей. Несомненно, это были строители укреплений.

Витя к этому времени выбился из сил и попросил сделать привал. Ребята уселись на обочине дороги и вынули из мешков хлеб, крупно посыпанный солью.

— Что будем делать? — спросил Витя, когда с дневной порцией было покончено.

— Идти,— коротко ответил Коля.

— Куда?

— Вот видишь ту деревню? — Коля указал вдаль, на россыпь белых домиков, протянувшихся вдоль отлогого холма.— Давай попробуем подойти к ней...

— А если нас опять заберут,— сказал Витя,— тогда что? Геннадий Андреевич теперь не выручит.

Коля помолчал. Витя хоть и слишком осторожен, но правда на его стороне. Нет, надо слушаться Силаева: ни в какую деревню не заходить, а вести наблюдение издали.

— Ну, тогда давай найдем где-нибудь стог сена, заночуем,— сказал Коля,— а рано утром заляжем поближе к тем местам, где работают, и посмотрим.

— А чего смотреть?

Нет, Витя по-прежнему невыносим! Все ему расскажи, будто маленький, сам не понимает.

Коля рассердился.

— Посмотрим, какой дорогой они на работу ходят. Можно ли к ним подкрасться поближе. Может быть, я и отца увижу...

— Так твой отец по полю и ходит!..

— Слушай, Витька! — уже окончательно вышел из себя Коля.— Ты слышал, что Силаев сказал? Если не удастся — вернуться назад. Понятно?

— Понятно-то понятно...— вздохнул Витя.— Тогда давай посидим здесь, что ли. А ночью пойдем.

— Нет,— возразил Коля,— зачем нам под дождем сидеть? Найдем старую копну и спрячемся.

Витя огляделся. Невдалеке от дороги возвышался посеревший, выцветший от дождей высокий стог.

— Смотри, Коля!.. Вот подходящее место!

— Верно! А я сидел-сидел, прямо перед собой смотрел, а не видел. Пошли!..

Через несколько минут они уже забрались на вершину стога, который кто-то обвязал внизу проволокой: наверное, для того, чтобы ветер не раздувал солому. Ребята с головой укрылись снопами. Лежать было мягко, тепло. Остро пахло прелью, и от этого еще сильнее ломила терпкая истома. Мальчики заснули таким крепким сном, что ни ливень, ни град, ни снег,— казалось, ничто не могло бы их разбудить.

И все же Витя проснулся. Он проснулся от странного шума, который доносился снизу, откуда-то из-под копны.

Он поднял голову и прислушался; рядом тихо посапывал Коля; ветер шелестел соломой... Нет, ему

не показалось! Действительно, под самым стогом как будто кто-то ходит. А это что? Звук приглушенных голосов!.. Да, несомненно, кто-то говорит! Но где?.. Может быть, это обман слуха?

Витя осторожно раздвинул над головой солому и выглянул. В поле уже темнело; дальние домики растаяли в сумерках, дождь кончился, и в просветах туч кое-где светлело небо. Стараясь не шуметь, он спустился на землю. Нигде не было и признака людей. А между тем здесь, на земле, глухие голоса стали слышны гораздо явственнее.

Может быть, люди сидят по ту сторону стога? Витя пополз налево — и голоса стали как бы удаляться. Тогда он переменил направление — и голоса стали слышны более отчетливо. Еще несколько движений — и он услышал их почти совсем рядом, но странно: они доносились из глубины стога. Витя дотронулся до проволоки, опоясывавшей стог, и вдруг один из снопов сдвинулся. Витя испуганно отшатнулся: прямо на него темным провалом глянула круглая дыра. Он сразу же все понял. Стог поставлен для маскировки: накрывает дот. А в самом доте, наверное, солдаты... Что теперь делать? Как уйти?

Витя быстро поправил солому, которую разворошил, прилег у стога и стал внимательно слушать. Странно! Те, кто там, внутри, говорили по-русски!

— Да, ты меня озадачил,— медленно проговорил низкий мужской голос.— Холера им в бок, что придумали!

Другой человек, обладатель высокого, тонкого голоса, который срывался на самых верхах, и тогда казалось, что человек захлебывается, очевидно, продолжал развивать свою мысль:

— Уходить нам надо! Убьют нас с тобой, Василий Дмитрич, ей-богу, убьют!..

— А кто же тебе это все сказал?

— Да и говорить не след!.. Ты же сам все слышал.

— Ну так это он говорил о пленных и мобилизованных...— не сдавался обладатель баса.— А мы кто?..

— Да ты пойми! Им же не это важно!.. Они хотят, чтобы ни одна мышь не знала, где этот дот стоит... Сейчас мы с тобой в охране, а как работы окончат, так начнут подметать. И вместе с сором нас с тобой... на свалку, в ров!..

— Какой ров? — насторожился бас.

— Да в тот, что недавно за деревней экскаватором вырыли.

— Сказал! Так ведь тот ров против танков...

— Каких танков! Дуралей! Как только построят последний дот, там расстреляют всех, кто работал. Понятно?..

— Да мы-то ведь не работали!

— Зато мы больше всех знаем.

В доте замолчали. Витя почувствовал запах самосада: дым выходил через глазницу дота, как в отдушину. Очевидно, говорившие усиленно курили.

— Да, озадачил ты меня,— повторил бас.— Куда и податься, не знаю...

— А я знаю,— ответил другой собеседник.— Давай украдем бланки, состряпаем себе удостоверения, что направляемся на Украину в командировку, и рванем...

— Пожалуй, Петя, ты прав. Ничего другого не остается... А что, если уйти к партизанам, а? Покаяться, может, простят!..

— Что ты? Что ты? — в ужасе воскликнул «Петя».— Из огня да в полымя! Доказывай, что нас не подослали. Вздернут — и все...

Бас тяжко вздохнул.

— Прокляты мы, Петька!.. Нет нам места на земле. Погибнем, и не вспомнят, где кости наши зарыты...

— Ну вот, расплакался!.. Так решили?..

— А когда?

— Как справимся, так и пойдем. Недели через две... Ну, пошли, Василий Дмитрич, скоро смена, нас будут искать.

В глубине дота звякнули приклады. Витя замер. Сейчас они будут вылезать! С какой стороны? Но тут же он сообразил: раз здесь глазница, то выход должен быть где-то по другую сторону. И он не ошибся: выход из дота находился метрах в десяти, на скате невысокого холма. Там был устроен лаз в траншею, и для маскировки его прикрывал большой, врытый в землю куст.

Полицаи один за другим вылезли наружу и остановились, чтобы оглядеться вокруг. Витя больше всего сейчас боялся, как бы Коля, проснувшись, не выдал себя.

У полицаев был жалкий вид. Один — высокий, с маленькой птичьей головой и узкими плечами — нетвердо ступал длинными ногами; другой — низкий, сутулый — семенил рядом, продолжая жестикулировать: очевидно, приводил какие-то новые доводы.

Витя подождал и, когда их фигуры растаяли вдали, взобрался на стог и растормошил Колю. Тот сразу даже и не поверил его взволнованному и сбивчивому рассказу. Но когда, спустившись вниз, они вместе осмотрели то, что прикрывал стог, сомнений не осталось. Под стогом находился большой дот.

Ребята задумались. Теперь дело было не только в том, чтобы увидеться с отцом Коли и выполнить задание, но и в том, чтобы предупредить его и всех, кто строит укрепрайон, какая участь их ожидает.

— Ты запомнил, как зовут этих полицаев? — спросил Коля.

— Запомнил: одного — Василий Дмитрич, а другого — просто Петька... А что?

— Может быть, это еще пригодится.

— Здесь нам оставаться опасно,— сказал Витя.

— Да, нужно уходить... Часовые, наверно, в доты забираются погреться, могут снова прийти...

Они вышли на дорогу. За те часы, что ребята провели в стоге, резко похолодало. Дул пронзительный северный ветер. Вдруг Коля почувствовал, что на его щеку упало что-то холодное. Он поднял руку и увидел на рукаве белые снежинки. Как-то сразу повалил густой, липкий снег. Он хлестал в лицо, слепил глаза, падал на дорогу и смешивался с грязью.

— Ну и погодка! — проворчал Витя.

— Для разведчиков самая что ни на есть хорошая,— мудро отозвался Коля, хотя его здорово трясло.— Полицаи теперь залезут в норы...

В стороне от дороги возвышалась старая, полуразвалившаяся рига. Сгнившая крыша местами провалилась, распахнутые двери покачивались и скрипели под ударами ветра.

Коля остановился.

— Смотри-ка! Вот и НП для нас подходящий... Пойдем посидим до утра, а там видно будет...

— А вдруг и в этой риге дот спрятан? — сказал Витя.

Едва он это произнес, как из-за риги внезапно выехала открытая машина, в которой рядом с шофером сидел гитлеровский офицер. Машина быстро пересекла узкое расстояние до дороги и затормозила в нескольких шагах от ребят.

«Ну, теперь мы пропали!» — одновременно подумали Коля и Витя, но вслух ничего не сказали и только теснее прижались друг к другу.

Офицер приподнялся и резко крикнул:

— Мальшишки!.. Сюда!..



В машине рядом с шофером сидел гитлеровский офицер.

Они подошли. Офицер удивленно смотрел на них, и вдруг Коля узнал это крупное лицо с широко расставленными глазами. Вернер! Вернер, из-за которого погибла мама!..

Вернер тоже сразу узнал Колю. Он хорошо помнил мальчика, который рассердился на него и забрался на голубятню. Он хорошо помнил и его мать. Недавно, вернувшись в город, Вернер навел о ней справки. Повешена! Очень жаль! Вернер хорошо помнил, что ни слова не говорил ей ни о своей предполагаемой поездке, ни тем более о ее цели и маршруте. Курт Мейер перестарался. Жаль, очень жаль!.. Теперь ее сын бредет по дороге, и, наверно, сам не знает, куда! В конце концов, он, Вернер, виноват в его судьбе. Что ж, он может ему немного помочь. Он возьмет его к себе, и мальчик будет помогать ординарцу по хозяйству... Ну, а что делать со вторым?.. Посмотрим. И ему какое-либо дело найдется.

— Ты куда? — спросил Вернер, стараясь говорить дружелюбно.

— В Новый Оскол,— ответил Коля, настороженно поглядывая из-под нахмуренных бровей.

— Так долго!!. (Вернер хотел сказать «далеко».) А кто твой камераде?..

— Это Витя!.. Мы идем к его тетке...

Вернер помолчал, подбирая слова.

— Хочешь жить ко мне? Я буду кормить!..

Мальчики переглянулись.

— Хорошо! — сказал Коля.

Вернер открыл заднюю дверцу, ребята залезли внутрь, и машина тронулась.

Всю дорогу до деревни Вернер ни разу не обернулся. Он молчал, думая о чем-то своем.

Он возвращался сюда без особого желания. Его обещали вернуть в Германию. Но, когда выяснились серьезные неполадки в строительстве укрепрайона, ему было сказано, что это последняя командировка. Сейчас он объезжал построенные доты и видел, что недоделок еще тьма-тьмущая. Дот, спрятанный под ригой, почему-то приспособлен только для пулеметов, хотя его следовало оборудовать и под орудие. В доте под стогом орудие тоже не установлено. Для переделок требуется время. Это значит, что он задержится еще на месяц. Кто поручится, что за этот месяц кому-нибудь не придет в голову вновь повторить то, что однажды едва не стоило ему жизни?

Сидя позади Вернера, Коля и Витя подавленно молчали. Что-то ждет их там, куда их везет немецкий офицер? Уж не в ловушку ли он их заманил?

Въехав в деревню, Вернер подвез их к небольшой хатке и что-то сказал выбежавшему ему навстречу ординарцу.

Тот удивленно взглянул на ребят, поморгал белесыми ресницами, а затем движением руки приказал им следовать за ним.

Он привел их в маленькую каморку, которая когда-то, очевидно, служила хозяевам кладовкой: здесь пахло мышами и кислой шерстью. Но все же тут было сравнительно тепло, а главное — над головой крыша.

Ребята натаскали из соседнего хлева старой соломы, постелили ее, и им показалось, что давно уже они не устраивались так удобно. Немного погодя ординарец, который сказал им, что его зовут Рихард, принес банку мясных консервов и два ломтя хлеба.

До утра о них никто не вспоминал. А утром Вернер объявил им, что Коля будет помогать Рихарду по хозяйству, а Виктор пойдет работать в лагерную кухню. Ночевать он может здесь. Витя только вздохнул. Как видно, такая уж его судьба — идти по кулинарной части.

Вернер был мрачен. Одна неприятность догоняла другую. Ночью он получил телеграмму, что назначается начальником строительства, а бывший начальник поступает в его распоряжение. Конечно, это — дело рук Мейера. Его интриги. Но другого выхода нет, надо подчиняться. Единственная возможность поскорее вырваться отсюда — заставить всех работать, как чертей! Он не пощадит никого! Работы не будут прекращаться ни днем, ни ночью. Пусть подохнут все, но он не задержится здесь ни одной лишней минуты.

Рихард увел Витю в кирпичный дом, который стоял в центре деревни; там была кухня, где варили похлебку для пленных, а Коля, вооружившись ножом, стал выполнять заданный ему урок: чистить картошку.

Когда Рихард вернулся, вся картошка была аккуратно уложена в котелок. Ординарец одобрительно кивнул головой, что-то проворчал и показал на дверь. Коля понял, что пока он не нужен.

Он вышел на улицу. Снег, падавший всю ночь, растаял, и только кое-где вдоль плетней светились белые полоски. По тылам домов в два ряда тянулись проволочные заграждения, и без того грустный пейзаж из-за них казался безысходно унылым. На улице почти никого не было; пробежал немецкий солдат; проехала машина с кузовом, тесно набитым людьми,— здесь были и пленные и мобилизованные. Все они, попав в лагерь, подвергались одному и тому же режиму.

Только из нескольких труб в деревне вился дым — это были дома, в которых жили офицеры и полицаи. Коля уже знал, где расположена лагерная кухня, и отправился туда посмотреть, как устроился Виктор.

Вот тут и произошло то, к чему он так стремился и ради чего пошел навстречу всем опасностям.

Еще издали он увидел длинную очередь пленных. Каждый держал в руках небольшой железный ба-

чок. Один за другим они проталкивали в окошко кухни пустые бачки и тотчас же переходили к соседнему окошку, чтобы получить бачок с похлебкой и несколькими ломтями хлеба, положенными на его крышку. Потом отходили, крепко держа бачок обеими руками и стараясь не упасть в липкую грязь, которая так и разъезжалась под ногами...

Высокий человек только что получил бачок и, отступив на шаг от окошка, едва тут же не расплескал его содержимое. Коля сразу узнал этого человека. Отец!

Коля уже был слишком опытен для того, чтобы побежать за отцом, при всех выдать свои чувства. Он понял одно: ему нужно догнать отца раньше, чем тот выйдет за ворота лагеря. Пока отец идет по деревне, их встреча может быть случайной, а за воротами она уже привлечет внимание охраны.

Коля ускорил шаг и перешел на другую сторону улицы, чтобы обогнать отца, не подходя к нему вплотную. Отец шел медленно, неся бачок, как самую большую драгоценность. Упади он сейчас — десять человек, и без того уже истощенных, будут голодать целые сутки. Лучше идти помедленнее. И он шел, всякий раз осторожно выбирая место, куда поставить ногу. Но как он ни старался, от слабости его то и дело заносило то в одну, то в другую сторону.

Коля видел эти мучения, ему до боли было жаль отца, осунувшегося, постаревшего. Вот, чтобы немного передохнуть, отец поставил бачок у плетня и рукавом вытер с лица пот. Этой минуты было достаточно. Коля нагнал его.

— Папа! — тихо позвал он, не останавливаясь и проходя мимо.

Отец повернул голову и вдруг судорожно схватился рукой за плетень. Он смотрел на Колю радостно и удивленно, но в глазах его была и большая тревога. Как мог Коля очутиться в этом проклятом месте?.. Что он здесь делает?..

Коля замедлил шаг, но в это время впереди показались два офицера; они шли медленно и наконец, разговаривая, остановились у ближайших ворот. По-видимому, они не торопились расходиться.

На виду у них Коля не решился подойти к отцу. Он только подмигнул, улыбнулся и, пройдя еще несколько шагов, свернул в первый попавшийся проулок.

Прижавшись к плетню, он долго смотрел на отца. Вот он поднял бачок и пошел. Уходит от Коли все дальше и дальше.

Да, трудно было сюда проникнуть, но еще труднее выполнить то, что приказал Силаев...

Секрет укрепрайона

Никита Борзов уже несколько дней не находил себе места. Связной доставил ему распоряжение Силаева во что бы то ни стало добыть подробные сведения об укрепрайоне. Но как это сделать?

Связной рассказал, что Силаев направил ребят в район строительства с заданием найти Алексея Охотникова и связаться с ним.

Никита хорошо знал Алексея. Это человек действия. Если ему хотя бы немного помочь, он способен на многое.

С большим трудом, чтобы не навлечь на себя подозрений Блинова, Никита сумел добиться его согласия повезти на строительство новую группу мобилизованных.

Три дня он безуспешно пытался выбрать хоть минуту, чтобы незаметно поговорить с Алексеем. Пленных водили на работу строем, а за обедом чаще всего посылали Юренева. Его-то Никита и увидел в очереди перед кухней. Они встретились глазами, и Юренев отвернулся.

— А, старый приятель! — усмехнулся Никита, подойдя к нему вплотную.— Я вижу, ты нигде не теряешься. Мой пес до сих пор по ночам скулит, все о тебе вспоминает.

Никто, кроме самого Никиты, не понял смысла этих слов. Юренев был убежден, что тот считает его пострадавшим от преследования гестапо, а другие пленные, стоявшие рядом, слишком привыкли к издевкам, чтобы обращать на них внимание.

Но эта встреча заставила Никиту пойти на риск и сказать Алексею несколько слов на глазах у всех. Правда, он быстро прошел мимо и успел бросить лишь одну фразу, но по испуганно-напряженному лицу Алексея понял, что слова услышаны и оценены.

Однако поверит ли ему Алексей? Не решит ли, что это ошибка?

Узнав, что Коля и Витя отправились в трудный путь, Никита огорчился: слишком велик риск! Но вскоре до него дошли слухи, что Вернер пригрел в лагере каких-то двух мальчишек. Правда, попав за колючую изгородь, они оказались изолированными от мира, и связаться с ними весьма сложно. Но все же если опять попасть в лагерь, то наверняка можно узнать многое. То, что взрослому необычайно сложно, для мальчишки подчас не составляет большого труда.

Прошло несколько дней, но Коле так и не удалось снова увидеть отца. Рихард не знал ни слова по-русски, но жестикуляция его была столь выразительна, что Коля скоро привык быстро понимать, что ему надлежит делать: мыть ли посуду, чистить ли сапоги Вернера или, вооружившись щеткой, подметать пол. Сам Вернер словно забыл о его существовании. Впрочем, бóльшую часть времени он проводил в поле, возвращался поздно и сразу же ложился спать.

Витя уходил рано и возвращался поздно, смертельно усталый и голодный. На кухне кормили плохо, и Коля припрятывал для друга часть всего, что получал от добродушного Рихарда.

Однажды вечером Витя вернулся домой бледный и взволнованный. Он сделал Коле знак войти за ним в каморку и шепотом сообщил, что сегодня видел Михаила Юренева, который приходил с бачком за обедом. Повар-ефрейтор бросил в его бачок кусок мяса и при этом многозначительно подмигнул Михаилу.

— А тебя он видел? — встревоженно спросил Коля.

— Нет. Я сразу же присел за плиту.

— Так...— проговорил Коля.— Старики, видно, были правы. С ним дело нечисто... Вот что, Витька,— решил он,— давай от него прятаться. А то беды не оборбраться... Подведет он нас...

Но еще больше встревожился Коля, когда на другое утро он, спрятавшись за плетнем, увидел издали, как отец и Михаил вышли из одной хаты и, о чем-то разговаривая, влезли в грузовик, который повез их на работу.

Весь этот длинный, тяжелый день он прожил с чувством острой неминуемой опасности, которая угрожает отцу и от которой его нужно оберечь. Рихард несколько раз ругал его за нерасторопность. А ночью Коле приснились старики: они сурово хмурились и что-то говорили, но Коля во сне так и не разобрал их слов...

Он проснулся на рассвете от холода.

Решение пришло как-то сразу. Он будет каждый

день ходить к кухне, пока не встретится с отцом. Должен же отец когда-нибудь пойти за обедом! Увидев издали отца, входящего в ворота лагеря, он пойдет к нему навстречу. А потом, словно невзначай, повернет обратно. Они будут идти невдалеке друг от друга. Это не должно вызвать подозрений.

В это утро Рихард не мог пожаловаться на своего помощника. Коля старался изо всех сил. Сапоги Вернера были начищены до блеска, с кителя сдуты все пылинки, посуда после завтрака перемыта и тщательно вытерта. А самому Рихарду Коля оказал совершенно неоценимую услугу: стащил для него из завязшей в грязи интендантской машины бутылку рома. Рихард хлопнул его по плечу и сказал:

— Зер гут!..

В его устах это была наивысшая похвала.

В общем, Коля завоевал себе право в двенадцать часов выйти из дому. Он сразу же направился к воротам, держа в руках небольшой сверток, который придавал ему деловой вид.

За эти дни охранявшие лагерь солдаты привыкли к нему. Они знали, что он работает у Вернера.

Коля вышел из дому как раз в тот момент, когда над деревней зазвучали унылые звуки гонга. Минут через десять в ворота войдет первый дежурный с бачком, а за ним потянутся и остальные. Ворота уже открыты настежь. Рядом с ними похаживает часовой, низко надвинув на глаза железную каску.

Не доходя до кухни, Коля остановился у невысокого плетня. Дальше идти опасно. Если и сегодня придет Михаил, нужно спрятаться раньше, чем тот его заметит.

Время тянулось томительно долго. Пустынная дорога поблескивала серыми лужами. Наконец вдали появились темные фигуры пленных. Они медленно приближались...

Вот первый, держа бачок прижатым к груди, как щит, вошел в ворота. Это был высокий худощавый боец в истрепанном военном обмундировании. Он победно улыбался: первый всегда получает суп понаваристей.

Следом за высоким бойцом в воротах появился человек в рваном пальто, подпоясанном тонким ремешком,— очевидно, из мобилизованных. Свой бачок он держал на голове, придерживая его одной рукой; шапка нахлобучилась ему почти на глаза, и были видны только два черных уса. Коля внимательно пригляделся. Нет, это не Михаил. Тот моложе, выше и не носит усов... Потом пошли и другие...

Отца он увидел внезапно, когда тот уже вошел в ворота и медленно шел по тропинке, которая вилась вдоль плетней. Бачок он держал в левой руке, а правую заложил за борт шинели.

Прежде чем двинуться навстречу, Коля пытливо оглядел всех, кто шел невдалеке. Нет, Михаила среди них не было.

Все произошло так, как он думал, и все-таки иначе. Когда он приблизился к отцу, тот вдруг споткнулся, упал, и бачок покатился в грязь. Солдаты у ворот засмеялись.

Коля подбежал к бачку, поднял его и протянул отцу, который отряхивал шинель от комьев глины. Часовые отвернулись, занятые своим делом, а пленные, шедшие следом, торопились поскорее занять очередь, им некогда было обращать внимание на какие-то пустяки.

— Как ты попал сюда? — тихо спросил отец и, чтобы выиграть время, стал усиленно тереть рукавом полу шинели.

— Меня послали,— так же тихо ответил Коля.— Тебе задание... Ты должен запомнить, где стоят доты...

Отец внимательно взглянул на него.

— Где ты живешь?

— У Вернера. Я тут не один, с товарищем; и еще я должен сказать. Ты знаешь полицаев Василия Дмитрича и Петьку?

— Знаю.

— Они хотят бежать. Боятся, что всех убьют.

— Кто тебе сказал?

— Мы с Витей подслушали их разговор в доте, под копной, ты запомни это...— Голос Коли дрогнул.— Папа, беги! Пожалуйста, беги, папочка!..

Стоять на месте было уже опасно: приближались полицаи. Подняв бачок, отец пошел к кухне. Коля чуть отстал, но они слышали друг друга.

— А куда идти? — спросил отец.

— В лес. Помнишь, где мы в позапрошлом году собирали грибы? На перекресток дорог... Каждый вечер две недели подряд там будет ждать человек. Он тебя проведет...

Отец быстро спросил:

— Ты о таком человеке, Михаиле Юреневе, не слышал?

— Берегись его, папа. Говорят, он предатель... Ему повар даже мясо дает...

— Так... так...— сощурил глаза отец.— Ты когда пойдешь назад?..

— Теперь скоро! Как только выберемся...

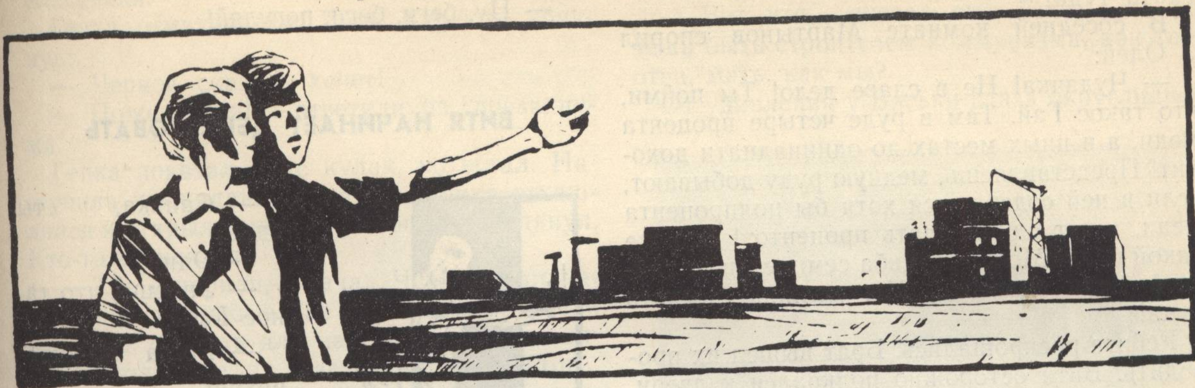
Алексей оглянулся и прибавил шагу.

— Скажи тем, кто тебя послал, сделаю все, что смогу. Будь завтра здесь же. Я оброню бачок, а потом подниму. Останется бумажка. Спрячь ее как следует. Если найдут, верная смерть... Бежать постараюсь, но трудно.

Отец переложил бачок из одной руки в другую и торопливо зашагал к очереди, которая молчаливо выстроилась у кухни.

Коля смотрел на узкую спину отца, и его сердце щемила страшная боль. Этот мальчик узнал так много горя, что его с лихвой хватило бы на большую, длинную жизнь.

(Окончание в следующем номере)



ГАЙ, УЛИЦА ПИОНЕРСКАЯ

В. БАХРЕВСКИЙ

Рисунки Е. Бачурина.

КАК НАЧИНАЛСЯ ГОРОД

Первыми пришли сюда геологи. Они долго работали в этих степях под Оренбургом и наконец нашли здесь богатейшее месторождение медного колчедана — руды, из которой выплавляют медь. Геологи были счастливы, потому что страна давно ждала от них такой большой и нужной находки.

За геологами в степь пришли топографы. Они сняли планы местности и передали их градостроителям, архитекторам. Те вычертили на бумаге улицы, парки, стадионы, и получился город, сердце которого — горнообогатительный комбинат. Город со звонким именем Гай.

Вот тогда и поехали в степь под Оренбургом, на «Гайстрой», первые строители.

Эти люди с комсомольскими значками жили в разных городах: в Орше и Бузулуке, Гомеле и Рязани. Но короткое, звонкое слово «Гай» вошло в их жизнь, объединило их, сделало соратниками — добровольцами «Гайстроя».

Рядом с комсомольским значком всегда увидишь значок пионерский, красный пионерский галстук. Самые юные строители Гая живут далеко друг от друга. Они никогда не встречались. И все-таки они соратники: у них одно дело. Очень большое, очень важное!

О том, как пионеры помогают строить новый город, мы сейчас и расскажем.

СТАРШИЙ БРАТ И ЕГО ТОВАРИЩИ



Капитан Немо умирал. Витя Карякин с ногами залез на стул и читал, не отрываясь. Вдруг он услышал щелчок открывшегося замка. В одно мгновение на капитана Немо лег раскрытый наудачу задачник. Дверь в прихожей открылась, и в комнату ворвалось сразу несколько голосов. Брат пришел не один.

— У меня никого! Братишка гуляет! — сказал Гена, даже не заглянув в комнату к Вите.

— Тогда начнем! — По голосу Витя узнал Мартынова.— Хотя, по-моему, все ясно: едем!

— Ты о папах с мамами забыл! — сказала Оля Евтихова.

— Отпустят, не бойся! Когда все узнают, что мы решили, им стыдно будет не отпустить...

— В газетах про нас напишут!..— мечтательно сказала Оля.— «По инициативе 10-го «В» класса 24-й оренбургской школы тысячи выпускников едут на комсомольскую стройку в Гай...»

Витя навострил уши. Гай! Значит, брат с другими десятиклассниками собирается поехать туда!

В соседней комнате Мартынов спорил с Олей:

— Чудачка! Не в славе дело! Ты пойми, что такое Гай. Там в руде четыре процента меди, а в иных местах до одиннадцати доходит! Представляешь, медную руду добывают, если в ней содержится хотя бы полпроцента меди, а тут одиннадцать процентов! Это же такой клад! Может, судьба семилетки от гайской меди зависит... Мы должны поехать туда!

Ребята распрощались. Брат вышел их проводить. Витя осторожно подкрался к двери. Он не хотел, чтобы Гена увидел его. Столкнулись они на пороге.

— Ты дома? — спросил старший брат.

— Дома.

— Слышал?

— Слышал,— потупился Витя.

— Ну, вот что! Я сам все матери скажу. Ты не лезь. Знаешь ведь: женщины.



Надо точно подсчитать, какие запасы руды хранит земля Гая. Для этого строят буровые вышки: они помогают заглянуть в глубь земли...

— Знаю.

Гена улыбнулся.

— Ну, беги, беги, погуляй!

ВИТЯ НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ



— Санька, ты один?

— Один.

— Знаешь, что такое Гай?

— Роща по-украински.

— Сам ты роща! Гай — это новый комсомольский город. Там медь будут добывать. Наши десятиклассники собираются туда уехать.

— Постой, я ничего не понимаю! Давай сначала!

— Некогда сначала! Надо решать быстро. В общем, на работу нас туда не возьмут. Это как пить дать. Что будем делать?

— Не знаю. Бежим к Генке Чернову?

— Бежим!

ДАЕШЬ ШАГАЮЩИЙ!



На следующий день в 24-й оренбургской школе сорвалось несколько уроков кряду. Десятый «В» объявил по школьному радио о своем решении: после окончания школы ехать на строительство в Гай.

Созвали митинг. Приехал секретарь обкома комсомола. Девятиклассники осаждали Людмилу Михайловну Кондричину, директора школы. Они тоже просились в Гай. Тут и пионеры подняли шум. Людмила Михайловна накричала на них:

— Подрастете, тогда...

Ее перебили:

— Тогда Гай давно уже будет построен!

— Генка! Чернов! Давай! — шептали пятиклассники.

Генка отмахивался. Витя Карякин крикнул:

— Чернов сказать хочет!

— Пожалуйста! — ответили из президиума.

Генка показал Вите кулак, но встал. Наступила неожиданная тишина. Генка откашлялся и открыл было рот, но опять кашлянул. Кто-то засмеялся.

— Тут говорили,— начал Чернов, запинаясь,— что техники в Гае недостает. Вот мы и решили... собрать для наших десятиклассников металлолом на шагающий экскаватор...

В президиуме кто-то громко присвистнул:

— Хватил! Да ведь для этого надо не меньше тысячи шестисот тонн. Понимаешь: тонн?!

Зал дружно захохотал. Генка вспыхнул и сел.

— А я думаю,— сказал секретарь обкома,— что этот мальчик прав. Тысячи шестисот тонн одна школа не соберет, но вас поддержит весь Оренбург, вся область. А вместе можно собрать лома и на десять экскаваторов.

— Ура! Даешь шагающий! — закричали пятиклассники.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОТОК



Останавливались прохожие, тормозили шоферы, из окон домов высовывались любопытные. На тележках, в старых детских колясках, на себе тащили пионеры отжившие металлические вещи.

Санька скреб в затылке.

— Как ты думаешь, подойдет? — спросил он Витю.

Обсуждался трехколесный велосипед Санькиного братишки.

— Краска уже облупилась,— неуверенно сказал Витя.

— Почти новый! — вздохнул Санька.— Как бы Васька шум не поднял!

— Уговорить его надо.

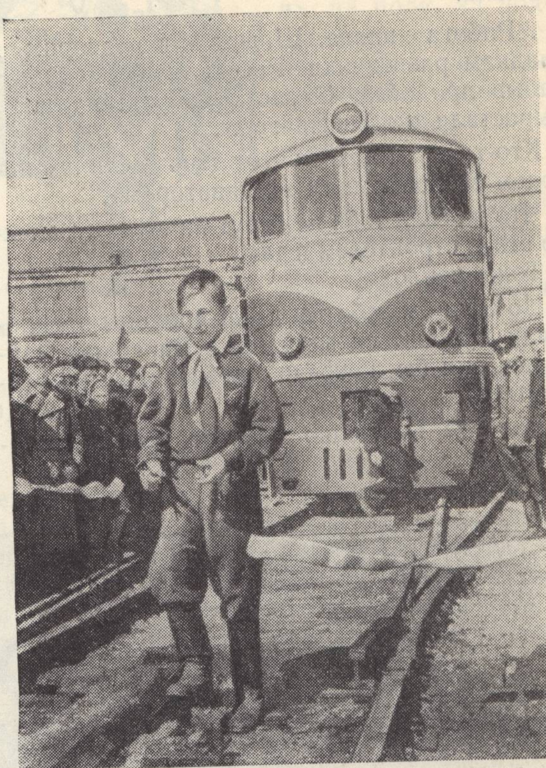
— Его уговоришь, писклю несознательную!

— Зови. Я сагитирую.

Ваську позвали.

— Вот что,— сказал ему Витя,— ты хочешь быть строителем коммунизма, как твой отец, мать, как мы?

От удивления у Васьки глаза округлились.



Собирать железный лом — для ребят Оренбурга не новое дело. Недавно из «пионерского» металла построили три тепловоза. Саша Истратов, пионер 5-й школы, открывает путь новой машине.

— Коммунизма? Хочу.

— Тогда слушай. Сейчас не хватает металла. Нужен лом. И мы хотим взять твой велосипед. Понял?

— Понял.

— Даешь?

— Дам. А на чем я кататься буду?

— Чудак! Тебе же говорят! Ты за коммунизм?

— За коммунизм.

— Нужен металлолом. Понимаешь?

— Понимаю.

— Орать не будешь, если велосипед возьмем?

— А на чем я кататься буду?

— Тьфу ты! — рассердился Витя.— Пошли, Санька! Может, выпросим ту кровать, что в сарае. Она потяжелее этого дурацкого велосипеда.

— Сам ты дурацкий! — сказал обиженный Васька, садясь на велосипед.

Было трудно. Железнодорожные школы не могли собирать лом для экскаватора. У них было свое обязательство: построить тепловоз. Остальным школам надо было добыть металла еще больше, чем предполагалось сначала.

...Работа кипела. Шныряли по дворам и свалкам разведчики. Работали без отдыха, забыв про обед. Около оренбургских школ вырастали железные горы.

Кто-то шутя назвал этот день «великим походом за шагающим экскаватором».

Что ж, если тебя не берут на стройку, можно стать строителем и так.

Тоже неплохо!

Но если бы ребятам из 24-й школы предложили поменяться местами с Валеркой Панченко, они бы, конечно, согласились, не раздумывая.

Валерке Панченко повезло необыкновенно.



Прежде всего в новом городе строят жилые дома. Опытных мастеров не хватает и комсомольцы учатся прямо на стройке.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ СЧАСТЛИВЕЦ



В тот день семья Панченко переезжала в Гай из деревни. Валерке рисовались многоэтажные дома, широкие, асфальтированные улицы — словом, все то, что в его представлении было городом.

Машина резко затормозила. Валерка ткнулся головой в узлы и задохнулся, глотнув пыли. Мимо, словно набрасываясь на весь белый свет, пронесся громадный, двадцатипятитонный самосвал с горой земли в кузове.

— Скоро Гай,— сказал отец.

— Где? Где? — завертел головой Валерка.

— А вон там, за вышками.

Валерка видел вышки геологоразведки, но города за ними не было. Кругом лежала слегка холмистая степь.

Отец ткнул указательным пальцем в небо.

— Знаменитый город будет! Сюда и железную дорогу ведут и водопровод. Из Урала пойдет вода.

Минут через десять Валерка стоял на земле. Прямо перед ним мостили дорогу. Это была проезжая часть улицы. Слева от улицы была голая степь, справа — одноэтажные дома. Из-за них виднелась опутанная лесами стройка дома повыше, а над всем этим в синем небе метался на ветру язычок алого флага.

— Что, брат, пригорюнился? — спросил отец.— Не понравилось? Ты, брат, радуйся. Не каждому дано это видеть. На твоих глазах город рождается.

— А ребята здесь есть? — спросил Валерка.

— Вон в чем дело! — засмеялся отец.— Ребята найдутся.

У здания комсомольского штаба, над которым был поднят флаг, Валерка встретился с мальчишкой.

— Новенький? — спросил тот.

— Новенький.

— В футбол играешь?

— Играю,— соврал Валерка.

— Вот здорово! — обрадовался мальчишка.— Идем к палаточному городку. Там озеро есть. Мы там всегда собираемся. Тебя Иваном зовут?

— Нет, Валеркой.

— А меня Хворостовым Виктором. Будем знакомы, очень приятно! — И он уморительно закатил глаза.

Палаточный городок находился от стройки метрах в двухстах. Палатки были просторные, с полом, с окнами. Посреди городка стояла белая, пахнущая свежим деревом эстрада.

— Здесь парк будет,— пояснил Хворостов.— А вон там гору насыплют. Не веришь? В сорок метров высоты. Пока до руды доберутся, знаешь, сколько земли придется вынуть! Котлован на сто метров вглубь рыть будут.

Ребята спустились к воде. На жесткой траве сидели почти все юные жители Гая.

— Нас пока семнадцать, ты восемнадцатый,— сказал Виктор.— Вон высокого видишь? Это Коля Шорников, первый гайский житель. А это Лида Коновалова. Между прочим, отличница. Первая. Гайская. Я первый футболист. Миша Морозенко — силач. А ты что умеешь делать?

— Рисовать и петь.

— Певцы у нас есть уже. Ты будешь первым художником! — И крикнул:— Ребята, новенький!

Валерку окружили. Посыпались вопросы. Но отвечать ему не пришлось: сверху позвали.

— Хлопцы! В штаб принесли три пачки карандашей. Виктор Петрович просит их очинить. Айда!

— Айда! — отозвались ребята и бросились натягивать рубашки.

«ПГ» — ПИОНЕР ГАЯ



Густые брови начальника комсомольского штаба Виктора Поляничко скакнули вверх. На стульях, на полу, на подоконнике сидели ребята. Три коробки отточенных карандашей лежали на столе.

— Молодцы!

Начальник штаба озабоченно потер лоб.

— Вот что, ребята! Есть у меня к вам серьезное дело. Город у нас растет, а ведь вокруг голо. Надо посадить аллею около палаточного городка. Одолеете?

— Одолеем!

— И вот что я еще думаю. Пора создать первый отряд гайских пионеров. Всем носить галстуки, на рукавах — красные треугольники с буквами «ПГ» — пионер Гая. Работать ударно. Если согласны, давайте выберем штаб, он будет помогать нашему, комсомольскому штабу. Подумайте, кто будет начальником...

— А чего тут думать! — сказал Хворостов.— Мы — за! А начальником — Колю Шорникова.

Все с ним согласились.



Вот они, гайские пионеры! Впереди Коля Шорников и Миша Морозенко, с ними — Валерий Симиков и Витя Хворостов.

...Скоро в Гае будет много школ и тысячи ребят, и тогда появится Гайский городской совет юных пионеров. А пока — пионерский штаб. И у него очень много дел...

ШТАБ РЕШИЛ



Теперь в комсомольском штабе постоянно дежурил пионерский связной. Вечером Коля Шорников собрал ребят у палаточного городка.

— Сегодня в штабе строители шумели. Гвоздей, говорят, не хватает. А Виктор Петрович им в ответ, что надо, мол, бережливее относиться к материалам. А те говорят: мы и так каждому гвоздю счет ведем!

— Ну да! — сказал Витя Хворостов.—Вон их сколько валяется, гвоздей этих!

— Предлагаю выйти всем отрядом на стройку и собрать разбросанные гвозди,— сказала Лида Коновалова.

На следующий день по стройке бродили одинокие фигуры, внимательно изучая глазами землю.

А вечером перед комсомольским штабом был выставлен стол, на котором красовались два ящика гвоздей.

Ребята хотели послушать, что будут говорить строители, но Виктор Поляничко прогнал их:

— Сами разберемся. Спасибо!

Пионеры работали на стройке — закладывался фундамент школы,— когда прибежал связной.

— Всем в штаб! Привезли саженцы!

...Если бы не было у тебя на груди галстука, если бы не пламенел на рукаве алый треугольник с буквами «ПГ», плетьми повисли бы обессиленные, с ободранными ладонями руки.

Солнце палит в степи. Жаркий воздух до того плотен, что кажется, его можно пощупать рукой. Цветом небо белесое, как хвосты пыли за бесконечными грузовиками. Напоить степную землю невозможно. Верхний слой намокает и превращается в грязь. Ковырнешь — под ним все та же знойная сушь.

Час, другой, третий... И рядом с палаточным городком выстраивается тополевая аллея.

— Еще немного! — подбадривает ребят Коля.

И снова звенят лопаты, гремят опорожненные ведра.

Вечером возвращаются со стройки рабочие. Они смотрят на шеренгу из двухсот пятидесяти саженцев и удивляются:

— Ай да хлопцы! С таким народом, ох, и зеленый наш город будет!

Какая-то женщина сокрушенно вздыхает:

— Засохнет все это!

— А мы не дадим засохнуть! Поливать будем! — сдвигает брови Коля.

Подошел Виктор Поляничко.

— Я с заседания комсомольского штаба. Только что вынесено решение: назвать одну из первых улиц Гая Пионерской.

Замерли мальчишки и девчонки, вытянулись по струнке, как стоят солдаты, когда им вручают боевые награды.

Город Гай, улица Пионерская...

Товарищи будущие историки!

Когда вы станете отыскивать первых строителей города меди, не забудьте пионеров Гая, пионеров Оренбурга, ведь не зря их именем названа улица. Они тоже строители нового города семилетки!

ЧУДЕСА НА КАЖДОМ ШАГУ

И. ЛАГОВСКИЙ

Рисунки О. Рево.
Фото С. Карасева.

Путешествие по Выставке достижений народного хозяйства СССР часто сравнивают с путешествием по всей Советской стране. И это — очень верное сравнение: все пятнадцать советских республик прислали на Выставку все самое лучшее.

Как вы думаете, что быстрее: слетать на самолете «ТУ-114» из Москвы в Нью-Йорк и обратно или пройти пешком по всем дорогам и аллеям Выставки? Представьте себе, вы не успеете обойти всю Выставку, пока самолет вернется из-за океана.

На Выставке так много интересного, что глаза разбегаются. Хотелось бы познакомить вас со всеми экспонатами, но это просто невозможно. Если бы на каждой странице нашего журнала мы стали бы рассказывать о двух экспонатах, то описание последнего экспоната вы получили бы примерно в... 2011 году!

Я расскажу вам лишь о маленькой частичке того, что можно увидеть на Выставке.

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО

Кое-кто из вас, пожалуй, позавидует этому железнодорожнику: весь день он смотрит телевизор. Но тут же вы удивитесь: почему на экране телевизора все время одна и та же картина: железнодорожные пути, стрелки, снова пути и вагоны, вагоны, вагоны.

Человека этого зовут станционным диспетчером. Из вагонов, стоящих на разных путях, он составляет поезда. А машинист маневрового тепловоза пе-



регоняет по указанию диспетчера нужные вагоны на один путь. В кабине тепловоза есть радиоприемник, и машинист все время слышит команду диспетчера, который из своей комнаты видит все, что делается на станции. Видеть ему помогает телевизор.

Телевизор — это приемник. А где же передатчик? Он на высокой мачте, с которой видны все посты. У передатчика, как у фотоаппарата, есть объектив. И не один, а целых три. С помощью передатчика даже номер вагона прочитать можно.

Есть телевизионные установки и в других павильонах: телепередатчик, который помогает осматривать плотины электростанции под водой, и телепередатчик, облегчающий летчикам посадку на аэродром в любую погоду, днем и ночью.

В павильоне «Радиоэлектроника и связь» работает телестудия. На экранах трех телевизоров в просмотровом зале — цветные изображения. Скоро и в Москве начнет работать студия цветного телевидения.

ЧУДО АВТОМАТИКИ

В наше время многие мечтают отправиться в космический полет. Будущему космонавту особенно интересно побывать в павильоне Академии наук СССР. Здесь можно увидеть прославленные советские спутники и космические ракеты. Люди приезжают из-за границы, чтобы посмотреть на них.

Высоко под потолком сверкает металлический шар с четырьмя усами-антеннами. Это первый советский спутник Земли. Тут же модели его собратьев — второго и третьего спутников.

Третий спутник, запущенный 15 мая 1958 года, кружится на огромной высоте вокруг Земли. Это настоящая летающая лаборатория. Его радиостанция «Маяк» регулярно посылает сигналы из космоса. Она работает так долго потому, что на спутнике установлены долговечные солнечные батареи.

В центральном зале павильона — огромная, в натуральную величину, модель советской космической ракеты, которая в начале этого года прошла вблизи Луны и отправилась в вечное странствие по космическим дорогам. «Слава ученым, создавшим это чудо!» — написал один из посетителей в книге отзывов. Это действительно чудо!

В других залах можно посмотреть и даже потрогать контейнер — кабинку, в которой знаменитые собачки Козявка, Линда и Малышка поднимались на огромную высоту.

А вот и настоящая ракета «А-3», взлетевшая на высоту в 452 километра. Она не такая блестящая, как модели спутников. Ее бока почернели, кое-где оплавились: от трения о воздух ее обшивка, наверное, накалялась докрасна. А внутри ракеты температура была нормальной. Об этом сообщили автоматические устройства, которые не переставали посылать на Землю свои сигналы.

С помощью таких ракет и спутников мы узнали, что на высоте двухсот километров температура воздуха равна тысяче градусов, а еще выше достигает трех тысяч градусов! Такую жару выдерживают лишь самые тугоплавкие металлы.

Раньше думали, что атмосфера Земли простирается всего на тысячу километров. После запуска ракет и спутников установлено, что земная атмосфера гораздо толще, она обнаружена и на высоте двух — трех тысяч километров.

До полета спутников и ракет никто на Земле точно не знал, может ли живое существо лететь в ракете. Теперь мы уже точно знаем: животные хорошо переносят космические полеты. Много нового принесли нам первые разведчики космоса.

Управляют ракетами и спутниками в полете автоматические устройства. Они выводят их на заранее рассчитанный путь и не дают отклониться от него. Их создали советские ученые, их построили советские рабочие.

В одном из залов павильона Академии наук СССР посетители с интересом рассматривают небольшую ракету, похожую на сигару. Она совсем малышка по сравнению даже с не очень большими геофизическими ракетами. Но эта ракета замечательна тем, что была запущена в 1933 году, двадцать шесть лет назад. Взлетела она невысоко — всего на четыре с половиной километра. Но это была самая первая советская ракета.

Четверть века — срок не очень большой. Но какие огромные успехи достигнуты за это время! Маленькая ракета положила начало эре космических полетов.

СТАНОК, КОТОРЫЙ САМ СЕБЕ ДАЕТ ЗАДАНИЕ

Вот это чудеса! Около станка нет никого, кроме зрителей, а станок работает.

Через несколько минут пришел рабочий и снял со станка готовую деталь, похожую на завитушку

Кто же управлял станком?

Электронные автоматы. Это станок с программным управлением.

Вы, конечно, не раз слышали по радио слова диктора: «Передаем концерт. В программе концерта — произведения Чайковского. Запись по трансляции». И дальше уже другой диктор объявляет фамилию исполнителя и название произведения. Весь концерт записан на магнитную пленку. На радиостудии пленку заряжают в магнитофон, и вы слушаете концерт по радио.

В станке с программным управлением тоже есть магнитофон. На магнитной ленте, которая закладывается в него, записана вся программа обработки детали. Конечно, не словами, а условными сигналами — импульсами. Если бы ленту послушать на обычном магнитофоне, то ничего, кроме щелчков, вы не услышали бы. Но именно эти щелчки-импульсы,

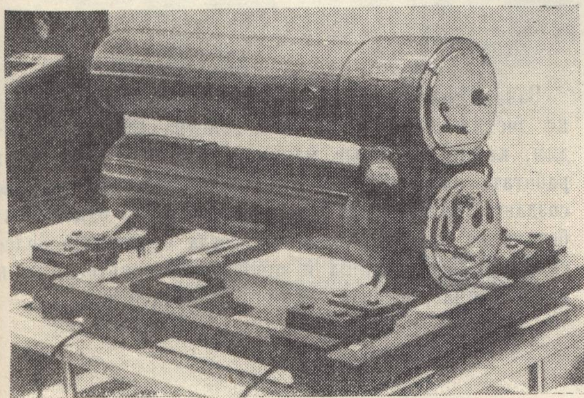
следующие один за другим в определенном порядке, приводят в действие электромоторы станка. Щелчок — и включился мотор. Мотор связан с инструментом. Инструмент начал снимать стружку. Новый сигнал — и мотор закрутился быстрее, инструмент стал сильнее вгрызаться в болванку.

Вот так станок сам себе дает задание и сам выполняет его. Рабочий лишь вставит ленту, установит инструмент, заготовку и включит станок.

Станок работает быстро и точно. Он легко выполняет работу высококвалифицированного мастера-лекальщика.

В павильоне «Машиностроение» стоит не один такой станок, а несколько. Их привезли на Выставку из разных городов. Сейчас многие заводы выпускают станки-автоматы и целые линии таких станков. Все они без участия человека обрабатывают деталь от начала до конца.

Партия и правительство заботятся о том, чтобы больше было у нас автоматических станков и автоматических линий.



ЧУДО-ВЕСЫ

Ну вот, скажете вы, редакция перепутала и напечатала не ту фотографию! Разве это весы?

Да, это весы. По-научному их называют «Радиоактивный бесконтактный измеритель веса БИВ-1». Этот прибор определяет вес рулонов бумаги, ткани и клеенки.

Чтобы взвесить, например, рулон клеенки, не требуется никаких гирь. Клеенку протягивают между двумя цилиндрами. Внутри верхнего цилиндра лежит радиоактивный металл таллий. Он испускает радиоактивные лучи. В нижнем цилиндре установлен счетчик радиоактивных излучений. Когда между цилиндрами нет ничего, все лучи попадают в счетчик, и стрелка прибора стоит на нуле.

Но вот стали протягивать клеенку. Она загородила путь лучам таллия.

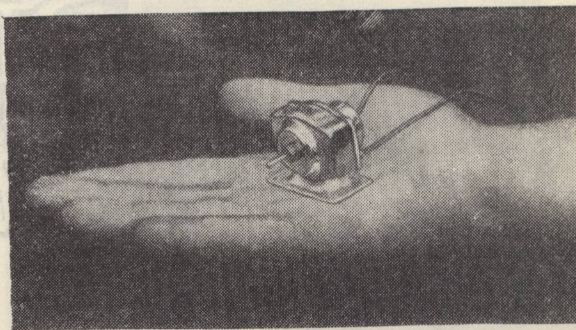
Если бы в верхнем цилиндре вместо радиоактивного таллия была электрическая лампочка, то клеенка задержала бы все световые лучи: для света она непрозрачна. А для радиоактивных излучений она прозрачная, но не совсем: часть лучей задерживается и в счетчик не попадает. Стрелка отклоняется. Чем толще клеенка, тем меньше лучей пропускает она, тем больше отклоняется стрелка прибора. А ведь вы знаете: чем толще материал, тем больше он весит. Значит, по толщине листа можно определить и вес всего рулона.

Так работает этот замечательный прибор. Его создали на Таллинском заводе контрольно-измерительных приборов. На этом же заводе построили и другой радиоактивный прибор. Он показывает, сколько осталось жидкости в наглухо закрытом баке. Попробуйте заглянуть в такой бак! А радиоактивные изотопы позволяют сделать это очень легко.

В павильоне юных натуралистов и техников тоже есть необычные весы — электрические. Их сделал Боря Бычков, ученик восьмого класса 73-й школы города Свердловска. Весы замечательны тем, что взвешивать можно в одной комнате, а смотреть на стрелку весов в соседней комнате или даже в другом доме. Это весы с дистанционным управлением. Как видите, и юные техники вносят свой вклад в автоматику.

ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ МУШИНЫХ СИЛ

Павильон «Игрушка». Вот где раздолье для ребятишек! Чего здесь только нет! Куклы, говорящие и неговорящие, различные самолеты, железная дорога, настольные игры. Здесь можно не только посмотреть на хорошие игрушки, но и поиграть. В павильоне есть хорошая игротека. Есть в этом павильоне и настоящие машины. Вот, например, совсем маленький электромотор, мощность его не больше шестисот мушиных сил. Но он может возить небольшую модель автомобиля, электровоза, вращать



сделанную из деталей конструктора мельницу или карусель.

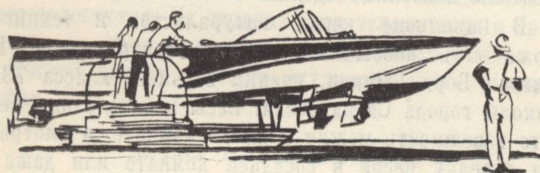
Никогда еще не было у нас такого всеобъемлющего плана, как семилетка, в нем все учтено и продумано. Производство игрушек, самых разных, тоже входит в план семилетки.

ТЕПЛОХОД ЛЕТИТ НАД ВОДОЙ

Еще недавно в справочниках можно было прочитать:

Пешеход	3—4	километра в час
Велосипедист	15	километров в час
Речной катер	16	километров в час.

Что касается пешеходов, то скорость их совсем не изменилась. А вот велосипедисты, установив на свои машины подвесные моторчики, могут теперь мчаться по шоссе со скоростью тридцать километров в час. А катер проходит восемьдесят километров в час!



Откуда у катера появилась такая прыть? Все дело в небольших крыльях, прикрепленных к днищу. Когда катер трогается с места, он касается воды всем днищем и плывет, как обычная лодка. Но когда скорость катера увеличивается, он приподнимается — в воде остаются лишь крылья и винт! — и стремительно летит над водой, совсем как самолет. Самолет тяжелее воздуха, но от падения на землю его удерживает подъемная сила крыльев. Эта же сила удерживает над водой и катер.

Хорошо бы прокатиться на быстрокрылом катере! А может быть, кто-нибудь из вас уже это сделал? Ведь по каналу имени Москвы уже курсируют не только катера, но и пассажирские теплоходы с подводными крыльями.

ТУРБИНЫ ПОД ДОЖДЕМ

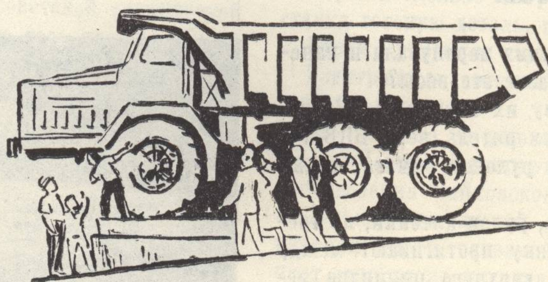
Нашим заводам и фабрикам, колхозам и совхозам нужно много электроэнергии, чтобы поскорее выполнить семилетний план. Надо строить электростанции. И гидравлические, турбины которых вращает вода рек, и тепловые, где работают паровые турбины. Инженеры-экономисты подсчитали, что сейчас выгоднее и быстрее строить тепловые станции.

Для быстроты можно даже не строить здание электростанции. Турбины такой электростанции будут работать прямо под открытым небом. А если пойдет дождь или снег? Не страшно! Вода будет стекать по стальной броне, ни одна капля ее не попадет внутрь машины.

Макет электростанции без здания показан на цветной вкладке.

* * *

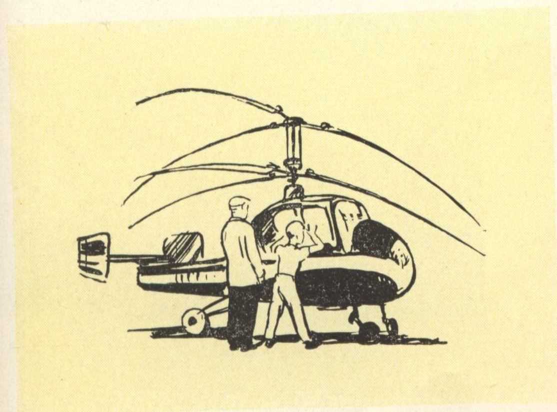
Заканчивается первый год семилетки. На Выставке достижений народного хозяйства СССР мы видим, какие чудесные машины работают или будут работать на наших заводах, какие точные приборы создают наши инженеры. Вы, ребята, будете работать во второй семилетке, тогда будут еще более совершенные машины и приборы. Готовьтесь же к этому сейчас, любите технику, изучайте ее!



Воздушный экспресс «ТУ-104А».

На смену паровозам пришли мощные, быстроходные электровозы.

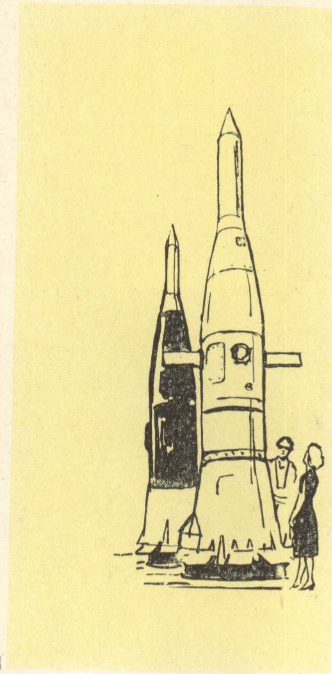




Вертолет-малютка «КА-18». Он не больше «Москвича».

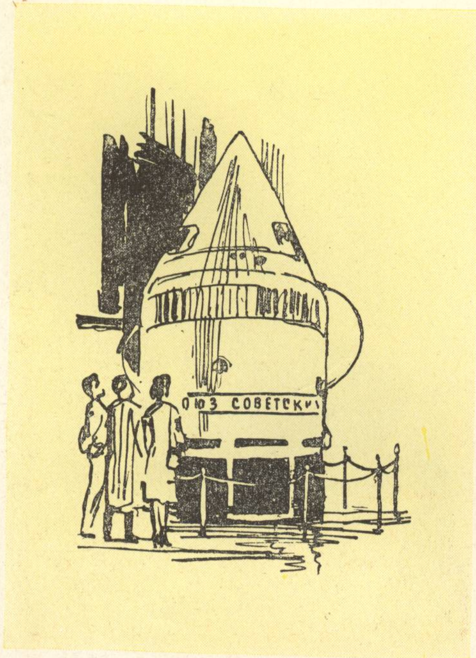


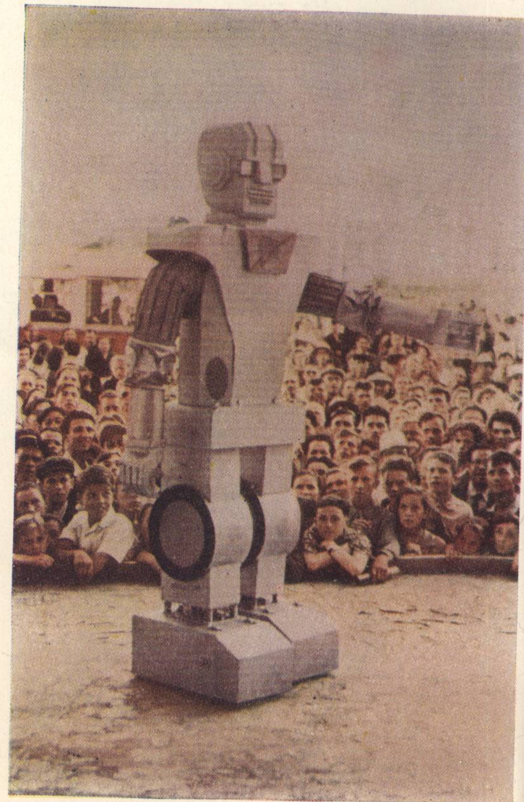
Павильон радиоэлектроники. В нем чудеса встречаются на каждом шагу.



Геофизические ракеты — разведчики космоса.

Вот точная копия советской искусственной планеты, которая кружится вокруг солнца.
↓

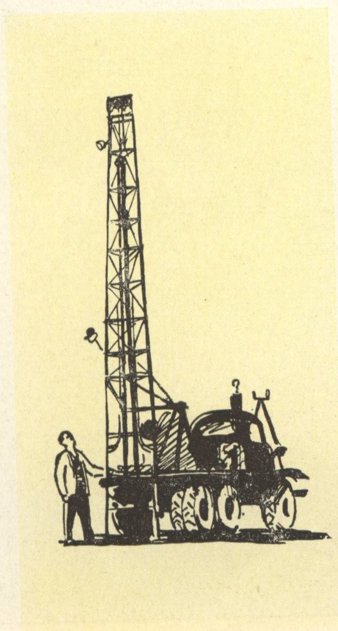




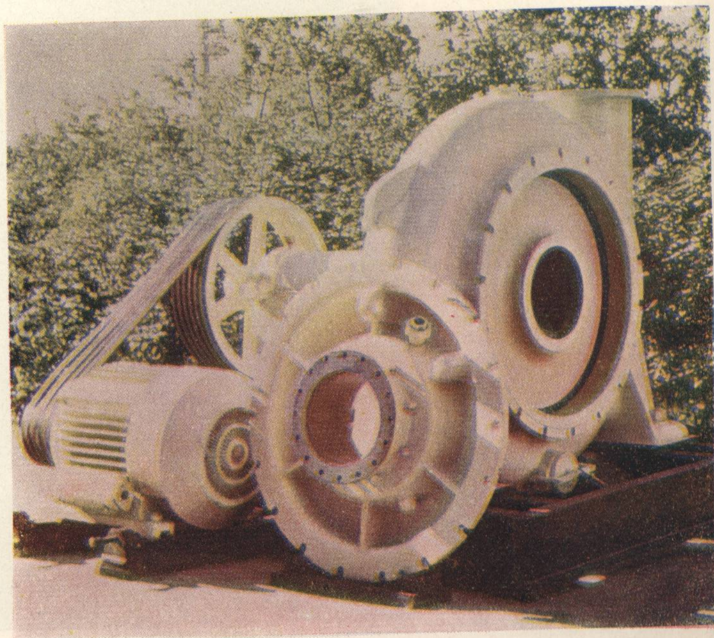
Роботу, построенному юными техниками, ежедневно придится выступать перед тысячами посетителей выставки.

Над турбинами этой электростанции нет крыши: они работают под открытым небом.

↓ Самоходная буровая вышка сопровождает геологов в походе. С помощью такой машины они берут пробу из недр земли.



↓ Центробежными насосами обычно нагнетают воду. А этот насос перекачивает... свеклу.



Лесовоз-тяжеловес. Посмотрите, сколько бревен поднимает он за один раз!



«Вот бы прокатиться на такой машине!»— думают некоторые ребята.

«Давайте сами сделаем такую же! Казахские школьники смогли построить, а мы чем хуже?»— решают другие.



КИТАЙСКИЕ СКАЗКИ

ДОЖДЬ И СОЛНЦЕ

Рисунки П. Кирпичева.



Когда-то, давным-давно, жила на свете одна старая женщина. Было у нее два сына. Старший сын был красильщиком, он красил холсты, а младший мастерил зонтики.

Когда шел дождь, матушка тревожилась за старшего сына.

— Все время дождь! — печалилась она.— Мой старший сын не сможет высушить выкрашенное полотно. Что за жизнь такая!

Когда погода прояснялась, матушка начинала тревожиться за младшего:

— Все время ясно! Мой младший сын не продаст свои зонтики. Вот не везет!

Так и в дождливую и в ясную погоду матушка всегда беспокоилась. До того она горевала, что не могла ни есть, ни спать.

Однажды соседка сказала ей:

— Ведь погода временами ясная, временами пасмурная. Стоит ли беспокоиться?

И теперь, когда шел дождь, матушка радовалась:

— Какая хорошая погода! Мой младший сын сможет продать все свои зонтики.

А когда светило солнышко, она ликовала:

— Вот хорошо! Мой старший сын быстро высушит свое полотно.

Жизнь пошла на лад!





ТРОЕ БЛИЗОРУКИХ



В одном городе жили три очень близоруких человека. Но все трое хвастались, что зоркостью глаз во много раз превосходят других людей. Однажды они встретились в чайной.

Первый близорукий сказал:

— Зоркость моих глаз поистине изумительна: на расстоянии ста шагов я могу увидеть бобы в кипящей воде.

Сказав это, он самодовольно рассмеялся и выпил полную чашку чая.

Второй близорукий, услышав эти слова, не захотел отставать от приятеля:

— Зоркость моих глаз поистине замечательна: на расстоянии ста шагов я замечаю ползущего муравья.

Он тоже выпил чашку чая и засмеялся, очень довольный своими словами.

Третий близорукий выслушал их и сказал:

— Зоркость моих глаз поистине превосходна: на расстоянии ста шагов я могу различить летящего комара.

Он тоже выпил чашку чая и самодовольно рассмеялся.

До того они расхвастались, что даже поссорились. Тогда хозяин чайной подошел к ним и сказал:

— Лавочник Чжан, что живет на улице Яцяньцзе, напротив кумирни, собирается завтра прибивать вывеску над своей дверью. Померяйтесь зоркостью — попытайтесь за сто шагов разглядеть, что написано на вывеске.

Приятели согласились. Допив чай, они разошлись по домам.

Первый близорукий по дороге домой завернул к лавке Чжана, разыскал хозяина и узнал у него, что на вывеске выведена следующая надпись: «Получишь все, что спросишь».

Второй близорукий после ужина нашел приказчика из лавки Чжана. Расспросив его, он узнал, что надпись сделана золотыми иероглифами и гласит: «Получишь все, что спросишь».

Третий близорукий, вернувшись домой, затосковал. В глубоком раздумье просидел до второй ночной стражи, а потом отправился к продавцу из лавки Чжана и узнал у него, что на вывеске четырьмя золотыми иероглифами написано: «Получишь все, что спросишь». А еще узнал, что вывеска обведена синей чертой.

На следующий день с утра лил сильный дождь. Однако все жители города пришли посмотреть на удивительное состязание. Перед кумирней собралась огромная толпа.



Первый близорукий вышел вперед, вгляделся и сказал:

— Я отчетливо вижу на вывеске четыре иероглифа: «Получишь все, что спросишь».

Второй близорукий встал подальше и сказал:

— Верно. Я и отсюда вижу эту надпись да еще могу добавить, что сделана она золотом.

Третий близорукий отошел еще дальше других спорщиков.

— Я тоже прекрасно вижу четыре золотых иероглифа да еще синий ободок по краю вывески.

Однако, как только третий близорукий кончил говорить, все стоявшие вокруг громко засмеялись. На вывеске не было ни иероглифов, ни ободка, так как прошедший утром дождь смыл надпись.

КИТАЙСКИЕ БАСНИ

ОРЛЕНОК ПРОБУЕТ ЛЕТАТЬ





Когда орленок вырос и оперился, он впервые взлетел. Это его очень обрадовало и одновременно испугало. Тревожно забилось сердце, закружилась голова.

Старый орел, глядя на него, с насмешкой сказал:

— Как нелепо ты качаешься! Разве это можно назвать полетом? Что у тебя за вид! Крылья твои едва хлопают, ты не можешь удержать равновесие: то взлетишь высоко, то падаешь вниз, то туда качнешься, то сюда. Ты поистине позоришь наш орлиный род.

Услышав эти слова, орленок уже не осмеливался больше подниматься в воздух.

Старый орел совершенно забыл, как он сам когда-то учился летать.

СТЕКЛЯННЫЙ ПУЗЫРЕК



Луч света ворвался в окно и попал на стеклянный пузырек. Пузырек сразу весь засиял. Засиял, засветился и почувствовал себя весьма выдающимся. Окинув презрительным взглядом стоящие вокруг него вещи, он сказал:

— Жалкие вещи! Если жить, не блестя и не сверкая, то какой смысл в такой жизни?! К сожалению, все хорошее рано или поздно проходит.

В то время как пузырек говорил это, луч света постепенно передвинулся, и наш пузырек остался в тени. Он перестал хвастаться, замолк и в полном молчании глупо стоял на столе.

Вокруг стали смеяться:

— Что же ты не блестишь, друг? А нука, блесни еще разок!

СЛОНОВАЯ КОСТЬ

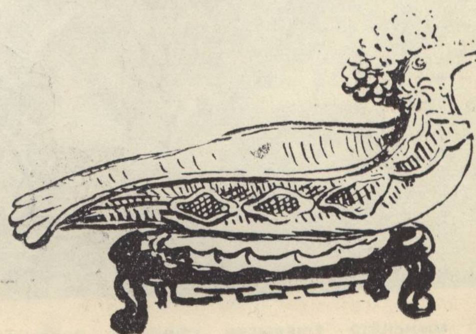


Кусок слоновой кости лежал на земле. Мимо проходил один глупец. Он поднял слоновую кость, посмотрел и сказал:

— Я думал, что это такое, а это всего лишь кусок слоновой кости! — Сказал и бросил кость на землю.

Затем проходил мимо гравер. Он очень обрадовался, поднял кусок кости и отнес его домой. Дома он вырезал из него прекрасное произведение искусства.

Так в одной и той же вещи можно увидеть и произведение искусства и никуда не годный, бесполезный мусор.





УЛИТКА



литка была очень осторожна. Прежде чем двинуться с места, она высовывала из раковины полголовы, вытягивала рожки, ощупывала предметы вокруг себя и только после этого потихоньку, чуть заметно двигалась вперед. Если она замечала что-нибудь около себя, то сразу же пряталась в раковину. Она считала, что раз опасность не видна, то ее и не существует на самом деле и можно жить вполне спокойно. Улитка была довольна своим маленьким мирком, своей раковиной.

Однажды она гуляла по берегу реки и вдруг увидела перед собой утку. Улитка сразу же спряталась в раковину и успокоилась: теперь-то она неуязвима! Но в то время, когда она беззаботно сидела в своей скорлупке, утка раскрыла клюв и проглотила ее вместе со скорлупкой.

ЧЕРЕПАХА



ерепаха спокойно лежала на песчаной отмели и загорала на солнце. Краб увидел ее и спросил:

— Ты что здесь делаешь?

Черепаха сердито ответила:

— Я обдумываю крайне важный философский вопрос!

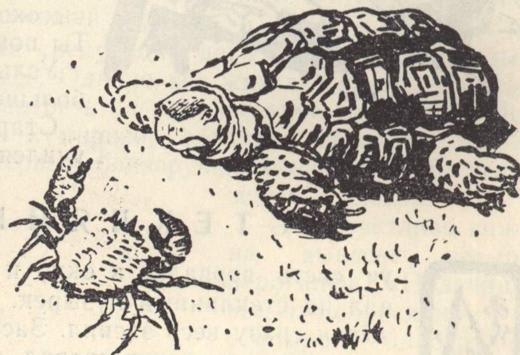
Краб бездумно спросил:

— А что такое философия?

— Как, ты даже не знаешь, что такое философия! — сказала черепаха с презрительным видом. И закрыла глаза, продолжая обдумывать свой философский вопрос.

Краб, сознавая свое ничтожество, с уважением посмотрел на черепаху и молча уполз прочь.

А черепаха в это время думала: «В такую ясную погоду так хорошо загорать на солнце!»



КАПЛЯ ВОДЫ



апля воды упала с неба на лист лотоса. Лежит она на лотосе и вся переливается, как жемчуг, сверкает и говорит чванливо:

— Я упала с неба. Я не такая, как обычные капли. Я прекрасна и благородна, как жемчуг.

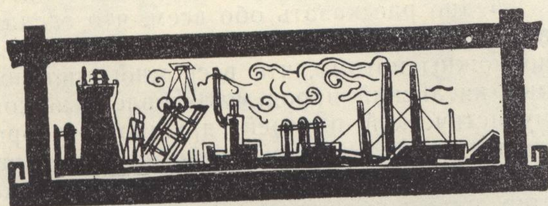
Но не успела она окончить фразу, как подул ветер. Лист лотоса наклонился, капля скатилась в воду и пропала.



РАЗДВИГАЯ ГОРЫ, СОЗДАВАЯ МОРЯ...

Рисунки Л. Катаева.

Ю. ПОПКОВ



СТАЛЬНАЯ ПТИЦА

У каждого народа есть свои герои. Рассказы об их подвигах передаются из поколения в поколение.

Есть такой герой и у китайского народа. Это Великий Юй. Он сражался с враждебными силами природы, которые приносили китайскому народу немало бед и страданий: бурные реки затопляли города и деревни, высокие горы закрывали пути-дороги, теснили крестьянские поля, буйные ветры несли на поля песок, выпивали из почвы влагу.

Невмоготу стало Юю смотреть на страдания народа, и он повел людей на борьбу со стихией. Гигантским топором разрубал он горы, прорывал каналы.

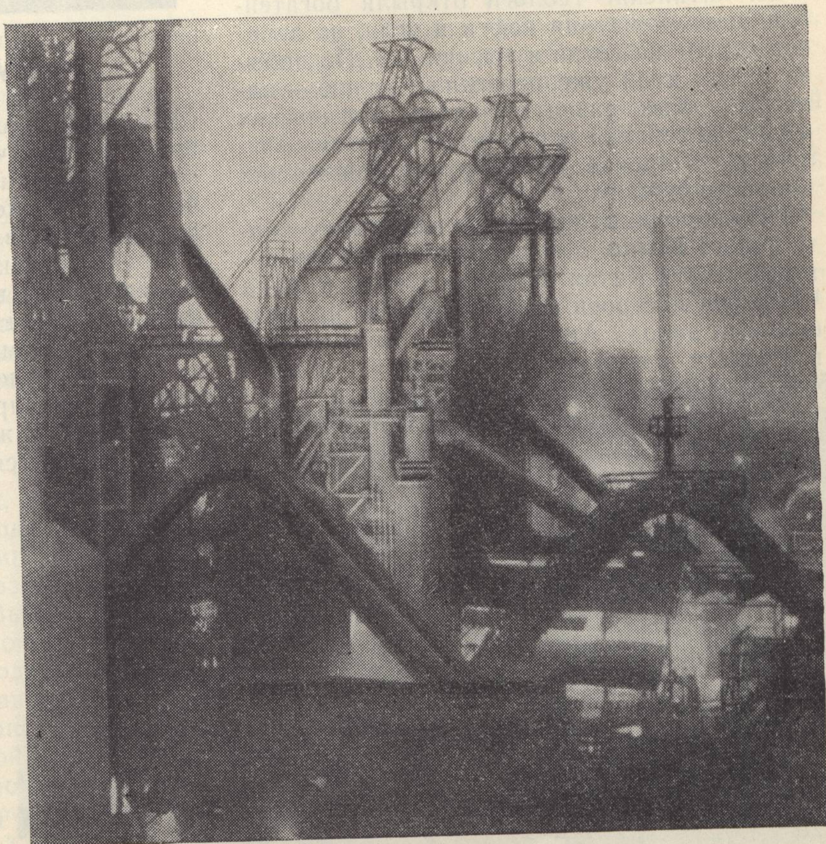
Веками мечтал китайский народ о преобразовании природы своей страны. Эта мечта выражена в легенде о Великом Юе.

Совсем недавно Китай был бедной, полуколониальной страной. Там господствовали иностранные империалисты — англичане, американцы, французы. Им невыгодно было развивать промышленность Китая.

После того, как иностранные империалисты вместе с предателем Чан Кай-ши были выброшены прочь из Китая, освобожденный китайский народ взялся за переделку своей страны, за преобразование ее природы.

Прошло только десять лет с тех пор, как над площадью Тяньаньмынь впервые взвился пятизвездный флаг Китайской Народной Республики, но за этот короткий срок ее промышленность и сельское хозяйство сделали огромный скачок.

О некоторых замечательных делах китайского народа, о смелых проектах преобра-



Аньшаньский металлургический комбинат называют стальным сердцем Китая.

зования природы и рассказывается в этом очерке.

Если вы сравните карту Китая 1949 года с картой 1959 года, вам сразу бросится в глаза резкое различие между ними. На старой карте значки, обозначающие заводы, фабрики, железные и шоссейные дороги, группировались вдоль восточного морского побережья. Обширные пространства на северо-западе и юго-западе страны были «белыми пятнами». Здесь простирались непроходимые леса, горы и пустыни. Теперь они осваиваются. На окраинах Китая видны значки новых угольных шахт, нефтяных промыслов, заводов.

Индустриализацию в Китае часто сравнивают с птицей, стремительно взмывающей в небо. Чтобы эта птица могла выдержать дальний перелет, ветры и бури, крылья у нее должны быть крепкими, как сталь. Поэтому китайский народ в первую очередь строит металлургические заводы. Найдите на карте города Аньшань, Ухань, Баотоу. Они стали большими промышленными центрами.

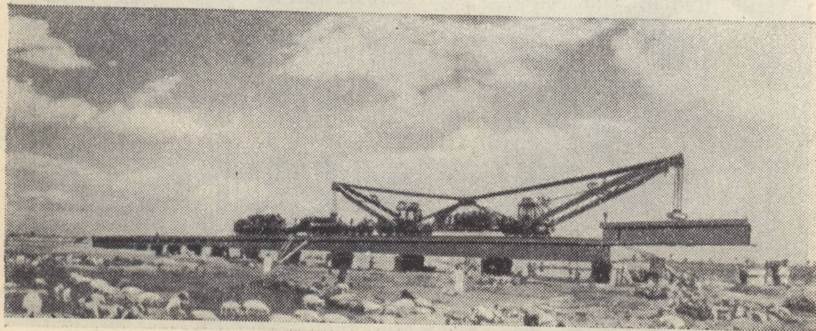
Долгое время считалось, что Китай беден полезными ископаемыми. Но за последние годы китайские геологи открыли богатейшие месторождения нефти и угля, их запасов хватит на сотни и тысячи лет. По добыче угля Китай уже перегнал Англию — одну из самых развитых капиталистических стран. Китайский народ решил догнать Англию и по производству других важнейших видов продукции.

Но продолжим наше путешествие по карте нового Китая. Многие из значков нанесены на карту Китая впервые. Около города Чаньчуня построен первый в Китае автомобильный завод. Автомашины, которые он выпускает, называются «Цзефан» — «Освобождение».

А в городе Лояне вырос тракторный завод. Раньше тракторы были не нужны: на маленьком крестьянском поле трактор, пожалуй, не смог бы даже развернуться. А когда крестьяне объединились в кооперативы, и тракторам есть где разгуляться. Теперь Китай выпускает свои самолеты и электровозы, сложные станки и точные приборы.

Вы, ребята, наверное, видели пальто, свитеры и джемперы с ярлычками, на которых написано слово «Дружба». Все эти красивые и добротные вещи изготовлены в Китае.

Трудно рассказать обо всем, что сделано в Китае за десять лет! Эти успехи стали возможны потому, что весь многомиллионный китайский народ, вдохновленный коммунистической партией, дружно и упорно трудится. А мудрая китайская пословица гласит: «Если каждый подкинет дрова в костер, пламя поднимется высоко».



Через пустыни, высокие горы и бурные реки пролегли новые дороги. Вот как строили железнодорожный мост через реку Куньдулун.



ПРИРУЧЕННЫЕ ДРАКОНЫ

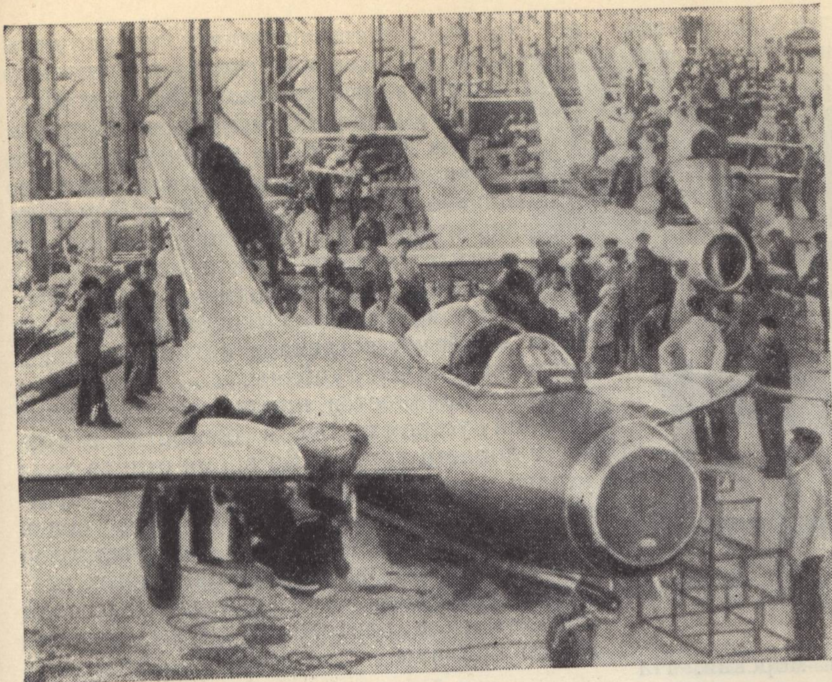
Видели ли вы когда-нибудь живого дракона? Уверен, что вы скажете: «Нет». Такого животного нет и никогда не существовало. Почему же эти мифические существа пользовались в Китае большим почетом?

Драконов считали повелителями вод. Люди верили, что в каждой реке живет дракон. Выпьет дракон всю воду из реки — крестьянские поля умирают от жажды, выплюнет он ее обратно — начинается наводнение.

Самый своенравный и капризный дракон, по преданиям, жил в реке Хуанхэ. На протяжении пяти тысяч километров катит Хуанхэ свои желтые воды по китайской земле.

На берегах этой реки и ее притоков живет более двухсот миллионов человек. Их благополучие, а часто и жизнь зависят от Хуанхэ.

Если вас спросят, куда впадает Волга, вы, не задумываясь, ответите: «В Каспийское море». А вот про Хуанхэ так сказать нельзя: за три тысячи лет она двадцать шесть



Теперь Китай выпускает свои реактивные самолеты.

паводков излишки воды направят в водохранилища, и жители долины Хуанхэ забудут о наводнениях. А в засушливые, жаркие месяцы, когда земля изнывает от жажды, вода пойдет на поля.

Те, кому довелось в прошлом году путешествовать по Китаю, видели, как всюду взлетали к небу комья земли, как сверкали кирки и лопаты, величаво поднимались ковши экскаваторов. Это миллионы крестьян строили ирригационные сооружения — пруды, водохранилища и колодцы.

Вы слышали о Великой китайской стене, сооруженной в древности. Так вот, китайские статистики подсчитали, что за один только 1958 год было вырыто и уложено столько земли и камня, сколько понадобилось бы для трехсот восьмидесяти семи таких стен!

раз изменяла свой путь и впадала то в одно, то в другое море.

Люди строили на ее пути преграды — земляные дамбы и плотины, но злая река прорывала их, затопляла города и деревни.

Немногим лучше нрав и у других китайских рек, а их ни много, ни мало — тысяча шестьсот!

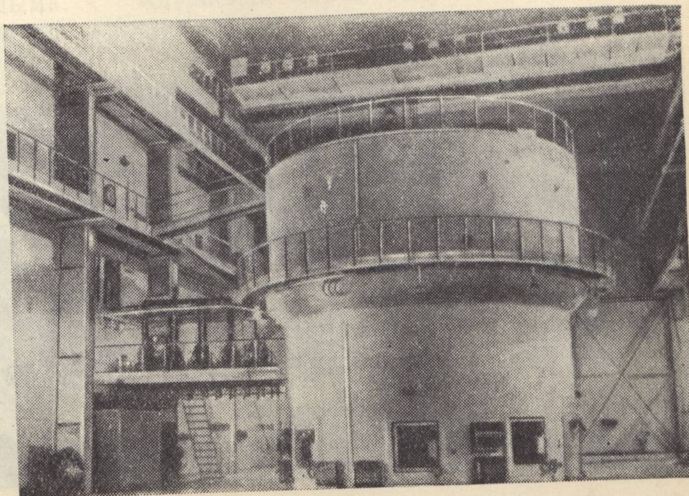
В первые же годы народной власти началось сражение с драконами. Впереди шли гидрологи и геологи. Они изучали повадки рек, проверяли твердость дна и берегов.

Вслед за ними вступали в бой главные силы — строители. Они создавали искусственные моря, строили гидроэлектростанции, судоходные каналы и оросительные системы.

Вас, ребята, не удивишь рассказом об искусственных морях. Вы знаете о Цимлянском, Куйбышевском, Братском и других гигантских водохранилищах, многие из вас плавали по ним. И все-таки вас, наверно, поразит такая цифра: на одной только Хуанхэ будет создано сорок шесть водохранилищ. Могучая река превратится в цепочку искусственных морей. И люди будут повелевать водой по своему усмотрению. Во время

Многие провинции покрылись голубой сеткой каналов. А если есть вода на полях,— значит, будет и богатый урожай. «Капля воды в землю — и стебель вырастет на вершок»,— говорит китайская пословица.

У драконов — повелителей рек — огромная сила, их нужно заставить работать.



Первый атомный реактор, построенный в Китае.

Есть на реке Хуанхэ ущелье Саньмынься. В трех узких протоках бурлит, пенится желтая вода. Эти протоки, по преданию, прорубил Великий Юй. А теперь свободные потомки его строят здесь огромную электростанцию, больше чем на миллион киловатт.

На реке Янцзы идет подготовка к сооружению еще более крупной гидроэлектростанции — мощностью двадцать два миллиона киловатт. Это будет самая мощная станция в мире.



ЛУНА В УПРЯЖКЕ

Восточная граница Китая морская. На двенадцать тысяч километров протянулась она с севера на юг. День и ночь волны Тихого океана то накатываются на плоский берег, едва покачивая рыбачьи джонки, то бешено бьются о крутые скалы.

Два раза в день волны бросаются на берега, словно хотят затопить всю сушу. А через несколько часов море шумно откатывается обратно. Происходят приливы и отливы под влиянием притяжения Луны.

Раньше люди защищались от приливов дамбами и волнорезами. Теперь во многих странах инженеры задумываются над тем, как использовать колоссальную энергию морских волн. Китайские ученые подсчитали, что покоренные приливы могут дать электрической энергии столько же, сколько дают ее сто таких огромных ГЭС, как электростанция в ущелье Саньмынься.

У берегов Китая много удобных мест для таких станций. Чем выше высота прилива, тем мощнее будет станция. В провинциях Фуцзянь и Чжэцзян вода во время прилива поднимается выше десяти метров.

Приливные электростанции удобнее всего строить в заливах. Отгородить залив от моря дамбами, оставив в них отверстия, и установить в них турбины.

Когда начинается прилив, морская вода с силой устремляется в отверстия и вращает лопасти турбин. Во время отлива вода уходит в море и вращает турбины в обратную сторону. Станция действует непрерывно.

В прошлом году в Китае уже построено несколько сотен небольших приливных гидроэлектростанций. Так человек заставил служить силу притяжения Луны, вызывающую приливы.



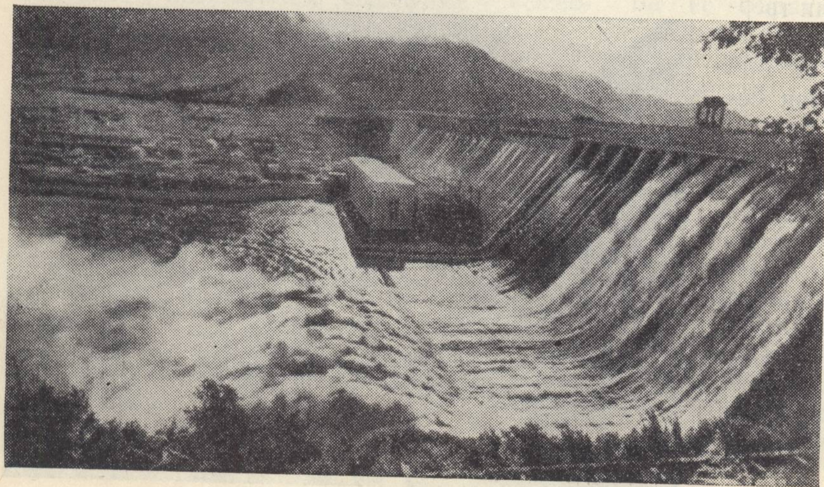
«СКОЛЬКО У ЛЮДЕЙ СМЕЛОСТИ, СТОЛЬКО У ЗЕМЛИ ЩЕДРОСТИ»

Пустыня — это бесплодная земля. Огромные песчаные пустыни распростерлись на северо-востоке Китая. Самая большая из них — Такла-Макан. Это название означает: «Войдешь — не выйдешь».

По краям пустыни громоздятся покрытые вечными снегами и ледниками горы Куньлунь, Тянь-Шань и Цилянь-Шань.

Ученые народного Китая не побоялись углубиться в самое сердце пустыни. Ни страшная жара, ни песчаные бури, ни ночные заморозки не остановили их. Смело вошли люди в пустыню и вышли из нее победителями.

В горах исследователи открыли полезные иско-



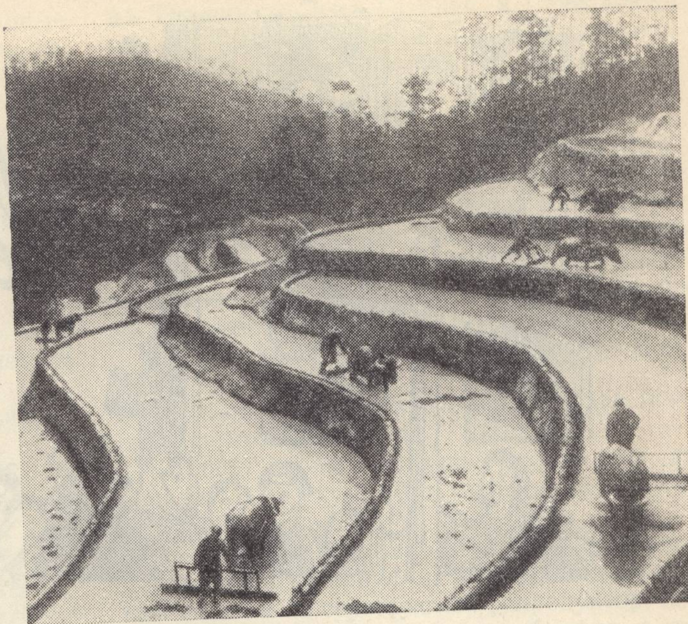
Сейчас Фынманьская ГЭС самая большая в стране, но уже строятся другие, еще более мощные электростанции.

паемые, в пустынях под толстым слоем песка нашли нефть.

Пустыня не стоит на месте. Она наступает на плодородные земли. Великая китайская стена была построена в древности для защиты от врагов. В наши дни этой стене приходится выдерживать штурм наступающих песков.

И вот в провинции Ганьсу вдоль Великой китайской стены выросла зеленая стена из молодых деревцев, длина ее — около пяти тысяч километров, ширина — полтора километра. Молодые саженцы, хрупкие и нежные на вид, обладают большой силой. Скоро они подрастут, и их корни скрепят песчинки, а листва остановит сухие ветры пустыни.

В той же провинции Ганьсу, в Миньшаньских горах, началось строительство большого оросительного канала. Самое интересное, что трасса канала пройдет не по ровной долине, а прорежет крутые горы. Он будет в восемь с половиной раз длиннее знаменитого Суэцкого канала.



Китайские крестьяне — искусные земледельцы, они превратили горные склоны в заливные поля риса.

Но и этот гигантский канал не сможет возродить весь северо-запад Китая. И тут снова на помощь человеку пришла наука.

В Советском Союзе и Китае проведены первые опыты растопления ледников.

Ледники — богатейшие кладовые влаги. Но они отдают только сороковую часть ее, и тают они не весной, когда растения идут в рост, а осенью. Как же заставить таять ледники и тогда, когда это нужно человеку?

Над горами Цилянь-Шаня летают самолеты. За ними тянутся длинные хвосты дыма. Черные крупинки сажи, золы и угольной пыли ложатся на ослепительно белые ледники. Покрытые черным покрывалом ледники поглощают больше солнечных лучей и тают быстрее.

Водой, отнятой у ледников, будет орошено двести тысяч гектаров земли.

Китайские ученые ищут воду и под землей. В провинции Цзянсу они открыли «подземное море». Дождевая вода проникала сквозь рыхлые слои в глубь земли, пока ее не задерживали непроницаемые для воды породы. Они-то и стали дном «подземного моря». Веками скапливалась здесь вода, и ее запасы неисчерпаемы.

Есть и еще один смелый проект орошения засушливых северо-западных провинций Китая. Китайские инженеры предложили взять часть воды из полноводных рек Янцзы и Хуанхэ и направить ее на северо-запад.

Китайский народ задумывает и вершит такие смелые дела, перед которыми бледнеют подвиги Великого Юя. И нет сомнения, он осуществит свои грандиозные планы. Реки, горы и пустыни покорятся человеку, и земля станет такой щедрой, какой она не была никогда.

Недаром китайская пословица говорит: «Сколько у людей смелости, столько у земли щедрости».



Говорит седьмой этаж

Анатолий АЛЕКСИН

(Окончание)

Рисунки Б. Винокурова.

ЭХ ТЫ, ВОСПИТАТЕЛЬ!

В двадцать часов ноль-ноль минут в репродукторе что-то зашуршало, задвигалось, зашелестело. Жильцы дома ожидали услышать голос, который обычно начинал радиопередачи: «Внимание! Внимание! Говорит седьмой этаж!..» Но вместо этого они услышали целых два голоса, которые спорили друг с другом.

— Ты этого не сделаешь! — говорила Тихая Таня.

— Что хочу, то и сделаю: я главный! — шепотом возражал ей Ленька.

— Нет, не сделаешь! Я выключу микрофон!

— Только попробуй!

Таня, как видно, «попробовала», и репродуктор замолчал. Потом он вновь ожил, и чей-то третий голос сообщил:

— По техническим причинам передачи начнутся через полчаса. Извините, пожалуйста!..

Полчаса ссорились на «седьмом этаже» Таня и Ленька.

— С пьянством надо бороться! — упрямо твердил Ленька.

— Правильно, надо. Но он не пьяница,— спокойно отвечала Таня.

Она положила микрофон на деревянный стол, села на него и даже близко не подпускала Леньку.

— Ты пойми,— начал втолковывать Ленька.— Он уже два раза приходил домой выпивши. Владик видел...

— Видел! Видел! Своими собственными глазами!

— Ну вот... Значит, он уже начинает регулярно выпивать, и мы должны это пресечь в самом начале. Тем более, что Фима переживает. Ревел даже...

— Плакал,— тихо и твердо поправила Таня.

— Ну, плакал... А отец его очень стесняется, когда видят, что он выпивши...

— Еще как стесняется! Я сам видел. Своими собственными глазами! — затараторил Владик.— Даже прячется в чужие подъезды. И весь красный какой-то...

— Ну, вот видишь! — Ленька заходил по радиостудии.— Значит, у него есть совесть. И если мы его вовремя продернем, он все поймет и исправится. Я такой фельетончик сочиню, что умереть можно!

— Вот сам и умирай!..

— Да ты поверь мне,— продолжал втолковывать Ленька.— Я же лучше тебя понимаю. Кто Жери-внучку перевоспитал? Я! У меня есть опыт! И вообще я самый главный! И приказываю включить микрофон!..

— А я не включу.

И не включила!

Это случилось дней пять тому назад. Ленька затаил обиду.

— Ну, ладно,— заявил он Тихой Тане.— Если еще хоть раз увижу его пьяным, запрусь один в студии и так его пропесочу! Ты уж мне не помешаешь! Защитница нашлась! С пьянством бороться надо!.. А ты, Владик, следи!

Владик стал следить. И выследил. Ровно через пять дней, вечером, он, запыхавшись, ворвался в девятую квартиру. Ни с кем не поздоровавшись, он сразу пробежал в Ленькину комнату.

— Мои беседы о хороших манерах пока еще подействовали не на всех,— заметила ему вслед Калерия Гавриловна.

Но Владику было не до хороших манер.

— Видел! Сам видел!..

— Кого? — всполошился Ленька.

— Фимкиного отца, вот кого!.. В винный магазин зашел. Там на разлив дают... Сейчас он выпьет, это уж факт. И украдкой, чтобы никто не заметил, домой прокрадется.

— Ах, так?! Опять, значит, за свое?! — с пафосом произнес Ленька.— Ну, нет! Уж на этот раз он не прокрадется!

— Давай побежим на чердак, раньше времени включим, пока Танька не пришла, и фельетончик твой прочитаем,— захлебываясь от предчувствия скандальной истории, предложил Владик.

— Нет у меня фельетона,— горестно вздохнул Ленька.— Таня вытащила из кармана и разорвала... Нет, у меня... у меня...— Ленька торжествующе забегал по комнате.— У меня есть другой план. У-ух, какой! Он, значит, людей стесняется, когда выпьет, да? Стесняется?..

— Ну да! Еще как стесняется! — поспешил заверить Владик.— Одного жильца увидит возле подъезда — и сразу прячется.

— Ну, уж сегодня он у нас не спрячется!

Вскоре на полчаса раньше обычного заработал серебристый, похожий на колокол репродуктор.

— Внимание! Внимание! — провозгласил на весь двор торжествующий Ленькин голос.— Внимание! Всех жильцов дома просим немедленно выйти к своим подъездам. Повторяем!.. Всех жильцов дома просим немедленно выйти во двор, к своим подъездам!..

Еще через пять минут во дворе дома номер девять дробь три образовалась толпа. Многие жители, послушавшись Леньку, вышли к своим подъездам. Они с недоумением переглядывались и спрашивали друг у друга:

— В чем дело? Что случилось? Зачем надо было выходить?..

На «седьмой этаж» не прибежали, а буквально взлетели Олег, и Тихая Таня, и Фима Трошин, и Лева Груздев, и Сеня Блошкин, и Танина подруга Люба Казакина... С теми же вопросами они набросились на Леньку и Владика:

— Что случилось? В чем дело?..

Ленька потирал руки от удовольствия:

— О тебе, Фимочка, беспокоимся! Папаша твой опять в угловой винный магазин заглянул. Вот он сейчас сквозь строй соседей пройдет и под влиянием общественного возмущения сразу перевоспитается! Больше тебе плакать не придется! Поверь мне!

— Здорово придумано! — поддакнул Владик.

Фима побледнел и, ни слова не сказав, бросился вниз по лестнице.

«Только бы не опоздать! Только бы не опоздать!..» — думал он, судорожно прижимая руку к груди.

Фима выбежал во двор, с какой-то затаенной досадой взглянул он на старый деревянный столб и на серебристый репродуктор, поблескивавший как ни в чем не бывало в лучах вечернего майского солнца.

И жильцы тоже смотрели на репродуктор. Но не со злостью, а с ожиданием и удивлением: зачем он вызвал их всех во двор? Что такое стряслось?..

Очутившись на улице, Фима, не глядя по сторонам и не обращая внимания на свист милиционера, перебежал дорогу в неположенном месте и направился прямо к угловому винному магазину.

Он столкнулся с отцом в дверях. В руках у отца был пакет с яблоками и бутылка с минеральной водой.

— Папа?.. Ты?! Ты? — Фима пристально взглянул в лицо отцу.

— Конечно, я,— мягким Фиминым голосом ответил отец. И наклонил к сыну свое бледное, утомленное лицо.— Что с тобой?..

Слеза катилась по Фиминой щеке.

— А они подумали, что ты опять... И я тоже поверил...

Отец выпрямился и пристально посмотрел куда-то вдаль, через улицу, через бульвар.

— Этого больше никогда не будет, сынок. Никогда... Ты слышишь?..

* * *

— Внимание! Внимание! Говорит седьмой этаж! Всех жильцов дома номер девять дробь три просим снова подняться в свои квартиры. Мы просто решили устроить физкультминутку: небольшую пробежку по лестнице во двор. Мы хотели, чтобы вы после рабочего дня подышали немного свежим воздухом. Физкультминутка окончена!..

Сеня Блошкин выключил микрофон. И все сразу, будто по команде, набросились на Леньку:

— Как ты посмел? Что сейчас говорят жильцы?! — кричал вспыльчивый Сеня Блошкин.— И меня таким дураком выставили: «Устроили физкультминутку!» Взрослых людей по лестнице гонял! Просто хулиганство!

— Он же у нас «самый главный», он все может,— вставила Таня.

— А мы вот сейчас освободим его от этой должности! — предложил Лева Груздев.— Переведем на другую работу, с понижением!

— Правильно! Верно!.. Надо его наказать! — зашумели со всех сторон.— А то привык командовать!

— Кем же мы его назначим? — с сожалением глядя на Леньку, проговорила жалостливая Люба Казакина.

Тихая Таня преспокойно уселась на деревянный стол и сказала:

— Он любит командовать? Вот и пусть отвечает за уроки гимнастики: «Раз, два, встали! Раз, два, сели! Раз, два, пошли...» И опыт у него уже есть: устроил сегодня «физкультминутку»!

Всем понравилось Танино предложение, и его утвердили почти единогласно. Один только Владик воздержался.

— А кто же у нас теперь будет «самым главным»? — робко спросил он.

— А зачем нам «самый главный»? — пожал плечами Олег.— Не нужно больше! Хватит. Все будем сообща работать. Так лучше. Ведь правда?..— Он подошел к Леньке, взглянул на его печальную физиономию и положил руку на его худое, острое плечо:

— Эх ты, воспитатель!..

«ЧТО СЛОМАЛОСЬ. ВСЕ ПОЧИНИМ!»

Тихая Таня не спеша, задумчиво перебирала учебники. Одни она оставляла на столе, другие опускала в портфель. Были последние дни занятий, и Таня уже думала о предстоящем лете. Уезжать из города ей на этот раз не хотелось. «Как же я уеду? — рассуждала Таня.— А наше радио? Все уже привыкли к передачам. И я сама привыкла! И потом новая мастерская. Только что открылась, столько бегали, старались, ссорились — и вдруг сразу уезжать!»

В эту минуту раздался звонок. «Кто бы это мог быть? — удивилась Таня.— Газеты всегда в ящик опускают. Или телеграмма?»

Кто-то из соседей открыл дверь, и Таня услышала Ленькин голос:

— Таня дома?

А в следующую минуту Ленька, взволнованный и красный, появился в дверях.

— Слушай, Таня, ты завиваешься? — выпалил он прямо с порога.

— Ты что, ошалел, что ли?

— А мама твоя завивается?

— При чем тут моя мама? Говори, в чем дело?

— В щипцах! Понимаешь?

— Нет...

— В общем, такое дело получилось: Калерия Гавриловна сдала нам в мастерскую свои щипцы для завивки волос. Это я ее уговорил. Неужели, говорю, у вас ничего не сломалось за последнее время? У всех жильцов, говорю, уже давно что-нибудь поломалось, а у вас еще нет. Что же вы так отстаете? Нельзя же было сознаться, что к нам еще почти никто ничего чинить не приносил. Ну, через день она прибегает со щипцами: вот, говорит, у меня тоже!.. Сможете починить? Сможем, говорю! И стал вчера чинить. А они совсем того... поломались. Прямо напополам!

— В общем, что сломалось, доломаем! Так, да, получается? — усмехнулась Тихая Таня.

— Что же теперь делать?! — жалобным голосом воскликнул Ленька.— Так ей отдавать нельзя: на весь дом разнесет, что мы не чиним, а ломаем. А если бы у тебя были такие же щипцы, я бы ей отдал взамен тех. Понимаешь? Я уж всех девчонок в доме обегал. К тебе последней пришел!

Таня подумала немного, пожала плечами:

— У нас в квартире никто не завивается. А в других... Постой, постой! Так ведь напротив нас парикмахерша живет! Тетя Дуся! У нее, наверное, есть!..

Захватив портфель с книжками, Таня вышла на площадку парадной лестницы и позвонила в соседнюю квартиру.

— Сколько раз говорила: картошка нам не нужна! И не звоните по утрам!..— послышался из-за двери сердитый голос.

Дверь открылась. Вид у парикмахерши был заспанный. Она была в халате, а волосы ее были, казалось, усыпаны крупным снегом: она накручивала их на белые бумажки. Наблюдательный Ленька сразу скис:

— Вот ви-идишь... Значит, щипцов у нее нет!

— Каких щипцов? — услышав Ленькин вздох, живо спросила парикмахерша.

— Щипцов для завивки,— пояснила Таня.— Нам очень нужно. Только насовсем.

— Никак ты, Танюша, завиваться собралась? Щипцами вредно: волос пережигается. Это уж ты поверь нам, парикмахерам. И вообще рано тебе, Танюша, завиваться. Ты косички свои береги. Косы — это молодость!

Тетя Дуся не просто стригла и завивала, она любила и пофилософствовать.

— Слушай меня, Танечка. Я ведь добра тебе желаю: завивка после тридцати лет хороша. И то, если ее делать при помощи новейшей техники, какая вот, к примеру, в нашем салоне имеется. А щипцы — это каменный век. Они у меня в старом ящике на кухне валяются. Я ими разные дырки провертываю...

— У вас? Валяются?! Покажите нам! — радостно воскликнул Ленька.

Минут через десять он уже влетел в свою девятую квартиру и сразу, даже забыв постучать, ворвался в комнату Калерии Гавриловны.

— Все! Починили! Получите, пожалуйста!..

— Не мешало бы все-таки постучать в дверь. Да, мои беседы о хороших манерах пока еще не дали вполне положительных результатов.

Жери-внучка внимательно оглядела щипцы, пощелкала ими, слегка погладила:

— Они стали какие-то совсем новые... И блеск какой-то появился!

— Так это у нас такое... такое... качество ремонта, вот! — нашелся Ленька.— Наждаком почистили — появился блеск! Ничего удивительного!

— И сколько я за это должна?

— Ничего!

— Как? Бесплатно?

Щипцы сразу понравились Калерии Гавриловне еще больше:

— Какая прелесть! Совсем новые!.. Словно родились заново! Чудо, просто чудо!

И она побежала к телефону, чтобы поделиться своей радостью с приятельницей.

— Чего уж тут! Какие были, такие и есть. Ничего особенного,— скромно сказал Ленька.— Я пошел. А то в школу опоздаю.

Он и в самом деле опаздывал.

Через минуту, сбегая по лестнице, Ленька думал: «Ну, теперь уж на весь дом раструбит: из починки возвращают новые вещи! Заново рождают!..»

Днем во дворе появился высокий молодой человек в очках.

Увидев бывший дровяной сарай, над которым красовалась «художественно оформленная» Олегом вывеска: «Что сломалось, все починим!»,— молодой человек так обрадовался, словно увидел издали старого знакомого, которого как раз и искал.

— Ага! Вот она, эта самая мастерская! — воскликнул он и что-то записал в блокнот.

Потом он обошел сарай со всех сторон, молча посетовал на то, что доски в одном месте были раздвинуты и в стене образовалась солидная щель (отсюда и через дыру в крыше изучали содержимое сарая специальные корреспонденты в те дни, когда сарай еще был оккупирован Калерией Гавриловной Клепальской).

Затем молодой человек вошел в мастерскую и увидел там самого Олега, который возился с большим болтом и гайкой: видно, на болте сбилась резьба, и гайка никак не хотела доходить до металлической шляпки.

Молодой человек с интересом осмотрел мастерскую и вдруг спросил у Олега:

— Это ваш станок для переплетения книг? Сами сделали, да?

— Сами. А что?

— Да так... Ничего. Видно, все-таки ваш «великий книгообмен» поистрепал обложки и корешки, да?

Олег подозрительно взглянул на незнакомца: откуда он знает про «великий книгообмен»? Но, заметив комсомольский значок на груди у молодого человека, Олег успокоился и, продолжая возиться с упрямой гайкой, сообщил:

— Мы вообще решили все старые книжки отремонтировать. Вот и построили станок...

— Как же вы его построили?

— А очень просто. Видите: две доски и болты с гайками...

Молодой человек склонился над своим блокнотом. Потом обвел глазами мастерскую и спросил:

— А где же ваш станок для сшивания книг?

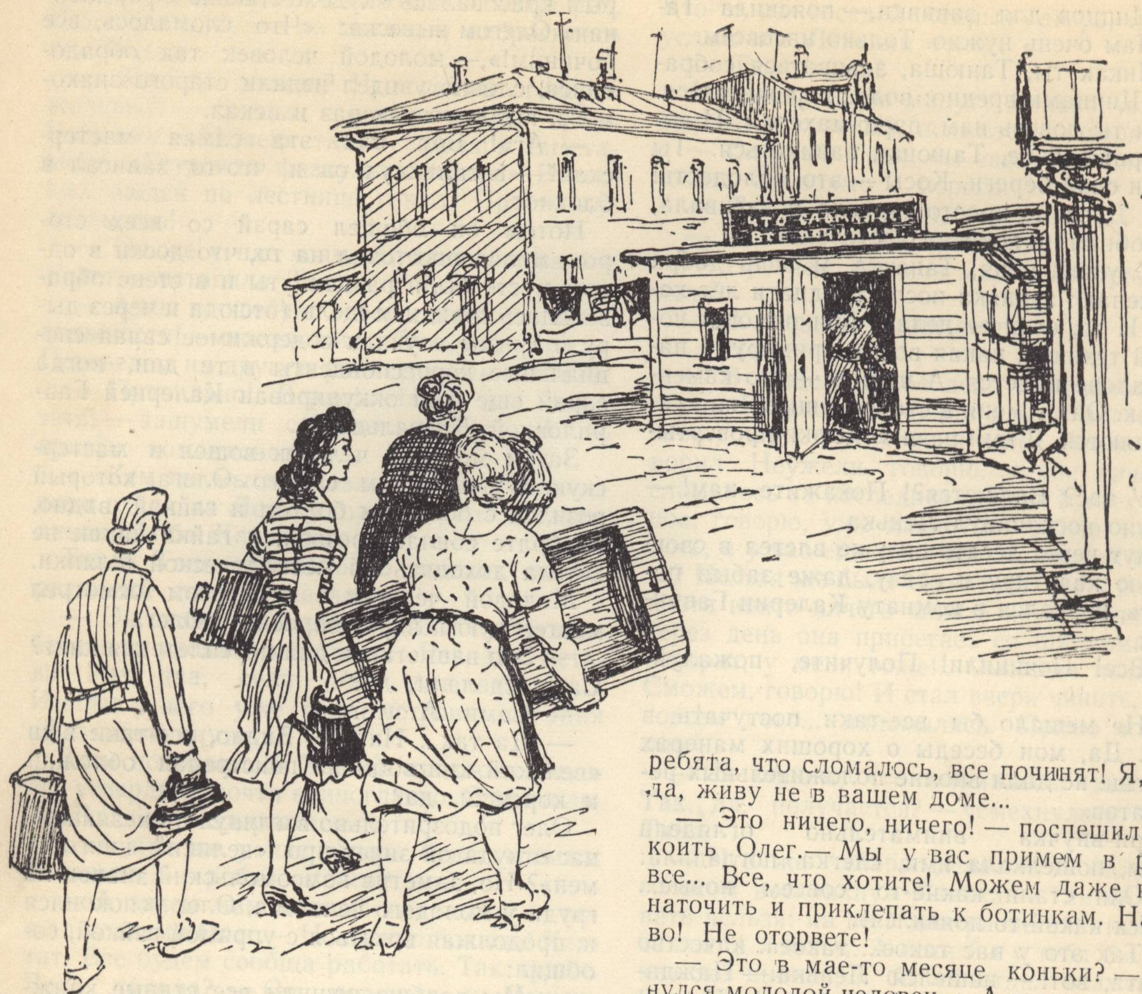
— Вон там, в углу,— ответил Олег и вновь удивленно взглянул на незнакомца: откуда ему все известно?

А молодой человек продолжал интересоваться:

— Тоже сами сделали? Или кто-нибудь помогал?

— Сами. Это же очень просто: взяли широкую доску, на ней укрепили деревянную рамку, натянули шпагат... Чего ж тут особенного?

— Особенного, конечно, ничего нет,— ска-



зал молодой человек, записывая что-то в блокнот.— Значит, боретесь за долголетие книг? Хорошее дело! Я вам несколько своих книжек принесу. Подлечите их?

— Подлечим! Подлечим! — обрадовался Олег.— У нас пока еще мало заказов.

— Это почему же?

— Не доверяют нам. Боятся...

— А я вот рискну! Принесу вам разные древние издания, которые у букинистов приобрел. Редкие книги! А вы уж их омолодите, пожалуйста!

Олег сразу проникся симпатией к незнакомому молодому человеку.

— А может, у вас что-нибудь сломалось: чайник прохудился или там электрический утюг перегорел?.. Приносите, пожалуйста! А то наши домохозяйки...

— И тут вам не доверяют, да? Не завоевали еще, стало быть, авторитета. Ну, ничего! Постараюсь вам помочь. Всех своих соседок опрошу. Так им прямо и скажу: есть такие ребята, что сломалось, все починят! Я, правда, живу не в вашем доме...

— Это ничего, ничего! — поспешил успокоить Олег.— Мы у вас примем в ремонт все... Все, что хотите! Можем даже коньки наточить и приклепать к ботинкам. Намертво! Не оторвете!

Это в мае-то месяце коньки? — улыбнулся молодой человек.— А станок для коньков тоже сами соорудили?

— Вот видите: закрепляем и точим напильником.

— Вижу. А это что, токарный станок? По дереву, да?..

Олег с уважением взглянул на незнакомца: разбирается! Олег ценил людей, понимающих в технике.

— Да, это наш токарный станок.— И, предвидя вопрос незнакомца, тут же добавил: — Сами сделали. На нем можно шашки выточить или шахматы. Ручки для лопат и для флажков. Игрушки разные...

— Игрушки?! — Молодой человек так обрадовался, словно сам еще находился в дошкольном возрасте.— Игрушки — это очень хорошо. Недалеко от вас открывается скоро новый детский сад. При трикотажной фабрике... Вот вы и возьмите шефство над малышами.

— А что же? Можно...— согласился Олег.

— Так и запишем! — Молодой человек

вновь склонился над своим блокнотом. А потом спросил: — И кто же все это придумал? — Он обвел рукой мастерскую.

— Да как вам сказать? Все придумали!

— Все сразу? Так не бывает. Кому-то все-таки принадлежит идея? И есть у вас какой-то, так сказать, технический руководитель? Наверняка есть! И как все это вообще зародилось? Расскажи-ка мне поподробнее.

«Вот бы пришел сейчас Ленька! Он бы уж все расписал, как надо!» — подумал про себя Олег.

И Ленька сразу, словно угадав на расстоянии мысли Олега, появился в дверях. Вслед за ним пришли и Фима, и Лева Груздев, и Тихая Таня. Приближался час открытия мастерской. На табличке, прибитой к дверям, было написано: «Прием заказов с 14 часов 30 минут до 7 часов вечера».

— Вот он вам все и объяснит! Лучше всех расскажет! — Олег кивнул в сторону Леньки.

Молодой человек подошел к Леньке и поздоровался:

— Так ты, значит, руководил созданием этого... ну, как бы получше назвать... самодеятельного комбината бытового обслуживания?

Тихая Таня насмешливо, исподлобья наблюдала за Ленькой; вот сейчас он выпалит: «Я! Под моим руководством!»

Но Ленька подумал немного, почесал затылок и громко, на всю мастерскую произнес:

— Никто не руководил! Все вместе работали! А умеет больше всех нас вот тот... белоголовый... Олег Брянцев!

— Я так почему-то и подумал,— улыбнулся молодой человек.

— А вы, собственно говоря, кто будете? — поинтересовался Ленька.— Корреспондент?

— Нет, почему же корреспондент? Я из райкома комсомола.

— Из райкома?!

В один миг ребята обступили молодого человека.

— Да, из райкома. И пришел я к вам не просто из любопытства, а по важному делу. Хотим мы создать у вас во дворе пионерский отряд. Отряд дома номер девять дробь три! Как вы на это посмотрите?

— А зачем это нужно? — развел руками Ленька.— У нас ведь есть БОДОПИШ! Боевой...

— ...домовой пионерский штаб! — перебил его молодой человек.

— Откуда вы знаете? — поразился Ленька.

— Он все откуда-то знает,— тихо шепнул ему Олег. И громко вслух заявил: — В БОДОПИШ несколько человек входит, а в отряде будут все ребята! Все пионеры нашего двора!

— Это будет хорошо...— тихо поддержал Фима Трошин.

И Таня тоже присоединилась:

— В пионерском отряде все будут работать, а в БОДОПИШе один Ленька распоряжается...

— Значит, согласны? Так и запишем! — Молодой человек склонился над блокнотом.— А мы уж и вожатого хорошего вам подобрали. Прямо с производства. Да вы его знаете лучше меня...

— Мы знаем?..— удивился Ленька.

— Еще как знаете! Он же во всех ваших делах участвует. И нам про вас много хорошего рассказывает.

— Вася Кругляшкин! — громко воскликнула Тихая Таня.

— Он самый! Хороший вожатый?

— Еще бы! — сразу поддержал Ленька.— Конечно, хороший, он же в нашей квартире живет!

В это время в мастерскую влетел Владик.

— Идут! Идут по двору домохозяйки! С чайниками, кастрюлями, плитками... А одна даже старое корыто тащит. Сам видел, своими собственными глазами!..

— Почему? Что это они?..— удивилась Таня.— То не ходили, не ходили, а то вдруг...

— Это Калерия Гавриловна! — торжественно провозгласил Ленька.— Новые щипцы сработали! Я же говорил!..

И СНОВА... ГОВОРИТ СЕДЬМОЙ ЭТАЖ!

— Ребята! Ребята! Послушайте!..— кричал Ленька, размахивая белым листом, по которому бежали убористые чернильные строчки.— Вот послушайте, какое мы получили письмо из квартиры номер сорок. Подпись не очень разборчива... Но это пишет какая-то женщина преклонного возраста.

— Откуда ты знаешь? — как всегда что-то мастеря, спросил Олег.

На этот раз он, вооружившись малярной кистью и по локоть засучив рукава, красил деревянный стол-верстак.

— Откуда я знаю, что она старая? — переспросил Ленька.— Очень просто! Из самой первой строчки: «В этом доме я живу уже

сорок пять лет...» Молодая женщина не может столько жить! Слушайте! Слушайте дальше: «Сперва я снимала каморку без окон у мадам Жери-старшей. Потом в этой каморке кладовку устроили...

Пришла революция, и мне дали большую, светлую комнату. Мне еще много чего дали: и образование и работу... Да все разве перечислишь?! Мне всегда хотелось, чтобы дом наш перекрасили в другой цвет...»

— Это можно! — проговорил Олег, помахав в воздухе малярной кистью.

— Нет, слушайте дальше! — призывал Ленька.— Значит, так... «Мне всегда хотелось, чтобы дом наш перекрасили в другой цвет. Ведь внутри, думала я, все изменилось, совсем другая жизнь пошла, а снаружи дом все такой же серый и мрачный.

Мадам Жери удрала за границу. Но мне казалось, что в некоторых квартирах зловредная старуха нарочно оставила после себя разные отвратительные микробы: сплетни, склоки, лень, грубость... Правда, с каждым годом этих микробов становилось все меньше и меньше, но кое-где они еще копошились.

И вдруг в нашем дворе зазвучал новый голос, молодой, задорный: «Внимание! Внимание! Говорит седьмой этаж!»

«Седьмой этаж» очень быстро проник на все этажи. Заглянул во все квартиры. Он стал уничтожать вредных микробов, пригвождать их к столбу — к тому самому, что стоит у нас во дворе и на котором висит репродуктор. Появились юные спецкоры, которые стали проводить в квартирах очень полезную дезинфекцию. Сперва люди, зараженные микробами мадам Жери, просто стали бояться сплетничать, ссориться, грубить... А потом и они почувствовали, что без всего этого стало гораздо лучше, гораздо радостней и спокойней жить в наших квартирах.

Но молодой голос с «седьмого этажа» не только боролся со старым, но все время предлагал что-то новое — интересное и доброе.

И знаете что? Мне стало казаться, что вдруг изменился внешний вид нашего дома. Его не перекрасили, потому что гранитные глыбы красить нельзя. Но по вечерам во всех окнах стали появляться лица жильцов — приветливые, веселые. Все смотрят вниз и ждут, что расскажет сегодня молодой и задорный голос! И вот на днях этот голос стал читать отрывки из дневника бывшей домовладелицы мадам Жери-старшей. Хорошо это было придумано на «седьмом этаже»: пусть все (особенно молодые жильцы) послушают, как жили люди в нашем доме раньше, до революции... Еще больше станут ценить наш сегодняшний день!»

Ленька кончил читать письмо из сороковой квартиры. Он победно помахал им в воздухе:

— Сегодня же надо огласить его по радио! Пусть все узнают!..

— Что узнают? — перебил его Олег.— Как мы замечательно работаем? А у нас еще вовсе не все замечательно. И вообще это нехорошо как-то получится: вроде какую-то благодарность сами себе прочтем. Человеку нравится наша работа — это приятно, конечно. А читать зачем же?..

— Правильно,— поддержал его Фима.— Нескромно как-то получится...

— Ну, как хотите! — махнул рукой Ленька.— Мое дело — физкультминутки устраивать! Подумаешь тоже, нескромно! Не сами же мы это письмо сочинили!..

Тихая Таня в отличном настроении спрыгнула со стола, и вовремя: Олег со своей кистью и краской уже добирался до того места, где она сидела.

— Хватит спорить! Пора начинать передачу!..— громко воскликнула Тихая Таня.— Включаю микрофон...

И вновь ожил внизу, на столбе, серебристый репродуктор, похожий на колокол:

— Внимание! Внимание! Говорит седьмой этаж!..



ПОТАЙНОЕ МЕСТО

РАССКАЗ

И. ПРОКОФЬЕВ

Рисунки О. Траскиной.



Миша любил ходить в лес за грибами. Ему нравилось бегать между высокими стволами берез и отыскивать белые грибы с прокопченными на солнце большими шляпками, пробираться между колючими ветками молодых елочек и срезать крепко сидящие в траве рыжики или высматривать в редком мелколесье ярко-красные шапочки подосиновиков.

— Чур, мой! Чур, мо-ой! — звонко кричал Миша всякий раз, когда находил гриб. Стремглав бросался к нему и, ухватившись за толстый корень, торопливо оглядывал землю вокруг в надежде увидеть большую грибную семью.

— Мишка, не бегай! Смотри, какой гриб раздавил! — часто говорили ему ребята и показывали то смятый в лепешку белый, то сбитую шляпку черноголового подберезовика.

— Смотри под ноги, а то ты их больше портишь, чем собираешь!

На некоторое время советы товарищей помогали. Миша ходил не так быстро и внимательно смотрел перед собой и по сторонам, но как только замечал большой гриб, то опять опрометью бежал к нему с криком:

— Чур, мой! Чур, мо-ой!

Когда же возвращались домой и, поставив рядом корзинки, сравнивали, у кого больше грибов, то у Миши всегда почему-то оказывалось меньше всех.

— Ничего,— не сдавался Миша,— зато у меня самые крупные!

Но дома, угостив Мишу вкусным обедом и перебирая принесенные им грибы, бабушка всегда ворчала:

— И где тебя, Мишутка, угораздило этакий-то хлам насобирать! Опять одних черви-

вых принес. Надо будет поучить тебя, как хороший-то гриб брать. Вот ужо соберемся мы с тобой вдвоем в лес сходить, я тебе покажу, где он от людей хоронится.

Мише очень хотелось набрать когда-нибудь полную корзинку отборных грибов и удивить всех ребят, а особенно Петьку, умевшего делать все лучше других, и он с нетерпением ожидал, когда бабушка поведет его с собой на заветное место. Наконец такой день настал. С вечера у бабушки не ломило ноги, а это означало, что завтра будет хорошая погода.

— Ну, Мишутка,— сказала она,— поутру мы с тобой отправимся в лес. Ложись спать да высыпайся получше, чтобы глаза острее были. Тогда от тебя ни один гриб не спрячется.

— А Петьку возьмем с собой?

— Зачем нам Петька? Ты помни старую пословицу: «Ешь пироги с грибами, а язык держи за зубами». Хороший гриб в потайном месте растет, а то место только одному человеку открывается. Гриб не любит, когда его ватагой ищут. Так-то вот. Спи!

Миша долго ворочался с боку на бок, а когда уснул, то ему все виделись страшные, глухие чащобы с выглядывавшими из-под мха большими белыми грибами. Грибы смешно шевелили шляпками и громко шептали: «А нас здесь нет... А нас здесь нет...»

Еще только светало, когда Миша с бабушкой пришли в лес. Бабушка шла по тропинке все дальше от тех мест, где Миша собирал грибы с ребятами, и он уже подумал, что она заблудилась.

— Бабушка, куда же мы идем? Вот ведь он, лес-то!

Бабушка неодобрительно посмотрела на него и тихо проговорила:

— А ты не кричи. К грибу надо подходить тихо, чтобы никто чужой не услыхал, а то обгонят тебя, да все и соберут...

— Ты говорила, что потайное место одному человеку открывается, а нас ведь двое с тобой?

— Ну что ж, что двое? Мы из одной семьи. Ты помолчи. Скоро придем.

Мише нравилось все таинственное. Вот и сейчас ему казалось, что бабушка, как добрая волшебница, хочет открыть ему несметные грибные россыпи, которые даются в руки только посвященным в лесные тайны.

— Бабушка, а если мы потом придем сюда с Петькой, грибы уже не скроются от нас?

— Что тебе дался этот Петька? Ты сюда никого не смей водить! Это место никто не знает, оно так наше и будет. Мне его еще моя бабушка показывала. А уж сам ты отсюда никогда без белых грибов возвращаться не будешь. Вот увидишь, сколько их здесь...

Уже совсем рассвело, когда они, перейдя через глубокий овраг и миновав большое мшистое болото, поросшее мелким березником, остановились около опушки леса. Бабушка сказала:

— Вот мы и пришли!

Миша оглянулся и, не увидав ни одного гриба, разочарованно проговорил:

— А где же грибы?

— А вот сейчас посмотрим, счастливый ли ты. Говорят, что без счастья и в лес по грибы не ходят.

Миша стал с интересом наблюдать за бабушкой. Вместо того, чтобы ходить от дерева к дереву, она медленно прошла несколько шагов по опушке, всматриваясь в густую траву, остановилась, опустилась на колени и поманила Мишу пальцем:

— Иди-ка посмотри, что это такое.

Миша подбежал и даже ойкнул от неожиданности: кругом из травы выглядывали темные шляпки коренастых белых грибов. Миша поспешно стал срывать их один за другим.

— Тише, Мишенька, тише, не торопись, а то потопчешь. Раз гриб тебе открылся, он от тебя никуда не уйдет.

Более двух десятков хороших грибов собрали они на этом месте, а невдалеке, в густо разросшихся мелких елочках, нашли еще столько же. У Миши глаза так и сверкали от счастья.

— Бабушка, и по всему лесу их столько?

— Дальше, в гущине, там другие грибы растут, сортом поплоше, а белый гриб—солнечный, он больше на опушках да на лужайках водится. Вон, видишь, на полянке черничник на моховой подстилке растет? Поищи-ка там!

Миша осторожно вошел в черничник и чуть-чуть не наступил на огромный белый гриб. Он был старый, и его огромная шляпка еле держалась. Казалось, корень вот-вот проткнет ее, и она упадет на землю, прикрыв собою небольшой грибок с маленькой, как ноготок, шляпкой, смешно сидящей на толстом корешке-кубышке. А дальше по всему черничнику виднелись грибы, и большие, и средние, и совсем крошечные!

— Ой, сколько их здесь! А я и не знал, что они в таких местах растут!

— Вот и помалкивай, все твои будут!

— Я, бабушка, никому не скажу об этом потайном месте. Буду один сюда ходить. Все ребята теперь будут мне завидовать. И Петька тоже. А то он все хвалится: ты, говорит, никогда больше меня не наберешь, а если и наберешь, то червивых, бабка все равно их выбросит. Пусть теперь посмотрит!

Но посмотреть было не так-то просто. Когда корзинки были наполнены, бабушка густо прикрыла их сверху ветками орешника. Миша раньше никогда не делал этого, но он сразу разгадал бабушкину хитрость.

— Если спросят, скажем, опенки, а то прибегут и оберут наше место. Правда, бабушка?



— Правда, Мишенька, правда. У людей глаза завистливые, оставят нас с одними мухоморами. Храни это место, оно теперь твое, внучек!

Весь день Миша ходил с таким видом, будто ему доверена важная-преважная тайна и только от него теперь зависело, будут ли счастливыми мальчишки их деревни, да и вообще мальчишки нашей планеты.

На следующий день Миша поднялся раноранехонько, когда его товарищи еще спали, и убежал по грибы один. В лесу было страшновато: в еловой гущине, у оврага, как рассказывали ребята, могли скрываться волки, но Миша, пугливо озираясь, добежал коекак до заветной опушки, нашел свежее место и стал быстро наполнять корзинку белыми грибами. Но, странное дело, сегодня ему было как-то неинтересно собирать их. То ли потому, что грибов было много и их не надо было долго искать, то ли оттого, что некому было показать редкие находки, особенно когда грибы срастались по трое и четверо в одну семью, но Миша, доверху наполнив корзину, не испытывал никакой радости. Сегодня и бабушка уже не представлялась ему доброй волшебницей, а скорее походила на бабу-ягу, загнавшую его одного в лес и заставившую заготовлять себе грибы на зиму. А когда Миша подошел к деревне и встретил ребят, шедших на реку с удочками, то совсем растерялся и не знал, что им сказать.

Ребятишки окружили его и, увидав наполненную грибами корзину, подняли его на смех.

— Травы вниз наклал, ай да грибник!

— Ну-ка, высыпай! Не хочешь? Значит, трава и есть. Эх ты!

Мише почему-то стало стыдно, и он даже не смог похвалиться перед товарищами отборными грибами.

— Приходи на реку, червей я тебе дам! — крикнул Петька, и ребята наперегонки побежали по лугу.

Миша поспешил домой, оставил грибы

ласково встретившей его бабушке и, взяв удочку, побежал вслед за ребятами.

На речке, у своего излюбленного места над омутом, ребята встретили знакомого по школе парнишку из соседней деревни, Васю Воронина.

— Ну, как, Василек, клюет? — спросил Петька.

Вася не ответил. Стоя на берегу, он внимательно наблюдал за поплавком. Поднятая нога и прикушенный язык говорили о серьезности момента. Удилище в вытянутой руке тихонько вздрагивало. Ребята замерли в ожидании. Но вот поплавок нырнул глубоко в воду, Вася быстро подсек, и пойманная рыбина, не показываясь на поверхности, заходила на натянутой, как струна, леске. Это был крупный окунь. Когда Вася, умело управляя удилищем, приподнял его голову над водой, Петька, понимавший толк в рыбной ловле, даже подпрыгнул от неожиданности.

— Ого! Вот это да!

А когда Вася, придерживая ногой на песке бьющегося окуня, вытянул из воды кукан с пойманной рыбой, то все ребята ахнули: на кукане сидело штук десять больших окуней, каждый из которых заставил бы радостно биться сердце рыболова. Ребятам стало даже немножко завидно, что их товарищ, придя из соседней деревни, что называется, из-под носа у них натаскал таких красавцев.

— А на что ловишь? — спросил кто-то.

Вася, посадив окуня на кукан, ответил:

— Вот, смотрите! — И, достав из коробки червя, стал старательно насаживать его на крючок.

Ребята повеселели: черви у них тоже были припасены, и, может быть, даже получше, чем у Воронина. Петька первым пришел в себя и, расположившись неподалеку от Васи, стал разматывать свою удочку.

— Тише, не шумите! Мы сейчас и не таких навыхватываем!

Мальчишки занялись своими снастями, и вскоре их поплавки заспорили с рябью реки.

— А спуск у тебя большой? — обратился Миша к Васе.

— Тише ты! — прикрикнул на него Петька.— На вот возьми червей и помалкивай!

Миша притих и, как зачарованный, стал смотреть на поплавок. Ему казалось, что такие же крупные окуни, как у Васи, ходят стайкой вокруг его приманки и вот-вот, сию секунду самый большой из них жадно схватит червя и сразу утопит поплавок. Тогда только не зевай! Вероятно, все ребята переживали то же самое. Все они сидели, не шевелясь, и не спускали глаз с поплавков.



У Васи Воронина опять клюнуло. И опять крупный окунь резал леской толщу воды, пока не успокоился на кукане. И еще... и еще. А у ребят, как назло, ни одной поклевки.

— Вот чертова Ворона! — проворчал кто-то из мальчишек.—Подкормил он их, что ли?

Вася хитро улыбнулся и как-то загадочно ответил:

— Не подкормил, а раздразнил!

— Как это?

— Погоди, не видишь, опять клюет! — И Вася подсек очередного окуня.

Миша оставил свою удочку без присмотра и уселся за Васиной спиной на откосе. Подошел Петька и сел рядом. Вася покосился на них и, обращаясь к Мише, сказал:

— Хочешь, полови на моем месте!— И, сняв с крючка окуня, отложил удочку в сторону.

Миша быстро перебросил свою снасть на освобожденное место и, не помня себя от радости, уставился на поплавок. Не прошло и минуты, как поплавок слегка качнулся и стремительно скрылся под водой. На леске заходил кругами огромный окунище. Кукана у Миши припасено не было, и он, бросив свою добычу в траву, снова закинул удочку. Вот опять дрогнул поплавок, и опять его сильным рывком утянуло на дно. Второй Мишин трофей затрепыхался в траве рядом с первым.

— Дай я теперь половлю на твоем месте! — хриплым от волнения голосом попросил Васю Петька.

— Полови, только недолго, а то мне скоро надо уходить.

Петька дрожащей рукой забросил свою удочку на добычливое место и через некоторое время торжествующе снимал с крючка первого окуня.

— Кажется, побольше твоих будет! — скосил он глаза в сторону Васи и, готовясь к следующему забросу, спросил:

— А почему ты торопишь? Разве окуни с тобой уйдут?

— Может быть, и уйдут! — опять как-то загадочно ответил Вася и, обратившись к ребятам, столпившимся около него, предложил: — Ну, давайте ловите здесь каждый по одной рыбине, да я пойду!

Он стоял на берегу реки, вихрастый, курносый, с обгорелыми на солнце щеками, и совсем не был похож на сказочного деда, одаривающего ребят всеми благами жизни, но то, что он делал, походило на сказку. Через некоторое время у каждого из его товарищей были зажаты в руках внушительные окуни, и никто из них не мог понять: почему рыба брала только в одном месте?

— Там, наверное, окуневая яма! — высказал догадку один из ребят.

— Никакой ямы там нет,— вставил другой.— Бросил полбанки червей на подкормку — вот и все!

Мальчик из города, гостивший в деревне, рассудил иначе:



— Если на этом месте все лето рыбу прикармливать, то она привыкнет ходить сюда, как в столовую. Мы в пионерском лагере свою столовую в самую темную ночь могли отыскать.

— Нет, тут не то! — вмешался в разговор Петька.— Подкормленное место с собой не унесешь, а Васька что-то хитрит с нами. Ну, скажи, Вась, а?

Вася ничего не ответил, а, войдя в воду повыше колен, пошарил по дну рукой, достал конец бечевки и потянул за него. Ребята перестали дышать. Когда что-то темное приблизилось к берегу, все рассмотрели под пучком зацепившейся тины большую стеклянную банку. Горловина банки была затянута марлей, а в ней плавало с десяток мальков, сверкая на солнце серебристыми боками. Улыбаясь доброй улыбкой, Вася смотрел на товарищей.

— Я же вам сказал, что не подкармливаю окуней, а дразню. Крутятся они вокруг мальков, а взять не могут, ну, со злости и хватают любого червяка!

— Вот это да!

— Ай да Васька! Ну и хитрован!

— Здорово придумано, а мы-то рты разинули!

Миша тихо спросил:

— А тебе не жалко было нам показывать?

— Вот чудак! — засмеялся Вася.— Что ж мне жалеть, разве мало рыбы в реке? Хотите, я вам малька оставлю, он еще бойкий — половите!

Ребята выкопали в земле ямку, залили ее водой и выпустили в нее малька. Кто-то побежал домой за стеклянной банкой и бечевкой, кто-то помогал Васе достать из реки его улов, один только Миша сидел, задумавшись, и машинально придерживал рукой окуней, все еще шевелившихся в густой траве. Ему тяжело было поднять глаза на товарищей. Потом тихо окликнул Петьку, водившего своего окуня на кукане:

— Петя, а Петь! А травы-то у меня в корзинке не было. Одни грибы были.

— Врешь! — Петька недоверчиво покосился в его сторону.

— Честное слово!

— Где ж ты их набрал столько?

— Место знаю потайное... Пойдем завтра?

— Пошли! Эй, хлопцы! — закричал Петя во всю глотку.— За грибами завтра пойдете? Мишка потайное место знает!

Миша легко вздохнул и весело посмотрел на ребят, на Васю и на трепыхавшихся у него на кукане большущих окуней.



Г. СНЕГИРЕВ

Рисунки О. Зотова.

ЧУДЕСНАЯ ЛОДКА

Мне надоело жить в городе, и весной я уехал в деревню к знакомому рыбаку Михею. Михеев домик стоял на самом берегу речки Северки.

Чуть свет Михей уплывал на лодке рыбачить. В Северке водились огромные щуки. Всю рыбу они держали в страхе: попадались плотички прямо из щучьей пасти — на боках чешуя ободрана, как будто оцарапали гребенкой.

Каждый год Михей грозился поехать в город за щучьими блеснами, да никак не мог собраться.

Но однажды Михей вернулся с реки сердитый, без рыбы. Он молча затащил лодку в лопухи, велел мне не пускать соседских ребят и уехал в город за блеснами.

Я сел у окна и стал смотреть, как по лодке бегает трясогузка. Потом трясогузка улетела, и к лодке подошли соседские ребята: Витя и его сестра Таня. Витя осмотрел лодку и стал тащить ее к воде. Таня сосала палец и смотрела на Витю. Витя закричал на нее, и они вместе спихнули лодку в воду.

Я вышел из домика и сказал, что брать лодку нельзя.

— Почему? — спросил Витя.

Я сам не знал, почему.

— Потому,— сказал я,— что лодка эта чудесная!

Таня вынула палец изо рта.

— А чем она чудесная?

— Мы только до поворота доедем и обратно,— сказал Витя.

До речного поворота было далеко, и пока ребята плыли туда и обратно, я все придумывал что-нибудь чудесное и удивительное.

Прошел час. Ребята вернулись обратно, а я так ничего и не придумал.

— Ну,— спросил Витя,— чем же она чудесная? Простая лодка, один раз даже на мель села, и течет!

— Да, чем она чудесная? — спросила Таня.

— А вы разве ничего не заметили? — сказал я, а сам старался поскорей что-нибудь придумать.

— Нет, ничего не заметили,— сказал Витя ехидно.

— Конечно, ничего! — сказала сердито Таня.

— Так, значит, ничего и не заметили? — спросил я громко, а сам хотел уже удрать от ребят.

Витя замолчал и стал вспоминать. Таня сморщила нос и тоже стала вспоминать.

— Видели следы цапли на песке,— робко сказала Таня.

— Еще видели, как уж плывет, только головка из воды торчит,— сказал Витя.

Потом они вспомнили, что зацвела водяная гречиха, и еще видели белый бутон кувшинки под водой. Витя рассказал, как стайка мальков выпрыгнула из воды, спасаясь от щуки. А Таня поймала большую улитку, а на улитке еще сидела маленькая улиточка...

— Разве все это не чудесно? — спросил я.

Витя подумал и сказал:

— Чудесно!

Таня засмеялась и закричала:

— Еще как чудесно!

ОСЬМИНОЖЕК

Весной теплые туманы стали подтачивать льдины.

А когда совсем потеплело, с береговым ветром прилетела на палубу бабочка.

Я поймал ее, принес в каюту и стал вспоминать, как весной в лесу зяблики поют и на полянах бегают ежики.

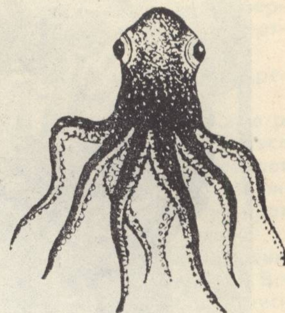
«Хорошо бы,— думаю,— ежика поймать! Только где его в северном море поймаешь?..»

И завел я вместо ежика маленького осьминожка: он с рыбой в сетях запутался.

Посадил я осьминожка в банку от варенья, а банку поставил на стол.

Так и жил у меня в банке осьминожек. Я что-нибудь делаю, а он за камушком притаится и за мной подглядывает. Камушек серый, и осьминожек серый. Солнцем его осветит — желтым станет, это он так маскируется.

Однажды я читал книгу. Сначала тихо сидел, а потом стал быстро перелистывать страницы.



Осьминожек вдруг стал красным, потом желтым, потом зеленым. Он испугался, как страницы замелькали.

А ежик разве так умеет? Он только колется и фыркает.

Постелил я как-то под банку зеленый платок — и осьминожек стал зеленым. А один раз я банку с осьминожком на шахматную доску поставил, и осьминожек не знал, каким быть — белым или черным? А потом разозлился и покраснел.

Но я его больше не злил. И когда наступило настоящее лето, я выпустил осьминожка на подводную полянку, где помельче и вода потеплее: ведь он еще совсем маленький!

НОЧНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

Мне очень хотелось увидеть оленя: рассмотреть, как он ест траву, как стоит неподвижно и прислушивается к лесной тишине.

Однажды я подошел к оленихе с олененком, но они почуяли меня и убежали в красные осенние травы.

Я узнал это по следам. Вот-вот они были: следы в болоте на моих глазах наполнялись водой.

Слышал, как трубят олени по ночам. Где-нибудь далеко протрубит олень, а по реке доносит эхом, и кажется, совсем рядом

Наконец в горах я набрел на оленью тропу. Олени протоптали ее к одинокому кедру. Земля у кедра была соленая, и олени приходили ночью лизать соль.



Я спрятался за камнем и стал ждать. Ночью светила луна и был мороз. Я задремал.

Проснулся я от тихого звона.

Как будто звенели стеклянные колокольчики.

По тропе мимо меня шел олень.

Я так и не рассмотрел оленя, только слышал, как с каждым шагом звенела земля у него под копытами.

За ночь от мороза выросли тонкие ледяные стебельки. Они росли прямо из земли. Олень разбивал их копытами, и они звенели, как стеклянные колокольчики.

Когда взошло солнце, ледяные стебельки растаяли.



Подвиг „Нормандии"

Ю. НОВИКОВА

Недалеко от Москвы

Зеленое поле аэродрома. На нем — эскадрилья самолетов. Самолеты устаревшей марки. За деревьями видна зенитная батарея. Пахнет лесом, влажной травой. Под деревьями лиловеют высокие колокольчики. Лиловые букеты в руках у летчиков, которые попадаются нам навстречу.

— Это в самом деле летчики или актеры? — спрашиваем мы. Мы знаем, что здесь, на аэродроме, киносъемка.— Вот этот — француз?

«Француз» оказывается русским актером в летной французской форме. Но вон там действительно француз... Он сидит на пригорке, и гримерша Люся подправляет ему бровь.

— Так, Люша. Пасиба, Люша.

— Значит, французские актеры говорят немного по-русски?

— Здесь выучились... Ведь съемки фильма «Нормандия — Неман» идут с марта,— поясняет нам директор фильма Семен Михайлович Марьяхин и тут же хватается за телефонную трубку. Он решительно напоминает командира, отдающего боевые приказы по полевому телефону. В перерывах между телефонными звонками он успевает отрывисто сообщить нам, что:

«Нормандия — Неман»—первый совместный франко-советский полнометражный художественный фильм.

В фильме участвуют французские и русские актеры, французские и русские операторы, французские и русские режиссеры. Режиссер-постановщик — француз Жан Древиль, русский режиссер — Витич-Бережных.

Сценарий тоже создан совместно французской писательницей Эльзой Триоле, французским сценаристом Шарлем Спааком и советским писателем Константином Симоновым.

— Со сценарием вы, конечно, знакомы?..

Да, мы читали сценарий. Мы знаем, что в фильме будет показана французская воздушная эскадрилья «Нормандия — Неман», которая в годы Отечественной войны сражалась против гитлеровцев у нас, в Советском Союзе.

Первых летчиков в эскадрилье было пятнадцать. Пятнадцать французов, перебравшихся через границы из оккупированной Франции. Не все они остались живы: многие погибли в жестоких боях. Но на смену им приходили другие, тоже бежавшие к тому времени со своей захваченной фашистами родины, чтобы сражаться за нее. К концу войны в «Нормандии» было сорок шесть боевых экипажей. Из маленькой эскадрильи «Нормандия» выросла в крепкую боевую часть, в настоящую грозу для немцев.

Теперь она носила имя «Нормандия — Неман» за героические бои на Немане.

Больше пяти тысяч заданий выполнили у нас французские летчики. Об их подвигах и рассказывает сценарий. Мы читали его, но нам хотелось бы поговорить с режиссером. Как он ставит этот героический фильм?

— В чем же дело?.. Сейчас как раз перерыв. Вон там стоит Жан Древиль. А неподалеку — Константин Фельдзер, он был в «Нормандии» командиром звена... Побеседуйте с ними. Фельдзер отлично говорит по-русски. Как, впрочем, многие французские летчики, воевавшие у нас. Пойдемте, я вас познакомлю.

Фотографий не ищите

— «Нормандия—Неман»— это фильм о героях,— говорит Жан Древиль.— О героях можно рассказывать по-разному. Можно создать прекрасную легенду — так обычно бывает с произведениями о людях, которые жили уже давно, и подвиги их обросли легендами... У нас задача была другая: дать подлинную жизнь, нащупать настоящую правду...

Мы спрашиваем: что делал для этого Жан Древиль?

Прежде всего он знакомился с документами. Внимательно прочитал дневник эскадрильи, о нем упоминается в сценарии... Это удивительный документ: правдивый, точный, совсем не казенный. Рядом с отчетами о боевых вылетах шутки, остроты. В этом дневнике вся жизнь эскадрильи.

Древиль разговаривал с участниками событий, со многими из них он встретился в Париже... Выспрашивал их подробно, радуясь, когда в разговоре блеснет какая-нибудь мелочь, деталь, которая сразу же озарит все и перенесет в атмосферу тех дней. Ведь фильм должен восстановить эту атмосферу!

Французских летчиков сражалось в эскадрилье много, а действующих лиц в фильме всего лишь несколько человек. И вот эти несколько человек должны вобрать в себя черты многих.

Поэтому хоть фильм «Нормандия — Неман» совершенно правдив, буквальных, фотографических портретов летчиков эскадрильи в нем нет...

— Фотографий не ищите,— говорит нам Жан Древиль.

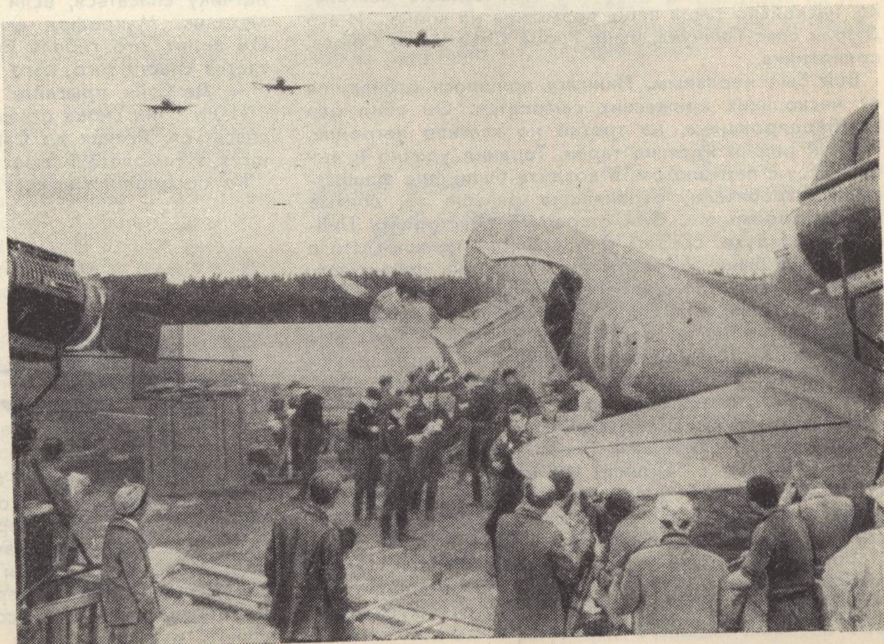
Действующие лица фильма: Марселен, Ламетр, Бенуа, Шардон, Перрье, полковник Синицын — все это обобщенные типы. Правда, у некоторых героев фильма есть в жизни почти точные прообразы. Каждый, кто знал летчика Лефевра, узнает его в герое фильма Ламетре, хоть внешне они и не схожи...

Жан Древиль объясняет нам, какой эпизод снимается сегодня... Отъезд де Лирона в отпуск. Все летчики эскадрильи должны были пойти в отпуск. Разрешение на отпуска пришло как раз тогда, когда на фронте началось наступление и эскадрилья получила новое задание. Как поступить? Взять отпуск? Все отказались, взял отпуск один де Лирон.

— Видите ли,— говорит Жан Древиль,— если в фильме показывать только подвиги, один за другим, то зритель перестанет воспринимать их значительность... И, кроме того, даже у самого смелого человека, у героя, бывают минуты слабости: ведь он человек!.. Такая минута была и у де Лирона... Все товарищи его отказались от отпуска, а он решил уехать, хоть ненадолго. Он устал, нервы сдали...

Де Лирон садится в автобус, никто его не провожает. Но де Лирон как будто спокоен: ведь ничего незаконного он не делает, он вправе был взять отпуск...

И вдруг автобус замедляет ход. Перед носом у него выруливают боевые машины, гудят моторами, поднимаются в небо. Это товарищи де Лирона вылетают на боевое задание... И по лицу отъезжающего проходит тень. Он немного отворачивает го-



Верхняя фотография на предыдущей странице снята во время войны. Это первые дни «Нормандии». У французов-летчиков еще нет настоящего боевого опыта. Они окружили двух советских летчиков, вернувшихся из полета, расспрашивают их о том, как им удалось сбить немецкий самолет.

А эта фотография сделана на аэродроме, где снимали фильм. У самолета — актеры; на переднем плане — съемочная группа.

лову, чтобы не видеть... Мы понимаем, что ему тяжело. Автобус уезжает в одну сторону, самолеты резко берут в другую.

На фоне малодушия де Лирона особенно остро воспринимается стойкость, отвага других летчиков...

Нерушимая дружба

— А вот и другой активнейший участник событий.

К нам подходит человек могучего сложения. «Летчик огромного роста»,— невольно вспоминается фраза из сценария.

— Это полковник Синицын?..

— Это генерал Голубов, командир авиаполка, куда входила французская эскадрилья. Впрочем,— говорит нам Марьяхин, — он тогда действительно был еще полковником.

Директор фильма уходит на свой командирский пост, а мы остаемся с двумя непосредственными участниками боев. И хоть нам предложено не искать в фильме фотографий, мы тотчас же засыпаем их вопросами:

— Скажите, а какие эпизоды в фильме целиком взяты из жизни?

— А все-таки кто из французских летчиков послужил прообразами героев? Например, Перрье?

— Как воевали вместе французы и русские?

— Ну как бы на это ответить поясней! — со смехом говорит Анатолий Емельянович Голубов.— Как мы воевали, как дружили? Вот вы спрашивали о герое фильма Перрье — о самом молодом из французов... Я не берусь утверждать, что это в точности Дюран... Но Дюран был такой же — немного легкомысленный, красивый, и ему было не больше двадцати, когда он погиб под Смоленском... В отличие от Перрье он, несмотря на молодость, был прекрасным летчиком. Его четверка великолепно выполняла свое задание — прикрывать наших, которые шли на бомбежку. Обеспечивала им безопасность настолько, насколько такая вещь возможна на войне... И это Дюран спас Пинчука, ныне Героя Советского Союза, полковника...

Бой был неравным. Пинчуку пришлось отбиваться от нескольких вражеских самолетов. Он сбил два бомбардировщика, на третий не хватило патронов. Пинчук решил идти на таран. Таранил удачно и выбросился с парашютом. В воздухе были еще фашистские истребители, охранявшие раньше те, сбитые бомбардировщики. Они старались расстрелять Пинчука в воздухе, срезать ему крылом парашют. Но с Пинчуком были Дюран и еще четверка французов, которой Дюран командовал. Они пришли на помощь Пинчуку, прикрыли его и отбивались от вражеских самолетов, пока не подоспела помощь. К ним вылетела наша восьмерка, и Пинчук был спасен...

В образе Перрье есть также и черты Риссо... Риссо тоже был очень молодой, тоже веселый. Внешне, мне кажется, он был немного похож на грузина, черный такой, с усиками. Риссо — марселец и отродясь не бывал в Париже. Но наши расспрашивали его о Париже, и бедняге приходилось врать вовсю... У нас этого парня все очень любили. Весельчак Риссо вместе с де ля Пуапом спас Долгалева.

Французы выручали нас, мы — французов. Однажды было так. Подбили летчика «Нормандии». Он сел на немецкой территории, около самых передовых позиций. Фашисты пытались взять его живым. Он отчаянно отстреливался... Но не ушел бы он от фашистов, если б не наши летчики. Они взяли его под прикрытие и защищали, пока не подошел наш танк и не выхватил француза из-под носа врагов...

Летчики вспоминают еще множество случаев, когда русские спасли французов, а французы — русских. Сколько раз это случалось! Сколько раз они все вместе выполняли задания, вместе побеждали или вместе гибли! В те дни о боевых товарищах не думали: какой ты национальности — русский или француз?..

— Таких разговоров попросту не было,— говорит Фельдзер.— Мы и не думали такими словами: «спасти русского»... Кидались, как кинулись бы к брату, и нас выручали, как братьев.

— А какие эпизоды выручки, братства вошли в сценарий?

— Смерть де Сэйна. В фильме, правда, у него другое имя. Его зовут де Буасси.

Эскадрилья перебазировалась. Каждый летчик посадил в свой самолет механика. Механики у французов были русские.

Летчик де Сэйн, подлетев к аэродрому, долго кружил над ним. С земли разглядели, что вдоль его фюзеляжа тянется белый дымок. Очевидно, машина по дороге выдержала бой, и теперь самолет не может сесть.

Командир Дельфино закричал в микрофон:

— Де Сэйн! Прыгайте! Прыгайте!

К командиру подбежали летчики.

— Он не может прыгать: на борту механик без парашюта.

— Он везет Белозуба.

Все стоящие на аэродроме понимают, какая драма происходит сейчас там, в самолете. Де Сэйн героически борется со своей разбитой машиной, пытается посадить ее хотя бы прямо на фюзеляж. Ничего не получается. Он мог бы выброситься с парашютом, но он знает: его спасение — гибель для механика. И снова самолет свечой взмывает вверх, снова идет к посадочной дорожке, снова проскакивает ее...

Дельфино уже молчит: он не может приказывать летчику спасаться, если при этом погибнет русский механик. Микрофон выхватывает русский офицер. Он видит, что гибель Белозуба неотвратима, и пытается спасти того, кого еще можно спасти:

— Де Сэйн, прыгайте! Это приказ!

И де Сэйн снова отказывается... Один он не хочет спасаться. Летчик де Сэйн и механик Белозуб остаются в самолете и вместе погибают...

Их похоронили вместе...

Пути в „Нормандию"

Из отрывочных воспоминаний Фельдзера и Голубова перед нами мало-помалу возникают образы тех, кто сражался с фашистами,— образы летчиков «Нормандия — Неман», живых и погибших...

...Капитан Лефевр. Его летное мастерство, которое он не уставал совершенствовать, его страстная любовь к Франции навсегда запомнились товарищам. Многие его черты воспроизведены в образе Ламетра — одного из героев фильма... Убежденный сторонник дружбы с Россией, Лефевр сразу же стал изучать русский язык и вскоре так хорошо знал и



Летчики — француз К. Фельдзер, бывший командир звена эскадрильи «Нормандия», и советский генерал Голубов, командир полка, в который входила эта эскадрилья,— помогают актерам понять работу боевого летчика. Генерал Голубов рассказывает об одной из боевых операций. «Самолеты шли вот так»,— говорит он. На снимке слева направо: французский артист М. Кассо, К. Фельдзер, советский артист В. Гусев, генерал А. Голубов.

язык и географию страны, что, слушая наше радио, мог отмечать на карте освобожденные русские города. Даже с голоса он не путал названий. И как он радовался каждой победе!

Его ненависть к фашизму копилась давно. У Лефевра, сына французского рабочего, она была продуманной и убежденной.

«Я был против нацистов еще до войны... Для меня культура не пустое слово. Геббельс говорит: «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за револьвер». Ну, а я хватаюсь за револьвер, когда слышу слово «Геббельс»,— эти слова говорит Ламетр в фильме, их мог сказать и живой Лефевр. Да, он брался за оружие против нацистов, и брался не зря. К моменту героической гибели Лефевра на его счету было четырнадцать сбитых самолетов.

А вот еще один характер летчика, совсем в другом роде... Де ля Пуап — аристократ, богач, баловень судьбы... Судьба оказалась милостивой к нему и на войне: он остался жив. Но не потому, что берег себя. Об отваге де ля Пуапа говорит уже то, что он заслужил звание Героя Советского Союза.

В эскадрилье, смеясь, рассказывали такой случай. Однажды де ля Пуапу, который в числе других французских летчиков был гостем комсомольской конференции, предложили выступить... К тому времени он уже знал немного русский язык.

И вот, забыв о своей «голубой крови», летчик де ля Пуап, так же как и предыдущие ораторы, крикнул в микрофон: «Смерть международному капиталу!..»

«Что скажет теперь твоя графиня-бабушка?» — смеялись над ним товарищи.

Но шутки шутками, а де ля Пуап искренне привязался к стране, в которой воевал. И, несмотря на то, что теперь он крупный промышленник, де ля Пуап дважды приезжал в Советский Союз.

Где вы, друзья?

— Да, все мы добирались в Россию, прямо сказать, не кратчайшим путем, — рассказывает Константин Фельдзер.— Ведь надо было (всего-навсего!) удрать с оккупированной территории, добраться до какой-то страны, которая может переправить тебя в Россию, и перейти через несколько границ по пути сюда. А до этого еще надо было узнать, что такая эскадрилья есть, что есть еще возможность стать снова военным французским летчиком и мстить врагу. Один из наших бежал из Индокитая. Он бежал оттуда на самолете, самолет упал на китайской территории. Оттуда его переправили в Америку, затем он попал в Англию, в Египет и лишь после этого — в Советский Союз... Другой — марселец Риссо, мы уже упоминали о нем,— тоже проделал нелегкий путь из Египта... Он работал носильщиком, потом на пароходе спрятался в ящик, ящик завалили в трюм, и он едва не задохнулся в пути... Многим французским летчикам по дороге в

«Нормандию» пришлось пройти через тюрьмы, через каторгу и концлагеря...

— Ну, а вы?

— Я бежал из Алжира через Гибралтар на лодке. Нас было двенадцать человек. Ночью поднялась буря, а среди нас был только один моряк... И тот не очень умелый. Нас долго мотало по Средиземному морю и бросило к испанским островам... Здесь мы попали в испанскую тюрьму. Потом была тюрьма французская. Трудно сказать, что лучше. Бежал снова в Африку с чужим паспортом. Арестовали. Приговорили к году каторги. Год прошагал в цепях, с бритой башкой — все, как полагается... Да что о себе рассказывать?! Это неинтересно.

— Значит, вы побывали в трех местах заключения, и в Европе и в Африке?..

— В четырех: еще фашистский концлагерь...

— А туда когда попали?

— Это уже здесь, на Западном фронте. Подбили меня в сорок четвертом под Кенигсбергом. Прыгал из горящего самолета. Парашют раскрылся только над самой землей. Наши этого не видели, считали, что погиб. А я только обгорел весь и ослеп. То есть это я только на время ослеп, потом оказалось, что глаза у меня просто склеились от ожогов.

Немцы тоже сочли меня слепым, бросили в лагерь... Там я был вместе с русскими товарищами. Мы все считали, что нам все равно крышка, и решили бежать...

Веки у меня через несколько дней расклеились, и я увидел свет. Надо сказать, что это было очень приятно.

Бежали мы из лагеря втроем: с двумя русскими. Их фамилии вы, пожалуйста, запишите... Я этих ребят потом потерял, а очень бы хотелось найти. Живы ли они? Борис Гуреев, родом из Саратова, и летчик Иван Грязнов. Записали?

Мы записали.

...Борис Гуреев! Иван Грязнов! Если вы сами или кто-либо из ваших родных прочитаете эти строки,— подайте нам весть! Вас разыскивает ваш старый товарищ!

Два Синицыных

Полковник Синицын, весь забинтованный, лежит на носилках. Его уносят санитары.

— Я еще вернусь в полк, ребята! Мы еще повоюем! — с трудом произносит Синицын.

Нет, не Синицын, а актер Лебедев, играющий Синицына. И Фельдзер, смеясь, говорит нам:



А это кадры из фильма. Вы видите здесь разные моменты жизни эскадрильи. Вот командир по радио приказывает летчику де Буасси (де Сэйну) прыгать с парашютом... Вот встреча французов с партизанами... Вот увозят тяжелораненого полковника Синицына (Голубова)... Вот советское командование вручает награды французским летчикам.

— Видите, сейчас кажется, что человек, выпрыгнувший из горящего самолета, без парашюта, переломанный, покалеченный, весь продырявленный, как шашлык, ветвями дерева, на которое он упал, такой человек должен говорить тихо и с трудом в эту торжественную минуту. А на самом-то деле Голубов — хоть приподнялся-то он, правда, с невероятным трудом — заорал на нас, буквально заорал своим трубным голосом:

«Я вернусь! Клянитесь мне воевать, как положено! Ответите передо мной!»

И мы поклялись. И многие из нас заплакали, глядя на него.

Мы отходим от актера, оглядываясь на его неправдоподобно голубые бинты, потому что только голубое выходит в черно-белом фильме по-настоящему белым. И идем искать настоящего героя — прообраз Синицына — генерала Голубова. А он спешит уйти подальше от съемок.

— Знаете, — смущенно оправдывается он, — неприятно мне на это смотреть... Вспоминать тяжеловато вот этот эпизод, который сейчас снимают.

...Это было на Белорусском направлении. Пришли сведения, что противник стягивает четыре танковые дивизии на путях к Минску... Сведения нужно было проверить, нужно было послать разведчика.

Облачность была в этот день очень низкой. Разведка предстояла трудная. Голубов не любил рисковать людьми... Поэтому он решил вылететь в разведку сам.

«ЯК» — самолет Голубова — то забирался в облака, то кружил над землею. Облака понемногу разошлись, и Голубову вскоре стало очевидно, что сведения правильные: шоссе запружено вражескими танками.

Но пока он наблюдал за танками, с земли наблюдали за ним. И, когда «ЯК» вышел из облаков, навстречу ему ринулись два вражеских истребителя.

Пришлось принять бой. Один из истребителей быстро выбыл из строя. Но другой — видимо, на нем был настоящий ас — не только сумел оказать Голубову сопротивление, но постепенно вывел «ЯК» в зону своего зенитного огня. Три снаряда, один за другим, угодили в бак самолета. Повернув, Голубов повел свой загоревшийся самолет в сторону наших войск. Его не преследовали: ясно было, что и самолет и летчик в этой горящей машине недолго протянут. Но Голубов еще не считал себя погибшим, хотя шансов на спасение, сказать по правде, было маловато.

«ЯК» летел низко над лесом. Голубов тянул к своим, надеясь уйти от немцев, пока не взорвались баки.

До сих пор, несмотря на напряжение сил и надвигающуюся катастрофу, все шло, в общем, нормально. Опасность, напряжение сил — это ведь и есть нормальная жизнь боевого летчика. Но то, что случилось дальше, уже выходило за пределы обычного. Баки взорвались. Пламя охватило пилота. И вся жизнь в одно мгновение пронеслась перед ним, и надо всем этим встало горестное сознание: «Все. Конец».

Без парашюта выпрыгнул Голубов из горящей кабины. Земля метнулась ему навстречу.

...Он открыл глаза в маленькой комнате. Рядом сидела женщина в белом. Странное воспоминание о сказках матери промелькнуло у него, и даже подумалось: «Вот он какой, «тот свет»!»

Через секунду Голубов понял, что это госпиталь, что он жив, но даже не обрадовался этому. Вероятно, потому, что его большое, сильное тело, всегда такое послушное его воле, сейчас лежало неподвижной, тяжелой глыбой. Решил, что все равно выжить не удастся, что смерть только немного затянулась. Ничего не хотелось, не хотелось даже отвечать на вопросы. Он не подал виду, что пришел в себя.

А в палате слышались голоса, и один из них, жизнерадостный, басовитый, особенно раздражал раненого. Этот голос упрямо будил воспоминания о жизни, о товарищах, обо всем, что придется оставить: ведь он же все равно умрет.

— А ты возьми себя в руки, летчик!.. Эка беда, что кости переломаны!.. Заживет! — убеждал голос.— Я вот три войны прошел. Всех ранений и не перечтешь, а, видишь, жив... Да возьми ты себя в руки, не поддавайся!..

Голубов не отвечал. Он не верил голосу.

— А ну-ка влей ему в рот каплю коньяку! — снова прогудело над ним. Кто-то разжал Голубову губы, и он почувствовал во рту обжигающую жидкость.

Палата качнулась, летчику показалось — пошла в штопор... Потом Голубов уже ничего не помнит: заснул...

— А как проснулся, так запросил есть, потребовал яичко всмятку и сводку Информбюро!..— рассказывает нам Голубов.— И стал я возвращаться к жизни. Стала сверлить мысль: где фронт? Где теперь мои летчики? Что с семьей? Стал думать о жизни, перестал считать, что помираю. Уж что там меня спасло, не знаю. А ведь был весь как есть переломан: руки, ноги, таз, череп пробит... Места живого не было. Ничего, склеили...

А с генералом Чудесовым — так звали моего соседа по палате — мы подружились! Он раньше меня выписался, а я тогда только с койки стал подниматься... Так он, прощаясь, мне костыли свои подарил: бери, мол, они счастливые! И в самом деле оказались счастливыми: больше мне не понадобились.

Вот как это было. А вспоминать об этом ранении все-таки не люблю, и не хочется мне на этого раненого Синицына смотреть, хоть и не очень он похож на меня...

Мне в фильме совсем другие эпизоды нравятся: там, где веселье, жизнь, борьба и дружба. Главное, дружба.

Вот если удастся на экране показать как следует нашу дружбу, тогда все мы, боевые летчики, будем довольны. И русские и французы.

Два космических экипажа



Вы, ребята, конечно, помните о запуске двух ракет-гигантов в начале июля этого года. Каждая из них весила больше двух тонн.

«Экипаж» первой ракеты состоял из трех «космонавтов»: кролика и двух собак — Отважной и Снежинки. На второй летели собаки Отважная и Жемчужная. Животные были помещены в специальных кабинах — контейнерах.

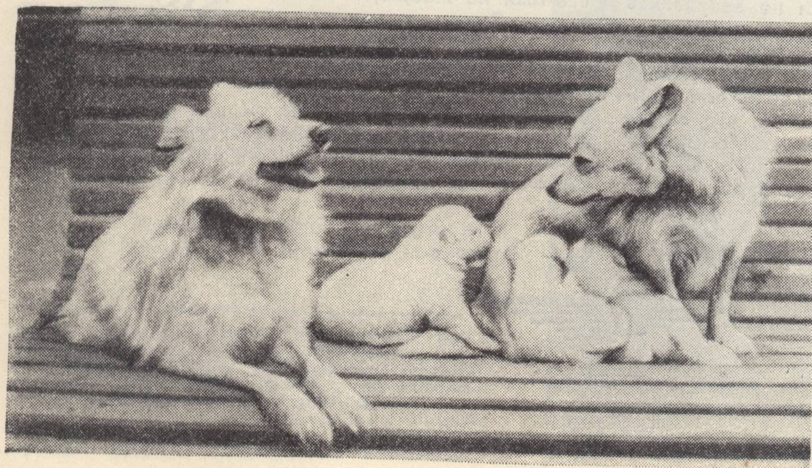
После того, как ракета достигала наибольшей своей высоты, от нее отделялся контейнер, раскрывались тормозящие парашюты, потом основной, несущий парашют, и контейнер с пассажирами возвращался на землю.

Во время полета и спуска животные находились под наблюдением многочисленных приборов. У них измерялось кровяное давление, частота дыхания, биотоки сердца, мышечные движения. Автоматический киноаппарат снимал фильм, рассказывающий, как вели себя животные в необычных условиях.

Эти полеты накапливают опыт для будущих космических путешественников. Наши четвероногие друзья доказали, что живой организм хорошо переносит необычные условия: большие ускорения, состояние невесомости.

Отважная — заслуженная путешественница, она поднималась в космических ракетах уже четыре раза и теперь здорова и весела. Жемчужная, вернувшись из полета, весело играет со своими щенками, облизывает, кормит их как ни в чем не бывало.

Ученые продолжают и на земле следить за Отважной, Снежинкой, Жемчужной и другими животными. Время от времени их тренируют в специальных аппаратах, чтобы они не забыли «космические навыки».



Уже недалеко то время, когда место в исследовательской космической ракете займет человек. Это может случиться даже раньше, чем вы, ребята, успеете стать взрослыми. Но вы не огорчайтесь: для вас дело найдется. Может, вам зато предстоит первыми посетить другие планеты, полететь на Луну, Венеру, Марс.

И. Нахамкин



СЕГОДНЯ В НАШЕМ КЛУБЕ:

Все за дружбу, за доброе товарищество.

Нет ли у вас Моргунова!

Может ли сплетня поссорить друзей!

Одна против всех — за друга.

«Если вы встанете рядом с мальчиком и возьметесь за руки,— не думайте, он вас не укусит. У нас в классе все дружат».

Это письмо ГАЛИ АЛЕКСЕЕВОЙ из Челябинска первым пришло в клуб в ответ на вопрос кировоградских девочек Тани и Веры о том, можно ли дружить с мальчиком (их письмо было напечатано во втором номере журнала).

А затем пришло еще много таких же ответов.

«Если б я куда-нибудь очень спешил, а кто-нибудь вдруг остановил меня и спросил, можно ли дружить с девочкой, я бы, не задумываясь, ответил: да, можно»

Витя Амелькин из города Сталинска.

«А почему бы не дружить с мальчиком? Ведь у нас в стране все равны. Важно, чтобы была хорошая дружба, а с кем дружить, с мальчиком или с девочкой, неважно».

Людмила Кондратенко.

Замятинская школа Калининской области.

«По-моему, все, кто учится в одном классе, должны быть друзьями. Ведь у них одна цель».

Юля Нейман из г. Риги.

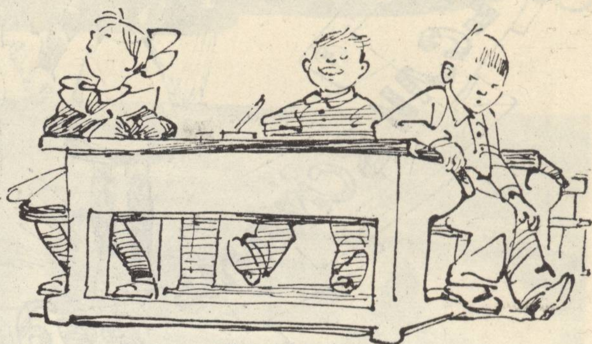
«В нашем народе самое главное — дружба. В годы Отечественной войны, если б не было дружбы, Советская Армия не победила бы врага. Когда бы не было дружбы, не было бы в космосе

ракеты, не летал бы третий спутник Земли. Не завоевали б наши деды и отцы власть Советов. Не было б счастливой жизни на земле. Дружба нужна везде, Вера и Таня».

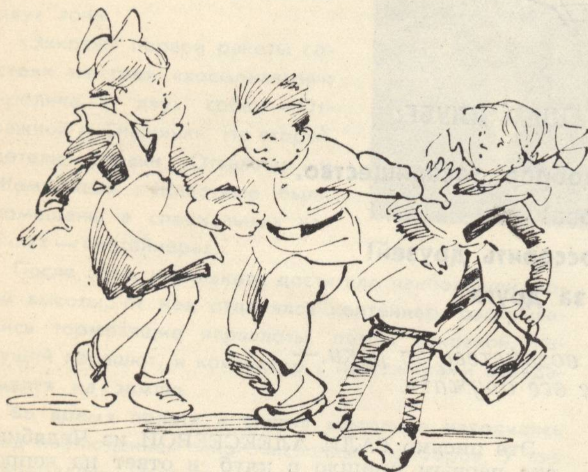
Вася Зайчук. Село Борщево, Житомирской области.

Всего писем в клуб пришло двести пятьдесят, и можно, значит, считать, что на заседании высказались двести пятьдесят ребят, потому что вожатый Сима Соловьев читал все письма вслух (кроме, конечно, совершенно секретных). Интересно, что все двести пятьдесят сошлись во мнении: мальчикам и девочкам надо непременно дружить между собой.

— Так, наверно, считают даже не двести пятьдесят, а тысячи людей,— сказал СИМА СОЛОВЬЕВ.— Но странное дело: все за дружбу, а придешь иной раз в отряд — и видишь совсем иное. КТО ИЗ ВАС НЕ НАБЛЮДАЛ ТАКИЕ СЦЕНКИ?



В классе...



В коридоре...



Во дворе...

А бывает и похуже. Я прочту вам письмо, которое по поручению отряда написал Володя Поволяев, председатель совета отряда средней школы № 12 из города Лиски.

НЕТ ЛИ У ВАС МОРГУНОВА?

«У нас в классе есть ученик Моргунов. До тех пор, пока он не пришел к нам, у нас была хорошая дружба. Но вот пришел Моргунов, и все перевернулось. Он начал издеваться над девочками. Некоторые ребята стали потихоньку брать с него пример. Актив класса не обращал внимания на его «художества», даже когда он полоснул одну девочку по лицу грязной тряпкой».

— Что это такое?! — Возмущенный голос прервал чтение письма. Это был писатель АНДРЕЙ НЕКРАСОВ.— Вы извините, Сима, что я прерываю, но мне хотелось бы сказать несколько слов. Меня возмущают такие люди. Вы понимаете, ведь этот мальчишка, по существу, воскрешает дурные обычаи прошлого. Он пользуется тем, что сильный, и употребляет свою силу на то, чтобы угнетать другого, более слабого, в данном случае девочку. Именно так и было в прошлом: мальчик или девочка, женщина или мужчина — кто слаб, беззащитен, того, значит, можно безнаказанно унижать и оскорблять. На этом стоял и, можно сказать, стоит мир капитализма. Но мы-то живем уже в другом мире. Как можно такое терпеть?

— Моргунов, может быть, сам не понимает, что стоит за его шалостями,— сказал Сима.— Но вот послушайте дальше:

«Наконец чаша терпения переполнилась, весь гнев на Моргунова излился на сборе. Мы решили: если Моргунов посмеет издеваться над девочками, ни один мальчик не должен пройти мимо. И еще: написать о Моргунове в «Пионер», Симе Соловьеву, что мы и делаем. Нам стыдно, что мы

долго терпели и не призывали Моргунова к порядку».

Правильно поступили ребята. Не из-за таких ли, как Моргунов, рушится и дружба и доверие мальчиков и девочек? Когда обидел один, побаиваешься уж и других мальчиков.

Но ведь часто дружба рушится вовсе не из-за чьих-то кулаков — из-за языков.

МОЖЕТ ЛИ СПЛЕТНЯ ПОССОРИТЬ ДРУЗЕЙ!

Увы, может. «Среди девочек моего возраста редко встретишь хорошего друга. Они не хотят дружить с мальчиком, боятся насмешек»,— пишет Шура Щипунов из города Стерлитамака.

«Некоторые девочки и их родители считают нас, мальчиков, «ужасными детьми». У нас еще очень много сплетников. Нередко, когда девочка и мальчик идут по улице, они слышат за своей спиной: «Жених и невеста!» «Стыд-то какой!» А что тут стыдного? Не бойтесь никого, девочки. Дружите с мальчиками»,—

с таким письмом выступил в клубе САША СИТНИКОВ из города Киева.

Некоторые ребята жалуются на взрослых.

«Один мальчик плохо вел себя в классе. Мы захотели исправить его, а классная руководительница говорит, что мы «влюбились» и «бегаем за ним». Какие же у нее нехорошие мысли!» —
пишут из города Полтавы пионерки одного звена.

— Действительно,— сказал Сима,— некоторые люди — даже взрослые — не умеют видеть хорошее! Будто смотрят в закопченное стекло, все становится пасмурным. Много вреда приносят лживые языки. По-моему, прав Саша Ситников, когда говорит, что надо высмеивать сплетников в сатирических газетах (пусть-ка они на себе испытают силу насмешки), стыдить их на суде всего отряда. Но как ни отвратительны сплетни и насмешки, им ведь тоже надо уметь противостоять.

«ПЛОХО ДЕЛАЮТ ТЕ РЕБЯТА, КОТОРЫЕ БРОСАЮТ ДРУГА, БОЯСЬ НАСМЕШЕК. ОНИ ОТВОРАЧИВАЮТСЯ ОТ СВОИХ ДРУЗЕЙ, ТО ЕСТЬ УХОДЯТ ОТ ПЕРВОГО ЖЕ ИСПЫТАНИЯ ДРУЖБЫ».

Эти слова председателя совета дружины СВЕТЛАНЫ НИКУЛИНОЙ (станция Суровикино, Сталинградской области) нарочно выделены такими крупными буквами в журнале, потому что они очень правильные. Нелегко для самолюбия вынести ядовитые шутки, обидно, когда тебя подозревают в дурном, но кто же, как не ты, друг, встанет на защиту друга? В чем же дружба, если ее легко порвать насмешкой, наветом?

ОДНА ПРОТИВ ВСЕХ — ЗА ДРУГА

— Я уйду несколько далеко, в войну,— сказала журналистка НИНА АЛЕКСАНДРОВА,— но эту историю, мне кажется, надо рассказать. Слишком легко иной раз отрекаются от дружбы. Стоит подозрению упасть на человека, как словно забывается то, что знал о нем доброго, за что еще вчера ценил. А бывает ведь так, что обвинение, даже самое тяжелое, ошибочно.

Представьте себе, что вашего друга обвинили в трусости — в самом худшем пороке, по-моему. И не где-нибудь в игре, в каком-то безобидном происшествии, а на войне, где от каждого требовалась особая смелость и требовательность к себе. Можете себе представить, как на войне ненавидели трусов, которые спасали свою шкуру. И вот однажды на Волховском фронте, где стояла наша часть, произошел запомнившийся мне случай... Под натиском фашистов взвод наших солдат отступил. Это было на важном участке, на правом фланге, где стояли наши батареи. Отступив, пехота лишила артиллеристов своей защиты. Оголила позиции. Ломалась оборона целого берега.

Командира отступившего взвода — он всего за несколько дней до этого случая прибыл в нашу часть — решено было судить за трусость. Все обстоятельства собрались против него. И прежде всего то, что сам-то он оказался цел и невредим. Значит, не бился изо всех сил, думалось нам. Вы же знаете, что на войне закон: хоть умри, а не дай победы врагу.

Оставшиеся в живых бойцы говорили, что во время боя они не видали своего командира. Сам он рассказывал какую-то совершенно неправдоподобную историю о том, как он оказался отрезанным от своего взвода. Ему не поверили. Картина была ясной. Струсил. Убежал.

Только один человек был уверен в невиновности командира — его жена, которая вместе с ним добровольно пошла на фронт. У нее не было никаких доказательств, только уверенность, что командир взвода не трус и не предатель.

В землянке командира дивизии она твердила:

— Он не мог. Он не мог струсить.

— Но вы же не были там,— отвечали ей.— Откуда такая уверенность?

— Я была с ним всю жизнь.

Как ни значителен был ее ответ, все только пожимали плечами. Неубедительно. Просто хочет спасти. Все с тяжелым чувством смотрели на берег, где на нашем месте уже стояли фашистские пушки.

И вот в то самое время, когда участь командира вот-вот могла решиться, привели одного пленного, захваченного в бою. Солдат знал мало. Он сказал только, что вчера из-за этого кусочка на берегу Волхова фашисты потеряли много своих. При этом он сообщил одну подробность, которая показалась сначала выдумкой,— будто кто-то стрелял им, фашистам, в спину.

— Вон там, посреди реки, островок,— показал он через переводчика.— Оттуда стреляли.

Так как на острове наших заведомо не было, все сочли, что немцу это со страху померещилось. Только жена командира стала требовать, чтобы произвели расследование. Она все повторяла: «Не мог он струсить, тут что-то не так!» А когда стали выяснять, оказалось, что этот самый командир взвода на свой риск решил провести развед-

ку и, покинув свой участок, отправился на островок посередине Волхова. Когда фашисты начали наступление, он действительно оказался отрезанным от своего взвода в тылу у немцев и не мог руководить своими солдатами, как должен был. Это было плохо, недисциплинированно, из-за этого вся беда случилась. И за это его тоже надо было наказать. А трусости все же не было. Когда стали допрашивать пленных, одного за другим, они все показали, что на островке была «целая засада»... Только ночью командир с последним патроном бросился в реку и вплавь достиг своего берега.

Конечно, это тоже большой разговор — об инициативе и обязанностях человека, об ошибке, пусть даже из самых лучших побуждений, которая так дорого стоила нашей дивизии. Но о трусости речь уже идти не могла.

Так открылся истинный характер происшедшего, и подтвердились слова женщины, которая и не была на месте событий, но знала, как мог и как не мог ее муж, ее друг, поступить. Мы все были очень рады, что наш товарищ не трус, что жена командира — мужественный человек, верный друг. Как надо было верить, чтобы одной идти против всех, отстаивая свое убеждение!

...Все помолчали. Далекая история из взрослой жизни на время отодвинула разговор о маленьких ссорах, обидах, насмешках. И в то же время мы задумались: а не в эти ли школьные годы и начинает незаметно складываться прочность дружбы, вера в своего товарища, умение постоять за свои убеждения?

ДА, В ЭТИ ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

— А хотите знать, как появляется хорошая дружба? — спросил Сима и достал пачку отложенных писем.— Ну, для начала я вам прочту хоть это. Под ним стоят две подписи: ЮРЫ БЕЛЯЕВА и ЭЛЛЫ СТОЛЯРЕВСКОЙ.

«Мы вместе делаем уроки, ходим на каток, катаемся на лыжах, ходим в кино. Сначала ребята смеялись над нами, дразнили. Но мы не обращали внимания на их насмешки. А сейчас уже никто над нами не смеется, потому что теперь в нашем классе многие мальчики дружат с девочками. Вы можете сказать: «Вам повезло, у вас такие ребята хорошие собрались». Ничего подобного. В каждом классе есть хорошие ребята, только надо уметь их видеть и подходить к ним с открытой душой».

А вот письмо из Минской области, из деревни Кривоносы:

«Раньше у нас никто не дружил между собой. А теперь дружат. Случилось это так. Обсуждали мы план работы. Решили устроить концерт в колхозе. Мальчики сначала стыдились девочек, а потом мы очень хорошо сдружились. Мы даже ездили выступать в соседние колхозы».

— **«Выступаем с концертом»... «Делаем скворечники», «Собираем металлолом», «Ходим в походы»...** Какое письмо ни возьмешь, где рассказывается о хорошей дружбе,— заметил Сима, перелистав еще несколько писем,— в нем обязательно видны хорошие дела. Можно сделать вывод: друзьями люди становятся тогда, когда у них общие радости, общие огорчения, ну да, бывают в делах огорчения — словом, когда у них по-настоящему общие интересы. Может быть, в какой-то мере этот вывод из разговора и будет ответом на вопрос ЛЕНЫ БАГРИНЦЕВОЙ, старосты 6-го «Б» класса 168-й школы города Улан-Удэ, девочек 4-го класса школы № 14 из города Адлера и многих других ребят: а как наладить дружбу?

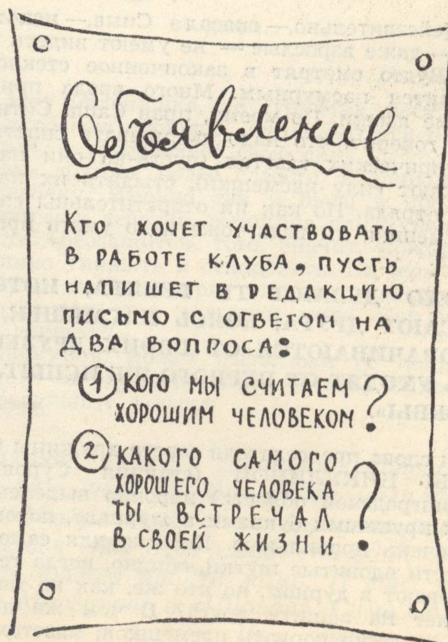
Сима кончил читать письма. В это время с дивана поднялся невысокий человек в форменной куртке. Он все время сидел молча.

— Я хочу выступить,— сказал он,— потому что без меня клуб не состоялся бы. Я тот самый почтальон, который принес вам все эти письма. Да, да, это выходило каждый день по полной сумке... Честно говоря, я не думал, что в них идет разговор о таких серьезных вещах. А теперь вижу. И пусть на мою долю падет еще больше работы, ведь теперь писем, наверное, прибавится? Но я не в обиде, лишь бы ребята учились жить, становились хорошими людьми.

— Хорошими людьми? — переспросил Сима.— Мы часто говорим: «Это хороший человек»... «Он хороший парень»... «Хорошая девочка»... А какого человека мы считаем хорошим, как вы думаете, ребята?

Участники заседания не сразу нашли, что ответить. И тогда было решено: поговорить об этом на одном из следующих заседаний клуба.

На дверях нашей клубной комнаты мы вывесили такое объявление:





„Я не волшебник, я только учусь"...



Витя дает сеанс «гипноза»... Сейчас Миша Землемеров отгадает число, которое задумали зрители.

Этим летом я был в одном лагере. Однажды после отбоя первый отряд проводил вечер дружбы. Ребята пели, танцевали, играли... Было очень весело. Вдруг кто-то вспомнил: «Сима, ты обещал нам показать фокус!»

И тогда я впервые в жизни провел сеанс гипноза.

Я попросил выйти за дверь одного паренька. Потом мы задумали трехзначное число (не помню, какое, кажется, 427). Паренька вызвали в зал. Я не подсказывал ему, не показывал чисел на пальцах. Я только объяснил ему, что он должен угадать число, сосчитал до трех, и он неожиданно выпалил: «Четыреста двадцать семь!» Все замолчали в изумлении. Послали за дверь другого паренька. Недоверчивые зрители потребовали, чтобы я сжал руки в кулаки и не шевелил губами. Но второй, а за ним и третий мальчишки тоже угадали только что задуманные числа. Все были потрясены, и больше всех я сам. Я не ожидал, что «гипноз» так здорово получится.

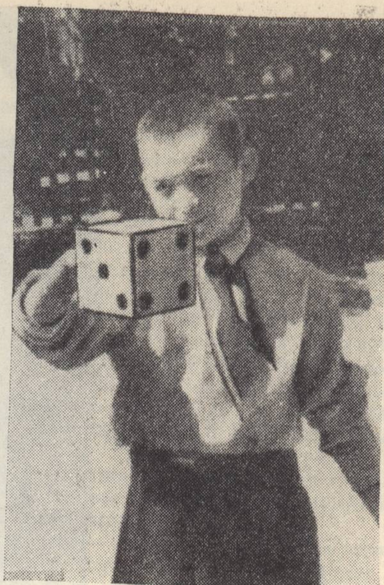
«Вот молодец Виктор!» — подумал я тогда. Ведь это он, Витя Савицкий, научил меня такой замечательной штуке. Кто не знает секрета, ни за что не догадается, как это де-



Вот волшебная шкатулка!..



Видите? Она совсем пустая.



Берем деревянный куб...

лается. А секрет я готов открыть каждому читателю. Или нет, не каждому, а только тому, кто занимается таким же чудесным делом, что и четвероклассник подмосковной раменской школы Витя Савицкий.

Вот чем он занимается: он затейник. Он может собрать вокруг себя хоть сто ребят, и им не будет скучно с Витей. На переменке он затеет игру, в которую никто у вас в классе не играл. Во дворе устроит кукольный театр, на сборе проведет веселые соревнования, в концерте выступит с фокусами и шутками.

Затейником может стать не каждый. Для этого надо иметь особый организаторский талант.

Вот, например, нужно объяснить правила новой игры. Слушать правила скучно: всем хочется быстрее играть. Ребята шумят, торопят, перебивают, и игра не получается. А затейник может рассказать об игре так громко и весело, таким решительным голосом, что его все будут слушать. Затейник должен быть очень находчивым человеком. Видит: надоела игра — предложил другую. Устали играть — устроил отдых, показал фокус-шутку.

Ну, а где же научиться всем этим премуд-



Обычный шнурок, широкая лента, ключ, какая-то коробочка, две куклы — вот что найдешь в чемоданчике Вити Савицкого. С простыми вещами в руках затейника происходят чудеса: лента сама собой развязывается, ключ легко снимается с запутанного шнурка, куклы оживают... Уже год собирает Витя все необходимое ему для «работы». Но больше всего охотится он за книгами об играх, фокусах и развлечениях. Ведь всему, что он умеет, он научился с помощью этих «волшебных» книг, которые есть в каждой библиотеке.



Вкладываем его в шкатулку...



Раз... два... три...



...Куда девался куб?

ростям? Как узнать, есть у тебя талант затейника-организатора или нет?

Очень просто: надо попробовать. О новой игре ты прочитаешь в книжках, журналах. Попытайся провести ее с ребятами. Получится — хорошо, не получится — еще раз попробуй, еще пять раз. Затейник должен быть очень упорным человеком!

Витя Савицкий учился мастерству затейника сначала в Доме пионеров, потом в Колонном зале Дома союзов, где создали группу ребят-затейников. Но больше всего полезных советов получил он... в справочном бюро. Такой у Вити характер: если он захотел что-нибудь разузнать, он уж своего добьется. Увидел фокусника в цирке, решил: затейник должен уметь показывать фокусы. Пошел в справочное бюро, узнал, где собираются эстрадные артисты, где можно найти иллюзионистов, сходил к ним в гости и выведал несколько секретов. Ему даже подарили «волшебную» шкатулку, ту самую, которую вы видите здесь на снимках. Говорят, что с этой шкатулкой выступал сам Кио... Захотел Витя устроить кукольный театр — пошел в справочное бюро, узнал, на какой фабрике делают кукол, пошел поучиться. Недавно Витя с двумя товарищами показывал кукольный спектакль в детском саду у себя в Раменском.



Вот в чем секрет! У куба откидные стенки.

Кто видал кинофильм «Золушка», тот, конечно, помнит маленького пажа, который преподносит Золушке чудесные хрустальные туфельки. «Я не волшебник, я еще только учусь...» — говорит он нежным голосом.

Ребята-затейники еще не настоящие «волшебники», они только учатся чудесному искусству развлекать людей. Они знают еще немного; хитрые фокусы не всегда удаются им. Но уже сегодня они делают хорошее пионерское дело.

Подумай, пожалуйста, а из тебя не выйдет затейника? Попробуй: попытка не пытка. А если ты уже умеешь проводить несколько игр, знаешь два — три фокуса, собрал вокруг себя трех — четырех помощников, напиши мне. И тогда мы вместе с Витей откроем тебе секрет «гипноза», о котором я рассказывал вначале.

Вожатый
Сима Соловьев

В ЖИВОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Если ты не умеешь вскопать грядку, если ты не вырастил ни одного растения, значит, ты плохо знаешь ботанику, ты не умеешь практически воспользоваться теми знаниями, которые ты почерпнул из учебника. Все пятиклассники в этом году начнут изучать ботанику по новой программе. Занятия будут проводиться не только в ботаническом кабинете, но и в лесу, на колхозном поле и обязательно на пришкольном участке.

Ребята будут выращивать различные растения и узнавать, что любят их воспитанники, отчего растут быстрее и дают лучший урожай, какие враги и друзья у них. Понимая жизнь растений, ребята будут учиться изменять их природу, делать их лучше, полезнее.

О том, как интересно изучать ботанику практически, рассказывают в этом номере школьники станицы Мечетенской, Ростовской области. Они с увлечением занимаются на своем опытном участке.



ПШЕНИЦА ЦВЕТЕТ

Рассказ Ольги Желтобрюховой



П. К. Таценко с юннатками на поле, засеянном пшеницей «Гибрид-2».

Я училась в четвертом классе, когда впервые попала на наш опытный участок. Мне там сразу понравилось.

Один мальчик, его звали Сергеем Губиным, показал мне и другим ученикам участок, рассказал, что где растет. Он подвел нас к пшенице и сказал: «Видите, пшеница уже цветет». Я думала, он ошибся. Никаких цветов я не видела, а только зеленые усатые колосья.

Сергей нисколько не обиделся за то, что я ему не поверила. Он только сказал:

— Вот посеешь пшеницу и тогда сама увидишь...

Всех юннатов учит у нас учитель-пенсионер Петр Кондратьевич Таценко. А меня учил еще и Сергей.

Теперь я могу долго рассказывать об опытном участке, потому что за четыре года научилась многому. Умею прививать деревья. Сергей никогда не ругал меня, если у меня что-нибудь не получалось, не приживалась привитая мною почка. Он садился на корточки возле яблоньки, смотрел на прививку, а потом говорил:

— Ты, наверное, плохо вымыла руки, когда делала прививку. Загрязнила срез...

Он научил меня подрезать виноград, выращивать помидоры. Научил правильно полоть и рыхлить землю.

Однажды я посеяла осенью пшеницу. Осенью и в поле и в огороде все серо. А моя делянка зеленела до самого снега.

Весной Сергей показал мне, как и когда пшеница начинает куститься: то стебельки торчали из земли по одному, а то стали кустиком расти. Потом пшеница пошла в трубку, заколосилась. Вскоре между усами пшеницы повисли нежные тычинки, набитые пыльцой,— моя пшеница зацвела.

Я узнала, что если два человека возьмут веревку, натянут ее и пройдут по цветущему пшеничному полю, задевая веревкой колосья и стряхивая пыльцу, они помогут пшенице лучше опылиться — тогда в колосе созреет больше зерен. Такой опыт я провела на своей делянке.

Теперь я люблю смотреть, как цветет пшеница. Если дует ветер, колосья переплетаются, и слышно, как они шепчутся.

Этим летом я вместе с другими ребятами из нашего колхоза выращивала пшеницу на колхозном поле. Мы засеяли десять гектаров. И не простой пшеницей, а нашим школьным сортом. Называют его пока «Гибрид-2». Вывели этот сорт ребята нашей школы. Это была долгая работа, и участвовало в ней много ребят. Первыми были Шура Беседин и Коля Исаев. Они еще семь лет назад скрестили Польскую с Мелянопусом. Скрещивали пшеницу прививкой: прививали зародыш одного зерна другому.

Если семя пшеницы намочить и положить в тепло,— пробуждается зародыш. Говорят: семя «наклевывается».

В семени готов запас питания для зародыша — эндосперм. Эндосперм — первый воспитатель пшеницы. Качества, заложенные в нем, передаются новому зерну, которое вырастет из зародыша. А если дать зародышу другое питание? Тогда зерно нового урожая тоже будет иным, у него будут качества другого семени.

Наши ребята замачивали семена пшеницы двух сортов: Польской и Мелянопуса. У набухших и чуть наклюнувшихся зерен они вырезали бритвой эндосперм вместе с зародышем и меняли их местами. Зародыш Польской пшеницы питался соками Мелянопуса. Их качества смешивались в новых гибридных семенах. Потом отбирали лучшие семена и еще и еще раз скрещивали.

Сейчас наша школьная пшеница растет в колхозе. Сеяли мы ее широкими рядами. Это для того, чтобы она лучше кустилась и дала побольше семян. Нам хочется, чтобы нашу пшеницу Гибрид-2 сеяли в колхозе на сотнях гектаров.



ПРО КУНЖУТ

Рассказ Вали Диденко.

Я расскажу про кунжут.

Семена кунжута нам прислал Владимир Георгиевич Картамышев. Он ученый, работает в Койсуге на опытной станции масличных культур. Когда я ездила в Ростов на областной слет юннатов, я видела Картамышева и слышала, как он рассказывал про кунжут.

Из семян кунжута добывают ценное масло, которое заменяет оливковое. Оно нужно для самой лучшей халвы, для сардин и шпрот.

Родом кунжут из Южной Америки, из тропиков. Он малопривычен к нашей земле и погоде. У нас его сеют в Средней Азии и на Кавказе.

Картамышев уже давно выводит новые сорта кунжута. Нужно, чтобы они были урожайные, чтобы давали белые семена (это очень важно для пищевой промышленности) и чтобы все семена созревали одновременно. А то с семенами кунжута много хлопот. Нижние коробочки созреют, а верхние еще зеленые. То одна коробка раскроется, то другая. Попробуй собери семена!

У Картамышева есть новый сорт кунжута — Донской-1031. Ученому нужно обязательно знать, как будет расти этот сорт в разных районах: в засушливых и во влажных... Вот он и разослал семена кунжута в разные школы.

Нас он попросил провести внутрисортовое скрещивание кунжута.

Посеяли кунжут в мае. Рано сеять нельзя: семена кунжута прорастают при температуре в семнадцать градусов. Такое тепло у нас бывает не раньше мая. Но к этому времени уже пересыхает сверху земля. В сухой почве семена не наклюнутся, а глубоко кунжут не посеешь: семена-то мелкие, и у ростка сил не хватит пробиться из глубины.

Мы с Валей тяпкой снимали сухой слой земли. Это называется «открывать сырую

почву». В сырую почву мы и сеяли кунжут. Клали семечко от семечка на расстоянии пяти сантиметров и засыпали неглубоко — на два — три сантиметра...

Растет кунжут быстро. Листья у него продолговатые. Цветы распускаются розовые. Но мы не давали цветам распускаться! Каждый вечер обрывали готовые раскрыться бутоны.

У кунжута вместе с венчиком обрываются и тычинки, а пестик остается на стебле... Мы высыпали сорванные бутоны на чистый стол и отделяли лепестки от тычинок. Тычинки клали в чистую коробку. За ночь на тычинках созревала пыльца. Рано утром мы снова приходили на опытный участок и смешанной пыльцой опыляли пестики.

Это продолжалось дней двадцать пять (я уже говорила, что цветет кунжут долго, недружно). Так мы проводили внутрисортовое скрещивание.

У нас есть дневник. В нем записано, когда кунжут посеян, когда он взошел, когда мы его подкармливали.

Свои записи и созревшие семена мы отослали Владимиру Георгиевичу. Он сказал: «Мечетенские юннаты — серьезные люди. Они добросовестно относятся к работе...»

Нам приятна была похвала ученого.

* * *

Мечетенские юннаты — люди серьезные. Это могут подтвердить многие. Но лучше всего говорят об этом их дела.

Опытный участок у мечетенцев не маленький — почти два гектара. Есть там виноградник, плодовый сад, опытные делянки, плодовый и лесной питомники, парники и теплица.

На участке всегда полно ребят. Каждый занят своим делом, своим опытом. А опытов ставятся сотни. Все школьники учатся сажать, сеять, прищипывать, обрезать, поливать, собирать урожай... Ребята узнают простые, тысячу лет известные секреты земледельцев, узнают и совсем новое, недавно открытое учеными.

Слыхали ли вы, что подсолнечнику полезно «умываться»? Когда он зацветет и пыльца созреет, по его «лицу»-корзинке осторожно проводят ладонью в мягкой варежке или полотенцем. После такого «умывания» в корзинке подсолнечника завязывается больше зерен-семечек. Этот способ увеличения урожайности знают мечетенские ребята.

Знают ребята и о том, что ученые рекомендуют еще добавлять к пыльце подсолнечника пыльцу кукурузы или клещевины. Чужая пыльца делает подсолнечник более стойким, жизнеспособным. Для этого нужно подсолнечник, кукурузу и клещевину посеять в те же сроки, чтобы зацвели они в одно время.

По заданию ученых мечетенские ребята сеют горчицу Сизую. Из этой горчицы добывают вкусное масло. Ребята выясняют, как лучше подкармливать горчицу: через листья, опрыскивая их растворами удобрений, или внося подкормку в почву. У горчицы много врагов — вредных насекомых, которые весной и летом едят ее листья и стебель, сосут цветы, точат корни. Нужен такой сорт горчицы, которому никакие мошки и букашки не страшны.

Конечно, сами ребята не могли бы сообразить, как это делать. Но они знают, что в Койсуге, на опытной станции масличных культур, рядом с горчицей — десятки различных растений из семейства крестоцветных: овощи, травы, сорняки... Селекционеры смотрят, на какие растения не нападают вредители, и на них прививают горчицу. Ребятам тоже очень хочется заняться выведением нового сорта горчицы.

Бригада старшеклассников работает в колхозе. Уже третий год выращивают ребята пятьдесят гектаров гибридной кукурузы.

Правильно опылить кукурузу — дело не простое. Все члены бригады умеют это делать так же, как они умеют пасынковать виноград, сажать летом картофель на семена.

Всему этому научились они на своем школьном участке.

Н. Бобнева

ЮННАТСКИЕ ВЕСТИ С ВДНХ

РЕБЯТА ПЕРВЫЕ



Когда сеять кукурузу?

«Самая пора, когда вишня зацветает», — говорит знаменитый украинский кукурузовод Марк Евстафьевич Озерный.

В это время почва нагревается до двенадцати градусов. Если же посеешь кукурузу раньше, семена во влажной почве набухнут, но не прорастут, только «засолодеют». Такое кукурузное зерно — лакомство для червяка-проволочника и всяких других вредителей.

А как быть холодной весной? Посеешь кукурузу позже, она не разовьется, не созреет.

На станции Клязьма, в средней школе № 3, юннаты придумали вот что: они сеют кукурузу в конце апреля, в холодную почву, но наклюнувшимися семенами. Их можно сажать руками, можно сеялкой сеять. Ростки не погибают, дружно и быстро всходят. Такая кукуруза успевает созреть. Специалисты говорят, что в области никто, кроме ребят, не сеял таким способом.

МАЛИНА-ЗЕМЛЯНИКА



Есть растение малина-земляника. Так его назвал Мичурин. Куст у этого растения, как у малины, а ягоды похожи на крупную садовую землянику. Жаль только, что они невкусные.

Мичурин считал, что малину-землянику надо продолжать скрещивать с ежевикой или малиной, чтобы получить среди сеянцев ценные сорта с вкусными ягодами. Эти ягоды будут расти на однолетних побегах, как у малины-земляники. Значит, их не надо пригибать и засыпать на зиму, как малину.

Юные натуралисты Московской городской станции опыляли малину-землянику пыльцой малины и ежевики. На трех гибридных сеянцах созрели ягоды, правда, еще не такие сладкие, как ежевика или малина, но уже достаточно вкусные.

Ребята продолжают улучшать гибриды.

КОСТОЧКА ПЕРСИКА



У персика, пожалуй, самая крупная косточка из всех его сородичей. Все, кто занимается улучшением персика, всегда думают, как бы так сделать, чтобы косточка у нового сорта была поменьше, а мякоти было побольше?

У юных садоводов 14-й школы в Фергане растет гибридный персик с небольшой косточкой.

В 1953 году ребята посеяли семена персика. Прошел год. Сеянцу персика привили почку старой японской сливы. Весной следующего года садоводы срезали верхнюю часть персика. Осталась только привитая почка да небольшой шип повыше прививки. Из сливовой почки развился побег. На персике росла слива. Еще через год в крону сливы привили почку молодого персика. Сливу срезали, а персик рос, питаясь соками и сливы и персика. Этот вегетативный гибрид дал плоды. С виду и по вкусу это персик, а косточка маленькая.

ДВЕСТИ ДЕВЯНОСТО ВОСЕМЬ ИЗ ОДНОГО



Как быстро размножить новый ценный сорт картофеля?

Такой способ есть. Юннаты Бабынинской школы Калужской области в марте взяли килограмм картофеля, каждый клубень разрезали пополам и посадили в ящики. Скоро появились ростки. Когда ростки выросли до трех — четырех сантиметров, их срезали и посадили в ящики с землей.

На половинках клубня появились новые ростки. Снова их срезали и сажали в ящики. Так повторялось несколько раз.

В мае, когда стало тепло и все ростки укоренились и буйно разрослись в ящиках, их высадили в землю.

Осенью юннаты собрали богатый урожай — двести девяносто восемь килограммов картофеля!

ПОМОЩНИК ФИЛАТЕЛИСТА



Эту книжку интересно прочитать не только тем, кто собирает марки, но и просто любознательным ребятам.

Сколько нового и полезного узнаешь, листая ее страницы! Ну кому не интересно узнать, кто такой Челюскин, что государство Ливия имеет две столицы или в каком году и где проходил первый пионерский слет?

Оказывается, обо всем этом рассказывают разные марки, а книжка, о которой мы говорим, рассказывает о марках.

Хорошо бы ее почитать всем юным филателистам!

В ней можно найти редчайшую советскую марку с портретом академика О. Ю. Шмидта на фоне ледового лагеря или узнать о том, что на старых болгарских марках с портретом царя после победы народной власти делались надпечатки: «Собирайте старое железо». Там же есть целые страницы марок различных государств с изображением редких животных и птиц.

Многие ребята любят собирать марки, но не все из них знают о том, как они печатаются, какие существуют сорта марочной бумаги, водяные знаки, зубцовка. Не так-то просто порою бывает и определить марку: в какой стране она выпущена, когда, что на ней изображено?

А в этой книге как раз есть важные советы, интересные рисунки и сведения, помогающие разобраться во всех таких вопросах. Они ведь возникают постоянно, с появлением в коллекции каждой новой марки.

А какие марки собирать? Любые или только определенной страны? Или, может быть, собирать их независимо от того, какая страна выпустила их, лишь бы они были посвящены избранной теме, например, спорту или искусству?

Что лучше: марка гашеная или негашеная? Снимать ли ее с конверта, когда она погашена специальным штемпелем, или лучше поместить в коллекцию такой конверт целиком?

А как отделять марки от конвертов, как и на чем размещать их, как прикреплять к альбому, как самому сделать альбом?

Ведь все это надо знать. И тут определенно не обойтись без такого верного и доброго советчика, как эта книжка. Она познакомит тебя и со всеми принадлежностями, необходимыми коллекционеру, научит умелому обращению с марками.

Попроси эту книгу в своей школьной или районной библиотеке, не забудь ее автора и название: И. Дайхес «Как собирать почтовые марки».

К. Садиленко

МАРКИ НАРОДНОГО КИТАЯ

Много интересного о жизни своей страны может рассказать маленькая почтовая марка.

На последней странице обложки нашего журнала мы поместили некоторые марки народного Китая. В них отображена богатая древняя культура великого китайского народа и строительство новой жизни в Китайской Народной Республике.

На марках КНР мы встретим портреты вождей мирового пролетариата и руководителей китайского народа. Другие марки знакомят нас с гербом и флагом КНР. Многие марки рассказывают об исторических событиях. Интересно выполнена марка, показывающая пути механизации сельского хозяйства: на полях Китая вместо буйвола и мотыги появляется мощный трактор.

Марки рассказывают о нефти, угле и других богатствах страны, о производстве электроэнергии, металлургии и машиностроении.

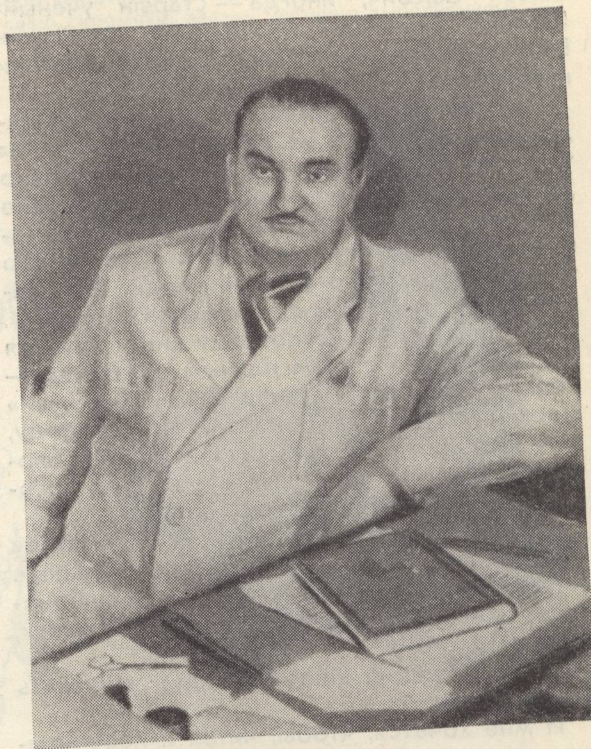
Вышла остроумно и красиво исполненная серия марок, посвященная древним изобретениям Китая: компасу III века до нашей эры (с драконами и лягушками, указывающими стороны света), сейсмометру (132 год нашей эры), счетчику расстояний и небесной сфере.

Ряд марок посвящен деятелям мировой и китайской науки и культуры: польскому астроному Копернику, французскому писателю Рабле, китайскому писателю Лу Синю, поэту Чуй Юаню, астроному Чжан Хону.

Марки великой братской страны можно приобрести в магазинах Когиза. Однако интереснее завести переписку с юными филателистами Китая и установить с ними обмен марками. Лучше такой обмен вести школьным кружком коллекционеров. Так вскоре можно собрать интересную коллекцию и даже устроить выставку китайских марок.

Что нам читать?

ТРИСТА КНИГ И ОДИН ГЕРОЙ


Виталий Валентинович Бианки.

Несколько лет назад пришлось мне побывать в Горном Алтае, в самых глухих его местах. Путешествовал я вдвоем с местным охотником Мишей Суртаевым. Вечерами у костра мы подолгу разговаривали о разных разностях: о больших городах, которых Миша еще не видел, о кинофильмах, книгах. Миша любил читать и, хоть ему трудно было доставать новые книги, знал и помнил произведения многих писателей.

Однажды в нашем разговоре было названо имя Виталия Бианки.

— Очень хороший писатель! — убежденно сказал Миша.— Много видел, много знает, о лесной жизни пишет правильно...

Я не удивился такому отзыву. Большинство книг Бианки написано про охоту, и кому, как не охотникам, они должны нравиться?

Через полгода я вернулся в Ленинград и как-то зимой встретил знакомого военного моряка.

— Это мой любимый писатель, еще с детства люблю! — сказал моряк, когда я опять назвал имя Бианки.

Эти слова меня уже озадачили. Мне было известно, что моряк никогда не был охотником, особенной тяги к лесу не чувствовал, а все свои отпуска проводил в южных санаториях.

Задумавшись над этой странностью, я вспомнил еще несколько знакомых людей, которые называли Виталия Бианки своим любимым писателем. Эти люди тоже были городскими жителями и вряд ли умели держать в руках охотничье ружье.

Потом я вспомнил читательские конференции, встречи со школьниками в пионерских лагерях. Когда разговор заходил о книгах Бианки, улыбались и поднимали руку не только мальчишки, но и девочки — от совсем крохотных первоклашек до степенных выпускниц. Уж, конечно, эти девочки никогда не бродили по тайге и вовсе не собирались становиться завзятыми следопытами и охотниками... Отчего же им нравятся книги Бианки?

И тогда я попробовал новыми глазами, свежим взглядом просмотреть «Лесную газету», «Мурзука», «Нечаянные встречи» — книги, которые мне самому запали в душу со школьных лет.

И секрет открылся.

Я вдруг ясно увидел, что книги Виталия Бианки написаны не о зверях, птицах, травах и деревьях, а прежде всего о человеке.

В каждом рассказе Бианки, в каждой повести, в каждой сказке, казалось бы, различные герои. Иногда это лукавый мудрец Сысой Сысоич, иногда — старый ученый-биолог, иногда — колхозный школьник Егорка, иногда — сам рассказчик, от имени которого ведется повествование.

Но попробуйте поставить этих героев рядышком. Сравните их друг с дружкой. Вы увидите, как много в них общего: словно друзья-единомышленники, они любят одно и то же, борются против общих врагов, заняты одинаковым делом. Это удивительно чистые, добрые, отважные люди. От знакомства с ними сам становишься лучше.

Очевидно, именно поэтому книги Виталия Бианки дороги самым разным читателям — любых возрастов и профессий. «Охотничьи» книжки учат не только понимать природу, они учат понимать жизнь, они показывают положительных героев, на которых хочется равняться.

Около трехсот произведений написал за свою жизнь Виталий Валентинович Бианки. Книги его стоят в любой школьной библиотеке; они есть в далеких городах, деревнях, селениях.

Это настоящие книги, и будут они жить очень долго.

И мне хочется, чтобы, читая и перечитывая их, вы обращали внимание на самое главное.

Раскрыв страницы, вы попадаете в удивительный мир: светит солнце сквозь листву, гремят птичьи трели, рысь притаилась на дереве, зайчонок перебежал полянку, огромный лось сошел с берега озера в воду, заколыхались фарфоровые цветы кувшинок...

Лес обступает вас со всех сторон — со всеми красками, звуками, запахами. Он удивительно интересен!

Но еще интереснее человек, что идет по лесу.

Приглядитесь к нему, оцените!

Он смел и настойчив, он много знает и много умеет. Он пройдет по тесной тропе над кручами, не испугается хищного зверя, отыщет дорогу во тьме.

Он благороден, не обидит слабого, не бросит в беде друга, не обманет и не соврет.

Он пытлив и упорен, не поверит страшным слухам, не отступится, а сам разгадает тайны природы и разрушит суеверия.

Он любит свою Родину, бережет ее богатства и приумножает их: раскидывает сады, поднимает в безлесных местах молодые рощи, охраняет птиц и зверей.

Это новый хозяин земли, наш советский человек. Основная заслуга Виталия Бианки в том, что он создал такой образ, такого литературного героя.

Хочется мне и еще одного: чтобы вы знали, каким замечательным человеком был сам Виталий Валентинович Биачки.

Говорят, что душа писателя отражается в его творчестве, как в зеркале: как бы ни старался, а ничего не скроешь. По отношению к Виталию Бианки это очень верно. В нем были все лучшие черты его литературных героев. Его любовь к родной земле, его честность, его смелость, щедрость, душевное богатство отразились на всем, что он написал.

Удивительно много друзей было у этого человека. Не счесть всех, кому он помогал, кого поддерживал, ободрял, терпеливо учил. Даже в последние годы, когда Виталий Валентинович был болен, в его квартире на Васильевском острове постоянно бывали люди. Приходили известные ученые, музыканты, артисты, рабочие, лесники, студенты, школьники...

А кто сочтет, сколько у него неизвестных, незнакомых друзей! Во время болезни Бианки, незадолго до его смерти, из далекой Сибири пришла однажды маленькая бандероль. Когда развернули, внутри оказалось яблоко. Прислал его незнакомый мальчишка, просто так, от чистого сердца...

Виталию Валентиновичу не успели показать этого подарка.

Висит на стене зачехленное ружье, бинокль. Накрыта чехлом пишущая машинка. Остались незавершенными многие замыслы.

Но живут книги, и круг друзей продолжает расти, и тысячи новых читателей будут говорить про Виталия Бианки:

«Это мой любимый писатель».

Эд. Шим



«ДРЕВНЕЕ И МОЛОДОЕ»

Это рисунки из книги художника О. Верейского «Древнее и молодое», в которой автор рассказывает о своем путешествии по странам Арабского Востока. Вот что пишет художник в предисловии:

«...Наша поездка продолжалась всего лишь сто дней. И в этот недолгий срок я успел от всего сердца полюбить чудесные края Арабского Востока, почувствовать искреннюю симпатию к красивым, гордым и трудолюбивым людям, населяющим их. И если мне удалось в записях и рисунках хотя бы в какой-то мере выразить эти чувства, если мои работы согреты ими, я смогу считать свою скромную задачу частично выполненной».



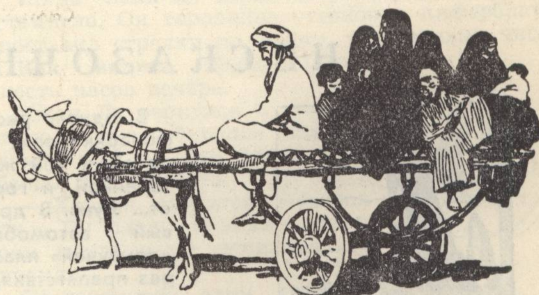
















ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО АКТЕРА

Как часто бывает в детстве, что сказка, выдумка, веселая фантазия вмешиваются в твою жизнь. В замороженном окне видишь волшебные леса, куда ты уходишь по ледяной дорожке. У тебя оживают игрушки, человеческим языком говорят животные, появляются предметы, которых вообще нет на свете, а какая-нибудь полинявшая кукла становится твоим другом.

Все это делает жизнь человека интереснее, счастливее, праздничней. И, может быть, из этих истоков возникает любовь к искусству, а иногда и само искусство.

Так вот сложилось и в жизни Саши Лопахиной, что самым лучшим ее другом стал игрушечный Петрушка, актер кукольного театра, добрый, вечно жизнерадостный. В те дни, когда Саша впервые появилась в книге, ей жилось очень тяжело, и лишь с этим маленьким другом могла она разделить свое одиночество и свои печали.

Но книги не было бы, если бы Петрушка так и остался у Саши в комнате. Сидеть на одном месте было не в его характере, он должен был действовать, ему нужен был театр, представления, публика: ведь Петрушка был прирожденный актер!

И вот автор, чей голос, тихий и ласковый, ты все время слышишь в книге, вводит нас в широкую, разнообразную жизнь людей, наших современников, людей, которые живут и работают рядом с нами, вокруг нас.

Тут мы встретим славных актеров Мусю и Олега, которые приехали с кукольным театром на новостройку. Заглянем за кулисы кукольного театра, где наш деятельный Петрушка затмевает Петрушку ученого, Петрушку бесталанного, зазнавшегося, который только и думает о себе и своем успехе.

Отправимся вместе с кукольным театром в поле, в полевую бригаду. Ну уж и радовались там Петрушке и бригадиры, и трактористы, и учетчики, ну уж и хлопали ему!

А потом попадем вместе с Петрушкой на ситцевый бал, где терпит неудачу нарядная бездельница, а трудолюбивая мастерица Машенька веселится до утра и где, надо сказать, чуть не погиб наш Петрушка.

Побываем в старой башне у художника, который умеет творить чудеса на белом картоне. Узнаем мы и тоску одиночества и вынужденного бездействия печальных дней, когда приунывший Петрушка висел на веревочке за стеклом музейной витрины.



Младшие ребята с увлечением прочтут книгу Э. Эмден «**П р и к л ю ч е н и я м а л е н ь к о г о а к т е р а**», написанную легко и остроумно. Так же прочтут ее и старшие. Но если младшие будут следить лишь за действием, лишь за приключениями маленького кукольного актера, то старшие уловят и поймут сокровенную мысль книги о том, что настоящее искусство, созданное народом, никогда не умирает.

Л. Воронкова

НЕСКАЗОЧНЫЕ ЧУДЕСА



Книга называется «Однорогая жирафа», но это не про Африку и не про зоопарк. Книга рассказывает о людях, которые смело думают и смело действуют. Они придумывают и создают удивительные, небывалые вещи.

В одном рассказе карманный фонарик горит много месяцев с одной и той же бессменной батарейкой, и гореть его заставляет... Луна. В другом рассказе новый автомобиль-вездеход из «прыгучей» пластмассы скачет через препятствия, как лягушка. Новый дом летит в горы на буксире у самолета. Тонкая искусственная нить оказывается крепче стальной проволоки, а большая палатка умещается в кармашке рюкзака. Ботинки не стаптываются и растут вместе с ногой. Все это вы найдете в книге **Виктора Сапарина «Однорогая жирафа»**, названной так по одному из заключенных в ней рассказов.

Эти рассказы, собранные теперь вместе, печатались на протяжении последних лет в различных журналах. И знаете, ребята, что особенно интересно? А то, что жизнь догоняет фантастику. Еще не летают на буксире дома, но части домов уже летают: вертолеты работают на стройках вместо подъемных кранов. Искусственные нити прочнее стальных тоже существуют. Пластмасса уже заменяет не только железо в автомобильных кузовах, но и шестерни в заводских станках. И электростанции, управляемые электронно-вычислительными машинами, переменили свой адрес: со страниц научно-фантастических рассказов они переселились в жизнь, на берега настоящих рек, перегороженных невыдуманными плотинами.

Это очень интересно — видеть, как жизнь догоняет, а то и перегоняет фантазии писателей. Ничего не поделаешь! В такое уж время мы живем: смелая мысль и трудовые подвиги наших физиков, химиков, инженеров, рабочих любую мечту превращают в явь.

Е. Рубцова



ЗАКОЛДОВАННЫЕ ШНУРЫ

Старинный китайский фокус

Вечер самодеятельности в разгаре. Ведущий программу объявляет: Андрюша-Ловкие руки в новом репертуаре!

Все хлопают. Андрюша популярен в дружине. Мастер на выдумки, он знает много фокусов и умеет их показывать так, что зрители только рты раскрывают от изумления. Потому и зовут его так — Андрюша-Ловкие руки. На этот раз он выходит на сцену в пестро размалеванной маске и объявляет, что хочет показать старинный китайский фокус. В руках у него несложный на вид предмет, который вы видите на рисунке: две толстые дощечки, через которые по концам продернуты шнуры. Показав всем этот предмет, фокусник просит принести ножницы и какую-нибудь толстую книгу.

— А еще мне нужен помощник,— говорит он.— Он должен взять ножницы и разрезать один шнур между дощечками.

Появляется помощник и на глазах у всех разрезает шнур. А чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что шнур разрезан, помощник зажимает между дощечками книгу в том месте, где проходил шнур.

А затем Андрюша тянет перерезанный шнур за верхний конец, и... на глазах у всех нижний конец шнура, явно проходя сквозь книгу, тоже вытягивается кверху. По мере того, как удлиняется верхний конец, нижний заметно укорачивается. После этого Андрюша тянет шнур за нижний конец — и теперь уже верхний конец шнура начинает укорачиваться, уползая вниз через книгу.

— В чем же дело? — недоумевают зрители.

— Весь секрет в том,— объясняет Андрюша,— что шнуры у меня заколдованные. Я мысленно приказываю — и разрезанные концы шнура срастаются, проникая сквозь книгу.

Надо полагать, что есть и другое объяснение этого эффектного фокуса. Поищите его. Ведь каждый фокус — это головоломка, имеющая свое решение. И, конечно, разгадку нужно искать не в «магической силе» фокусника.

ИСТОРИЯ С ЧАСАМИ

В давние времена были в одном богатом доме настенные часы. Очень дорожил ими хозяин. Но вот однажды что-то случилось с часами, они остановились. Хозяин послал слугу за часовщиком, но тот был болен.

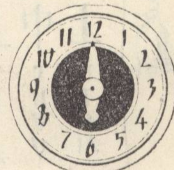
— Я знаю эти часы,— сказал мастер,— в них отличный механизм. Вряд ли повреждение серьезно. Мой ученик Чжан Лу пойдет с вами.



Чжан Лу наряду со многими своими достоинствами обладал одним существенным для его профессии недостатком, о котором, впрочем, пока лучше умолчать.

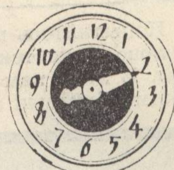
Придя на место, он осмотрел часы. Они были наглухо вделаны в футляр, и, чтобы добраться до механизма, пришлось снять циферблат. «Наверно, я долго провожусь с ними»,— с досадой подумал Чжан Лу, однако его опасения оказались напрасными. Он быстро нашел неисправность и легко устранил ее.

Когда Чжан Лу заканчивал сборку часов, уже стемнело. Он торопливо установил циферблат и поставил стрелки по своим карманным часам. Как видите, было ровно шесть часов вечера.



Чжан Лу вернулся в мастерскую и уже собирался уходить домой, как за ним вновь прибежал тот же слуга.

— Хозяин сердится,— сказал он.— Ты плохо починил часы: они показывают неправильное время.



Озадаченный этим сообщением, Чжан Лу поспешил в дом, где он только что был. Исправленные им часы показывали начало девятого.

Чжан Лу вынул из кармана свои часы, в правильном ходе которых никогда не сомневался. Они показывали то же самое время.

— Да, минута в минуту,— вынужден был согласиться хозяин дома, сверив те и другие часы.— Странная история...

Но тут пришли к хозяину гости, и он ушел, вскоре забыв о случившемся.

А наутро опять прибежал в мастерскую испуганный слуга, сообщив, что стрелки часов, не подчиняясь законам времени и не желая уго-

мониться, уже несколько раз показали смену дня и ночи, хотя прошло меньше суток.

— Хорошо, что хозяин еще спит и не знает этого,— прибавил он.— Что делать?

Чжан Лу, не раздумывая, побежал на место происшествия. Но, должно быть, взбунтовавшиеся часы испугались рассерженного вида молодого мастера и присмирели. Во всяком случае, когда Чжан Лу взглянул на них, они уже показывали абсолютно правильное время.

И действительно, было семь часов утра, начало восьмого.

Чжан Лу готов был не на шутку рассердиться, решив, что над ним потешаются, но тут ему пришла в голову одна мысль, заставившая его на миг задуматься, а вслед за тем громко расхохотаться. Большого труда не стоило ему убедиться в том, что догадка его правильна.

— Все ясно,— сказал он.— Если ваши часы сошли с ума, так я верну им рассудок.



И Чжан Лу сделал это довольно быстро. Часы перестали дурачиться. Прошло пять, десять, пятнадцать минут — часы вели себя благопристойно.

Прощаясь, Чжан Лу сказал слуге:

— Каждый должен делать свое дело и не браться за чужое, тогда все будет в порядке. А кто нарушает это мудрое правило, тех надо ставить на место. Я так и поступил.

Слуга не понял загадочных слов Чжан Лу, но он и вообще-то не отличался смекалкой. В таком случае, не найдете ли вы им объяснение? И не догадаетесь ли в связи с этим, о каком присущем Чжан Лу недостатке говорилось в начале нашего рассказа — недостатке, послужившем причиной странного поведения часов?

ЗАГАДОЧНАЯ ГРАМОТА



Попытайтесь прочитать зашифрованный в этой головоломке текст китайской народной пословицы. В этом вам помогут изображенные над русскими буквами знаки китайских иероглифов.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА**

Редакционная коллегия: **В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева, Г. Я. Тимофеева.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Оформление номера **Г. Макавеевой.**

Технический редактор **А. Ефимова.**

А 05665. Подписано к печати 26/VIII 1959 г. Тираж 520 000 экз. Изд. № 1292. Заказ № 1752.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ!
СОБЛЮДАЙТЕ ПРАВИЛЬНЫЙ РЕЖИМ ДНЯ!



Есть ребята, которые все успевают сделать: утреннюю зарядку не пропустят, уроки вовремя приготовят, книгу почитают, родителям по хозяйству помогут. И притом они вовсе не утомляются. В чем секрет их успеха? В правильном режиме дня. Такие школьники умеют заранее разумно распределить свое время: занимаются, отдыхают, читают, играют в отведенные для этого часы. Кто не отступает от раз заведенного режима, тот аккуратен, подобран, дисциплинирован.

Если и вы с детства привыкнете экономить каждую минуту, то потом, взрослыми, принесете больше пользы народу, лучше будете работать на фабрике, в колхозе, в лаборатории. Подумайте только, ребята, как дорога советская минута: в 1965 году — в последнем году семилетки — за одну минуту в СССР будет производиться примерно 133 тонны чугуна, 173 тонны стали, 23,4 тысячи метров хлопчатобумажных тканей и множество других товаров и продуктов. Если все наши люди научатся беречь время, не растрачивать зря ни одной минуты,— сколько дополнительных богатств получит народ!



Пионер! Школьник! Привыкай вставать и ложиться всегда в одни и те же часы, и ты будешь быстро засыпать вечером и подниматься по утрам бодрым, хорошо отдохнувшим. Есть надо тоже своевременно, а не когда попало, на ходу. Вообще соблюдение распорядка дня, правильное чередование труда, отдыха, развлечений, занятий физкультурой и спортом — все это не только облегчает текущую работу, но и предохраняет организм от переутомления, на долгие годы сохраняет здоровье.

Ребята! Пусть каждый из вас с помощью врача, педагога, родителей выработает и строго соблюдает разумный распорядок дня! Это поможет много успеть в жизни, принести больше пользы Родине.

Центральный научно-исследовательский институт санитарного просвещения.





МАРКИ НАРОДНОГО КИТАЯ

































